

Жан Даровский

ПУТНИК

Легенда о забывчивом попаданце

Глава 1. Жила и нож

Нож это друг, это соратник, это брат. Единственный верный защитник. И если ты можешь убежать или отступить, то нож не сделает этого никогда. Хотя, вся его самоотверженность и твердость — это всего лишь твердость твоей руки.

Нож — наши клыки, наши когти потерянные много лет назад. Холодный и блестящий, безупречный, нож жметя к рукам и порой кажется слабым и нежным, как лепесток цветка или тонкий сверкающий лед. Мы дарим ему жизнь, а он нам — победу. Нож рвет врага, кромсает на куски, бросая к нашим ногам поверженных, менее сильных, менее ловких, менее бойких и стремительных.

Оружие, наверное, единственное, что можно любить. Оно нас не предаст даже убивая. Ведь гибель исходит не из гладкой стали, а из теплых человеческих рук...

Так я думал, шагая по лесной дороге и чувствуя, как припрятанный в сапоге нож нагревается о тело, будто становясь живым. Я этот нож совсем недавно приобрел. Мы с ним еще не притерлись до конца, не сошлись.

Я всегда относился к оружию, как к чему-то живому, ведь без него в нашем мире не проживешь, как и, пожалуй, в любом другом из миров. Еще я раздумывал о том, что кроме ножа мне, конечно, не помешал бы еще меч или топор — это бы было совсем хорошо. Но для серьезного оружия нужны приличные деньги, а их у меня пока что не имелось и даже не намечалось, а соответственно не намечалось в ближайшее время ни оружия, ни доспехов, ни коня, ни даже еды.

Я плелся по дороге, петляющей среди ивовых кустов. Стоял жаркий солнечный день. Зной не особо меня пугал, ведь я шел в ближайший Дом, рядом с которым по моим расчетам находился большой водоем. Можно будет искупаться. Только какое купание на голодный желудок....

Я шел долго, пока местность не начала изменяться. Лохматый ивняк сменился соснами, а дорога вывела меня к обрыву, с которого открылся удивительный пейзаж. Внизу, под обрывом находилось огромное озеро, по которому плавали острова. На каждом из них стояли избы, кажущиеся с высоты игрушечными. От острова к острову вели деревянные мостки.

«Пятый Дом» — прочитал я резную надпись на столбе, стоящем в начале бревенчатой лестницы, ведущей вниз с обрыва к жилищам.

Место выглядело тихим и спокойным, поэтому я решил попроситься на постой. Спустившись, прошел по деревянному мостику к ближайшей избе, окруженной невысоким палисадником. У входа на меня накинулась одноухая серая собака, побрехала, потом повиляла хвостом и, толкнув мордой калитку, скрылась за ней. Спустя миг ко мне вышел хозяин и сурово спросил:

- Паломник?
- Нет.
- Воин?
- Нет.

— Путник?

Я кивнул. Пусть знает, что так и есть. Какой из меня паломник, а тем более воин? Нет ни оружия, ни доспехов, ни шрамов на лице...

— Входи, — хозяин проводил меня внутрь.

В доме было тепло, пахло цветами жасмина и березовой корой. Я огляделся и сел на лавку, на всякий случай поближе к окну. Вошла жена хозяина. Принесла корзину с хлебом, потом достала масло и молоко. Я стал есть, так как был голоден. Хозяин сел напротив меня и отрезал себе ломоть белой булки:

— Как тебя зовут, — спросил он не слишком вежливым тоном. Он был из тех больших и грубых мужиков, у которых напрочь отсутствуют две вещи — вежливость и злоба.

— Жила, — ответил я.

Он оглядел меня и ухмыльнулся.

— Вижу. И давно идешь?

— Может день, может два.

Хозяин вздохнул тяжело и продолжил свой допрос:

— Чего по пути видел?

— Змеехваты видел. Два кордона проходил, там солдат видел. И еще видел... Невозвращенца...

Хозяин кивнул хмуро:

— Про невозвращенца не рассказывай. Не надо.

Я согласился, что про невозвращенца говорить не стоит. Недоброе они несут, невозвращенцы эти.... В наших землях стать одним из них — значит пропасть. В наших землях есть Дома и есть пути, по которым можно путешествовать от одного Дома к другому. Дом — это поселение: деревня или село. Дом меньше города, а город — это Дом Изначальный.

Все пути идут через леса и болота, в которых властвуют нежить да нечисть. Если собьешься с пути, сойдешь с него — пищи пропало. Вернуться назад уже не получится, а выжить тем более. Поэтому и нет страшнее для нас, местных, слова, чем «невозвращенец». Невозвращенцы, они с пути сбились и вдоль него бродить продолжают, считая часы до своей гибели. Страшно их повстречать: их глаза полны отчаяния, а губы перекошены от немого крика. Нет им спасенья, оттого и смотреть на них жутко...

Хозяин не спрашивал меня, куда я иду и зачем. Расспрашивать о пути не принято — злые духи могут подслушать, а потом запутать, сбить с дороги. В дверь, толкаясь и крича, вбежали дети. Замерли на секунду, увидев чужака, но тут же успокоились и, не прекращая возню, расселись по лавкам. Две девчонки лет по тринадцать, пара малышей и паренек лет пятнадцати. Хозяин вышел, оставив меня с детьми. Они поели и опять убежали прочь, как стая щебечущих птиц. Со мной остался только самый старший.

— Издалека пришел? — спросил он меня тоном копирующим тон его отца.

— Да.

— А ты, наверное, много где был?

— Был, — ответил я.

— Расскажешь? — паренек донимал меня вопросами.

— Расскажу, — согласился я. — Только как тебя зовут-то?

— Адьяг, — гордо сказал парнишка.

Только сейчас, когда солнце скрылось за тучей, и в комнате воцарился серый сумрак, я

заметил желтые огоньки в глазах хозяйского сына.

— Ты Умеющий? — наверное, мой голос дрогнул и этим напугал мальчика.

— Ага, — кивнул он гордо. — Превращаться умею

— Волчище значит? — улыбнулся я, хитро прищуриваясь.

— Вот и нет, — пацан даже подскочил от возмущения, — я же сказал — Адьг.

— Это же твое имя? — не понял я.

— Не просто имя, — пояснил он, — к нам монах один странствующий приезжал. Он рассказывал про зверя, наподобие волка, который живет у моря и ловит морских черепах. Видал!? — он закатал рукав серой льняной рубахи и показал мне набитую на загорелой, уже начавшей обрастать мускулами руке татуировку в виде звериной головы, сжимающей в пасти черепаший панцирь. — Такой зверь адьягом зовется. Я и есть Адьг. Но все меня кличут просто Адькой.

— А мне тебя как называть?

— А как хочешь, так и называй.

— Тогда буду называть как все, — кивнул я.

Утром мы с Адькой пошли бродить по окрестностям. Сначала долго шли по деревянным мосткам от одного дома к другому. Народу нам по пути попало много: мужики, бабы, дети. Почти у каждого двора паслись длинноногие зеленоглазые кони. Они переступали стройными ногами и весело потряхивали гривами, едва нас увидев.

По дороге Адька все болтал без умолку, рассказывая разные байки про своих соседей:

— Тут живет тетка Пятерня. Знаешь, почему Пятерня?

— Почему?

— Потому что у нее всего по пять: пять сыновей, пять кошек, пять собак, пять куриц и овец тоже пять.

— А конь-то один, — я кивнул на привязанного к изгороди черного с подпалинами жеребца, который сидел на заду привалившись спиной к телеге и зевал во всю пасть, усеянную острыми как бритвы квадратиками зубов.

— Твоя правда, один! — изумился Адька, — а нет! У нее еще пара жеребят в сарае стоит и две коровы.

— Ну, ты даешь, — возмутился я, — коня с коровой поравнял.

— А какая разница-то? — невозмутимо ответил Адька, — мы вон в том году корову в телегу запрягали, и в плуг тоже.

— Ясно все с тобой, — отмахнулся я, про себя подумав, что адькино невежество есть лишь результат его деревенского воспитания.

Наконец мы оказались возле большой реки, и пошли вдоль берега.

— В церковь пойдём, — ни с того ни с сего вдруг заявил Адька.

— Откуда здесь церковь? — поинтересовался я насторожившись.

Церкви обычно строили Механики. Но Механики жили в городах и никогда не заглядывали в подобную глушь. Хотя, если поковыряться в истории, то можно вспомнить, что когда-то, на заре своего могущества, Механики распространяли свою религию повсеместно. Наверное тогда и была построена церковь и в этом Доме.

— Механики построили, — Адька подтвердил мои догадки, — смотреть пойдешь?

— Пойду, — кивнул я.

Я был обрадован предоставленной судьбой возможностью побывать в обители

Механиков.

— Тебе понравится, — радостно предупредил меня Адька, — Там чисто и красиво, а под самым потолком всякие шестеренки и колеса виднеются — от Механиков остались. В общем, есть на что поглазеть.

— Ясно. Я смотрю, тихо у вас тут, спокойно.

— Не, — расстроено выдохнул Адька, — это в соседних Домах тихо, а у нас — нет. У нас тут душегуб бродит.

— Кто? — не понял я.

— Душегуб. Людоедище поганое, — глаза Адьки гневно сверкнули, — ходит тут, девок ловит и жрет, только кости остаются...

— Так вот среди бела дня и ходит?

— Нет, что ты. Днем он в ивняке таится, а вот вечером, как только кто из девок или баб за водой на ночь глядя пойдет — он тут. Как тут.

— Так он кто? Человек или нечисть? — уточнил я.

— Какой там человек, — горестно вздохнул Адька если только по виду.

— Так ты что, видел его?

— Нет, рассказывали. А я только следы отыскал. Жаль, что не могу я еще превращаться, а то бы по запаху гада нашел, — Адькины глаза снова загорелись желтым огоньком.

— Ничего, научишься, — успокоил его я, — сначала от страха или боли превратишься, а потом поймешь, как это делается, и научишься по желанию превращаться.

Тем временем мы подошли к церкви. Я не видел раньше ничего подобного даже в больших населенных пунктах, а то, что увидел здесь, меня потрясло. Метрах в ста от берега прямо из воды поднималась белая башня с золоченым куполом-луковицей. Я даже рот открыл от удивления и восхищения. Адька, которому удалось удивить меня второй раз за день, просто сиял.

— А внутрь как попасть? — тут же спросил я.

— Как-как, переплыть! — сказал Адька невозмутимым поучительным тоном и, не раздеваясь, полез в воду. Я сунулся за ним, тоже в одежде. Поплыли. Вода была теплой у берега, а рядом с каменной стеной меня пробрало до костей. Отплевываясь и фыркая, Адька заявил, что тут очень глубоко. Я не спорил. Темная вода уходила вниз многометровой массой.

Мы обплыли стену вокруг и оказались около окна. Высота позволяла подтянуться на руках и оказаться внутри. Так и сделали.

Адька со знанием дела забрался внутрь. Я не доверял этому старому и величественному сооружению, а вот Адьке доверился сразу и полностью. Дружба с первого взгляда, так сказать. Я сам себе улыбнулся.

Внутри церкви оказалось не так темно, как мне показалось сначала. Внизу, прямо под нами, чернела окруженная колодцем стен бездонная бездна мутной воды. Где-то под ней, в невидимой глазу глубине должно быть скрывался алтарь.

Мы находились на подоконнике одного из верхних окон. Над головой возвышался полуразрушенный купол, внутри которого виднелись остатки какого-то механизма. Вот оно — забытое творение рук Механиков. Я заморожено разглядывал огромные, словно висящие в воздухе шестеренки и цепи. Увиденное напоминало механизм гигантских часов.

Все стены под куполом покрывали фрески. Огромные рисунки уходили под воду, заканчиваясь, наверное, где-то у пола: по плечи в воде вокруг нас стояли изображенные на

стенах ангелы. Их лица были нарисованы одинаково ровно и безупречно, словно по трафарету. Ангелы смотрели на нас спокойными ясными глазами, словно ждали чего-то. Было в их взглядах что-то требовательное, вопросительное.

Пока я глазел на фрески, Адька вдруг завозился и толкнул меня в бок. С соседнего подоконника в воду ручьем посыпалась пыль. Кто-то нежданно-негаданно решил присоединиться к нашей компании. Отследив адькин перепуганный взгляд, я потянулся по нему глазами, как по ниточке, пока не натолкнулся на существо, занявшее весь оконный проем соседнего подоконника.

— Смотри, — просипел Адька, рассчитывая, что вновьприбывший нас не услышит, — ангел там, как пить дать, ангел!

— Сам ты ангел. Это — нова, — ответил я многозначительно и со знанием дела.

— Кто?

— Потом расскажу, — прикладывая палец к губам, прошептал я.

Еще не хватало обсуждать эту тему сейчас, когда сама нова стоит на соседнем подоконнике. От этих существ можно ждать чего угодно. В больших населенных пунктах я видел нов — механических ангелов, созданных все теми же Механиками. Конечно, видел издали: в полете или на церковных куполах, а вот деревенщина-Адька, похоже, не видал их отродясь, поэтому перепугался совсем.

Нова, казалось, не замечала нас в упор. Она тяжело бухнулась на колени, положив рядом с собой огромный двуручный меч, в мой рост величиной. Трудно поверить, что эту махину когда-то создали из обычной девушки моего возраста.

Механический ангел — в прошлом человек, точнее девушка, а еще точнее невинная девушка. Когда она попала на службу к Механикам, ее жизнь круто изменилась. Все мирские заботы остались в прошлом. Настоящее для новы — это война. Именно для войны на несформированном еще человеческом теле Механики выращивали огромные крылья, пронизывали кожу проводами усилителей, заставляющих мускулы крепнуть и расти.

Наверное, в своей людской жизни эта нова была прехорошенькой. Теперь же ее тело представляло собой гору мышц, которые раздувались под стальным нагрудником, поножами и наручами. Особенно сильно выделялись грудные мышцы держащие крылья и широкий загривок. Под кожей поблескивали тоненькие проводки — усилители. В некоторых местах они прорвали кожу, и сверкающий металл распустил по стенам церкви солнечных зайчиков.

Нова посидела на подоконнике с минуту, метнула в нас быстрый мутный взгляд и, рванув крыльями воздух, улетела прочь. Ветер от ее могучих крыльев ударил по нам с Адькой, и мы повалились с окна наружу, в воду, как перезревшие яблоки с ветки...

Полные впечатлений от увиденного, вылезли на берег и легли на солнце, надеясь поскорее высохнуть и отправиться домой.

— Ух, и какая же она здоровенная! — поделился восторгами Адька, — и где они только таких девок берут, Механики эти. Вон, у нас девки-то не хилые, но чтоб такими быть.... Даже у тетки Пятерни дочь Иванка, ух и здоровущая, а все равно с этой новой не сравнится.

— Их специально такими делают. Это у Механиков магия такая, или, как там они говорят, наука, технология, — зевнув, ответил я.

— Жуткая какая-то наука, — покачал головой Адька.

Мы еще какое-то время беседовали, но потом нас сморило, и мы уснули прямо на песке.

Я очнулся, когда стало темнеть. Запад окрасился красным маревом, отовсюду потянулись темные тени. Я чуть приоткрыл глаза. Мой взгляд упал на хрупкую девичью

фигурку, склонившуюся над водой в паре десятков шагов от нас. Спросонья я чуть не принял незнакомку за русалку, но вскоре понял, что это просто кто-то из местных девчонок полощет белье.

— Вот Милка глупая! Притащилась одна среди темноты со своим бельем — дома ей не сидится, — пробурчал проснувшийся Адька. — Говоришь этим бабам, говоришь: не ходите на реку под закат, а они не слушают.

— Да не одна она, — заступился я за селянку, — вон с ней кто-то пришел, — я указал пальцем на тропу, ведущую от жилищ к реке.

Со стороны ивовых кустов к девчонке двигалась одинокая фигура. Здоровенный мужик, крадучись, подходил все ближе. В его руке я разглядел дубину, а в глазах недобрые красные огни. Тут меня как громом ударило:

— Беги! — заорал я девчонке, понимая, что до ближайших изб добежать ей скорее всего не светит.

Незадачливая селянка, похоже, не заметила нашего с Адькой присутствия и подпрыгнула от моего выкрика, уронив в воду бельевую корзину.

— Беги к нам! Душегуб идет! — поняв ужас сложившейся ситуации, заорал Адька, и бросился к ней навстречу. Я, недолго думая, поспешил за ним.

Услышав про душегуба, девчонка оглянулась медленно и, вздрогнув всем телом, понеслась что есть духу к нам. Мужик тоже повернул голову на крики, заметив ненужных свидетелей, получше перехватил свою дубину и двинулся за убегающей жертвой. Похоже, наше с Адькой присутствие его мало беспокоило. Надо сказать, что на его месте я тоже волновался бы мало — габариты у этого детины действительно оказались внушительные. Огромный, лохматый, с криво торчащими из-под губ зубами, душегуб вдвое превосходил среднего человека. В его силе тоже сомневаться не стоило — полутораметровую дубину он держал легко, как пруттик.

Я обогнал Адьку и, поравнявшись с девчонкой, на бегу отшвырнул ее за спину. Моментально настигнув нас, душегуб размахнулся своей дубиницей, надеясь сходу снести мне голову. Он все сделал правильно, за исключением того, что ударил горизонтально, а не сверху вниз. Это спасло мне жизнь. Я присел на корточки и не попал под окованный металлом шипастый наконечник. Выхватив из-за пояса нож, ударил врага простым прямым ударом в грудь, потом выдернул нож и наотмашь полоснул по горлу. Душегуб захрипел, но не упал и, отмахнувшись дубиной, вскользь задел меня по спине. Удар оказался невероятно сильным, и я полетел на землю. Где-то наверху свистнула дубина, похоже, снова нацеленная мне в голову. Потом раздалось свирепое рычание и сильный удар тела о тело.

Я попытался встать, но в этот момент меня накрыло что-то огромное и вонючее. Шипящий и булькающий душегуб повалился прямо на меня. Его огромное тело сотрясалось и ерзало, втирая меня в землю — это кто-то свирепо рычащий и невероятно сильный терзал людоеда, вцепившись тому в горло.

Под огромной тушей не было воздуха, я задыхался, в агонии скреб землю руками, но ничего поделаться не мог. Сознание начало отключаться, и я вырубился....

Глава 2. Бегущий во тьме

Адькино испуганное лицо — первое, что увидел, очнувшись... Я лежал на кровати в том самом жилище, куда пришел утром.

— Ты как, живой? — Адька заботливо протянул мне стакан воды, — я уж испугался, что ты не проснешься. Душегуб хорошо тебя своей тушей придавил.

— Вроде живой, — пробормотал я, пытаюсь изловить непослушной рукой выскальзывающийся из пальцев стакан: перед глазами все прыгало и двоилось, потолок, слегка покачиваясь из стороны в сторону, то поднимался вверх, то наползал на кровать, — вырубился я... а потом-то что было?

— А как ты сказал, так и было, — прошептал Адька серьезно и торжественно, — я перекинулся, впервые, от страха навверное.

— Или от злости, — предположил я.

— Да не, какая злость, точно от страха, — честно признался Адька.

— Ну, может и от страха, — не стал спорить я.

Мы помолчали несколько минут. Я слушал, как кудахчут под окном куры и нетерпеливо фыркает конь, сотрясая землю ударами тяжелого стального башмака-усилителя, укрывающего лошадиную ногу от копыта до колена.

— Теперь уйдешь? — спросил наконец Адька с толикой грусти и надежды на мой отрицательный ответ, но я его не обнадежил:

— Уйду.

— В другой Дом уйдешь?

— На дорогу, а там, как выведет.

— Отец велел тебе коня дать, — показательно вздохнув, заявил Адька и кивнул на двор....

Итак, хозяин Дома щедро одарил меня за помощь в борьбе с душегубом. Мне выделили коня, потертую уздечку и старое седло, усилители на ногах скакуна оказались старыми, но добротными, такими можно много дорог истоптать.

Лихо вскочив в седло сначала, на первых шагах я быстро растерял свой пыл — давно не ездил верхом, совсем разучился. Первое время от трясучей рыси у меня внутри все подпрыгивало, но потом я привык, приноровившись и вспомнив, как привставать на «облегченке».

Пятый Дом исчез за поворотом. Дорога сузилась, сосняк сменился густым ельником с темным подлапьем, в котором то и дело мелькали электрические разряды шкварников — мелких сухопутных тварей, наподобие электрических скатов, способных одним разрядом изжарить в угли зайца или куропатку.

Я ехал шагом. Дорога сузилась до тропы. Конь натягивал повод, желая пробежаться, но мы никуда не спешили, а сбиться с дороги из-за собственной беспечности, было недопустимо. Я задумчиво вглядывался в лес за обочиной. Лес вечен и бесконечен. Лес опасен...

Приходилось неустанно следить за ногами коня, чтобы тот не шагнул мимо выложенной черным камнем тропы. Широкая ли, узкая, тропа ли, тракт ли, дорога ли — все они неизменно ведут от Дома к Дому и непременно через смертоносный безжалостный лес. Я не знал, кто и как создал все эти неподвластные лесу дороги, но, как и любой другой местный житель, точно знал все меры предосторожности при передвижении по ним. Главное и неотменное правило всех путников гласило: сошел с дороги — значит все, пропал. Стал невозвращенцем. Дорога тебя обратно не пустит, а лес убьет в течении ближайших двадцати четырех часов. Поэтому и мало дураков разгуливать по свету без особой надобности. Лучше

сидеть в Доме и уж если выходить — то на большую широкую дорогу, по которой пять всадников вряд проедут и еще место останется.

Тропа сузилась сильнее, вплотную подступили к обочинам зловещие ели, потянулись лохматыми лапами — того гляди хватят коня за бока. Совсем тесно. Двоим не разъехаться. Если сейчас будет кто-то встречный, придется несладко: кто-то должен будет развернуться и двинуть назад, до широкого места. Хотя, этот страх, только страх: за все путешествия мне редко кто-либо попадался навстречу, видать, везло, а может, как думалось мне не раз, у дороги был собственный механизм регулирования и избегания нежеланных встреч.

Я слегка тронул коня пятками, тот увереннее застучал башмаками, высекая искры из камней. Шаг за шагом я успокоился, да и дорога стала чуть шире. Обошлось, подумал я прежде времени и успокоился.

Лес затих, будто море перед грозой, и меня совсем разморило. Да уж, всегда ведь знал, что нельзя доверять тишине и покою...

Я никогда не видел Воинов Пути, зато слышал о них ни раз, правда думал, что все это сказки, наподобие всякой ерунды о загадывающих загадки сфинксах или сторожащих башни с сокровищами драконах. Воины Пути — существа нелюдимые и жуткие. Кажется, по легенде их четверо: Перепадаль, Бегущий во Тьме и еще двое, не помню, как их имена. Да и какая, впрочем, разница? Нет их, не существует, или.... Похоже, в один прекрасный момент Воины Пути решили сами доказать мне, разэтакому неверующему Фоме, свое существование....

Лес притих, словно зверь, изготовившийся к прыжку. Тишина стала невыносимой, дорога напряглась, натянулась струной, стала выравниваться и заблестела всеми своими камнями, будто ее построили день назад. Я прислушался — тихо. Спустя миг в лицо подул ветер — кто-то двигался навстречу, разгоняя воздушные массы все сильнее. Я натянул повод, и конь встал как вкопанный. Передо мной была прямая, будто начерченная линейкой, тропа, что уходила вдаль насколько хватало взгляда. Лес волновался и радостно гудел, и в гуле этом чувствовалось кровожадное злорадство.

Метнув взглядом по сторонам, я снова взгляделся вперед: что-то двигалось мне навстречу в облаке полумрака, что-то стремительное и беспощадное. Я напрягся, вынимая нож и властно натягивая повод запаниковавшего коня. Теперь я уже мог ясно разглядеть то, что несло мне навстречу. Это был всадник. Он гнал своего черного скакуна во весь опор, не боясь соскочить с тропы, а за ним двигалась тьма. Лес мрачнел на глазах, обрастал мраком и перечеркивал тропу густыми тенями, Дорожные камни издали утробный тягучий звук, сменившийся пронзительным скрипом, а потом тяжелым галопом скакуна.

Воин Пути был уже рядом. Угольно-черный полуконь-полуволок раздувал ноздри и скалил желтые, покрытые розовой пеной клыки. Мощную голову чудовища защищала зеркальная броня, она укрывала и огромные башмаки, с выглядывающими с боков гидравлическими усилителями. Сам всадник, закутанный в черный плащ, казался неприметным, как тень. Я попытался заглянуть ему в лицо — из-под черного капюшона на меня зыркнули неразличимые глаза и повеяло злым безразличием.

Я затаил дыхание. «Сейчас всадник сметет меня, скинет меня с дороги — и тогда все» — мелькнуло в голове....

Черный скакун приближался все быстрее. Всадник словно не видел меня, только приблизившись вплотную, оказавшись перед самой мордой моего коня, он воткнул шпоры в бока своего оскалившегося монстра, и черная лошадь взвилась в воздух. На секунду я увидел

светло-серое брюхо перетянутое подпругой и бока, испещренные кровавыми шрамами. Черный зверь перепрыгнул меня с легкостью, словно я был бревном или пнем. Сметая хвостом клочья расплзшейся кругом тьмы, он помчался дальше, быстро исчезнув из вида.

Удача редко дает второй шанс, поэтому я со всей силы хлестнул своего коня поводом и, забыв напрочь про осторожность, помчался вперед, не оглядываясь.

Я долго скакал галопом, пока не добрался до развилки. Дорога в этом месте здорово походила на след куриной лапы, а в самой середине этого «следа» находился блокпост. Блокпост представлял собой деревянную будку со шпилем наверху. На шпиле торчали в разные стороны стрелообразные указатели дорог.

Увидев несущегося во весь опор всадника, из будки повыскакивали охранники и замахали мне, требуя остановиться. Я натянул повод, и разгоряченный конь завертелся на месте волчком.

— Ты что, невозвращенца встретил? — спросил один из охранников, ловя коня за повод.

— Хуже, — выдохнул я, — Воина Пути!

— Которого из них? — на охранника мои слова не произвели, казалось бы, никакого впечатления.

— Кажется, это был Бегущий во Тьме.

— Он что, пропустил тебя? — недоверчиво поинтересовался охранник.

— Нет, перепрыгнул.

— Бывает. Куда теперь поправишься? — охранник перешел к делу, интересовавшему его сильнее, чем моя встреча с Воином Пути.

— А куда можно? — ответил я вопросом на вопрос.

— Там, — охранник кивнул в левую сторону, — платная дорога, ведет в Широкие Дома, но тебе, путник, вряд ли хватит на нее денег...

— Ты мои деньги не считай, — сердито бросил я, прекрасно понимая весь резон предупреждения, — но в Ширь мне на надо. Делать мне там нечего.

— Направо не советую ходить, там Дурнодомье, туда никто не ходит, и дорогу мы скоро закроем, так что пути назад не будет. Прямо — Тракт Изменений, сейчас он ведет в Зеленый Дом, а куда будет вести завтра — одним Механикам известно.

Я ничего не ответил, но решение принял быстро. Вперед и только вперед, прямо на Тракт Изменений.

На широкой дороге я почувствовал себя уверенно и легко. Здесь можно было спокойно разъехаться несколькими всадникам. Никакие Воины Дорог не вздумают больше скакать через меня, словно я какой-нибудь забор. Но моя радость скоро улетучилась. Я огляделся, и ментально стер улыбку с лица: в траве у обочины среди веток кустарника мелькнул яркий цветок змеехвата.

Я знал об этом растении не понаслышке. Красно-рыжий с черными круглыми пятнами цветок рос в лесах у обочин, поднимая хищную цветастую голову на жирном зеленом стебле. Внутри соцветия прятались зубастые челюсти, способные мертвой хваткой вцепляться в намеченную жертву, и гибкий жалящий язык с ядовитыми щетинками, парализующий добычу.

Змеехваты приноровились преодолевать защиту обочины, выползать на дорогу и нападать на проходящих. Молодые растения могли нанести серьезные увечья, а старые запросто стягивали с дороги всадника вместе с конем. Одно радовало — яркий цветок виден

издалека, и не заметить его трудно.

Я спешился и достал из ботинка нож. Некрупный цветок учуял меня и медленно потянулся на дорогу. Я вышел вперед, отстранив за себя коня, чтобы змеехват не цапнул его за брюхо или ногу над коленом, и поравнялся с растением. Толстый стебель резко выпрямился — змеехват рванулся вперед, распахнув челюсти и выпустив из середины соцветия тонкий жалящий язык. Хорошо, что цветок оказался молодым и неопытным, он вцепился зубами мне в ботинок и зашарил языком по твердой коже, которую тщетно пытался прокусить.

Я не первый раз встречался со змеехватом и знал его слабое место: там, где цветок пересекает границу дороги, стебель становится мягким и податливым, сила пути словно разжижает его.

Нож проделал требуемую от него работу с удовольствием, и поверженный змеехват тут же из ярко-оранжевого стал бледно-пепельным. Я закинул его на седло — даже мелкий цветочек можно продать за хорошие деньги какому-нибудь аптекарю. Яд змеехвата используется для изготовления обезболивающего и других лекарств. Если покупателей не найдется, волокнистый стебель можно будет зажарить и съесть.

Дальше я шел пешком, боясь не сколько за себя, сколько за своего коня. Змеехваты больше не попадались, хоть это и было странным — хищные цветы обычно охотились стаей, по очереди затягивая в лес общую добычу. Я вглядывался в лес: деревья стояли редко, под ними пушился губчатый фиолетовый мох. То и дело в стороны от основной дороги отходили мелкие тропы. Выглядели они весьма заманчиво, но сворачивать я пока не планировал. Убедившись, что опасность миновала, я вскочил на коня и рысью поехал вперед.

За поворотом между стволами маячил округлый горб каменного моста. Я въехал на него, глянул за перила: под толстыми опорами струился тонкий сверкающий ручей. Я присмотрелся: уж очень сильно сверкали черные камешки на его дне. Дорожный камень всегда один и тот же и не узнать его невозможно. Я мог поклясться, что там, внизу, прямо под водой находилась дорога и, не раздумывая, направил коня вниз.

Ручей оказался неглубокий — едва по колено человеку. Сначала дорога шла по его дну. Вода журчала, закручиваясь водоворотами вокруг конских башмаков. По обоим берегам рос густой еловый лес, влажный, мшистый, пахнувший грибами. Конь осторожно переступал ногами в воде. Я прислушивался и приглядывался к окружающей природе, но ничего подозрительного в ней не находил.

Постепенно дорога вышла из ручья и углубилась в заросли кипариса. Местность изменилась: на обочинах появились какие-то незнакомые, широколистные растения, из которых глядели белые пустоглазые статуи. То и дело над дорогой поднимались арки и металлические перголы, увитые цветами.

Мне в лицо дунул ветер, заставив вздрогнуть от воспоминаний последней встречи. Неужели опять кто-то едет навстречу? Нет, еще одного дорожного Воина я не выдержу... Поворот, еще поворот. Каждый миг я ожидал увидеть всадника или пешехода, но тот все не появлялся. Решив, что ошибся, я пришпорил коня, желая прибавить хода, но за следующим поворотом ветер чуть не сбросил меня на землю.

На дороге лежала нова, половина тела которой уже находилась в лесу, за обочиной. Нова изо всех сил цеплялась за сверкающие дорожные камни руками и крыльями. Я слышал о мощи нов раньше, но не мог представить, насколько сильны эти удивительные создания. Даже всемогущая дорога не могла скинуть это могучее, уже отмеченное ядовитыми соками

леса существо со своей тверди. Нова изо всех сил пыталась вырваться, но даже ее силы не хватало, чтобы одолеть и дорогу и лес одновременно.

Я узнал эту нову. Она напугала Адьку в утонувшей церкви. Я не знал, что мне делать, но что-то делать было более чем нужно — необходимо.

Я спешил и подошел осторожно к распростертому на пути существу. В голове мелькнула опасная мысль: если в приступе паники нова вцепится в меня, вырваться вряд ли получится, и мы вместе станем невозвращенцами.

— Ты меня слышишь? — спросил я, отступая на пару шагов, — я хочу помочь.

— Тяжело... — голос новы был едва слышен, наверное, она держалась из последних сил.

— Ты в сознании? Понимаешь, что я говорю?

Нова подняла на меня измученные глаза. Из них стекали по щекам кровавые ручейки. Тонкая струйка сочилась и изо рта.

— Тяжело... — повторила она еще тише.

Выдохнув, я вернулся к коню. Снял с седла веревку из кожуры своего первого змеехвата. Я сделал ее сам давным-давно, когда только начал бродить по дорогам, и никогда не проверял на деле. Теперь этот момент мне представился...

Нову пришлось привязать за руки и крылья, она уже больше не говорила, только инстинктивно напрягала мускулы, продолжая вцепляться в камни. Один конец веревки я привязал к коню, за другой ухватился сам. Мы разом потянули. Ничего. Ни полсантиметра. Дернули снова — опять ничего, лишь веревка предательски затрещала. Я остановил коня, вытер рукой пот со лба. Ничего не выходило. Лес и дорога не терпели ослушаний и брали свое.

— Жила! — раздалось из-за спины.

Я обернулся на голос. Позади стоял волк с вещевым мешком на спине. Вернее не волк, а адьяг.

— Адька! Ты-то что здесь делаешь? — искренне удивился я, не чая встретить знакомого в таком глухом и злокозненном месте.

— Я из дома ушел, за тобой следом, — виновато прижав уши и опустив хвост, он встал подле коня, — Я тебе потом все подробно расскажу, а сейчас, привязывай! Привязывай скорее — я вам подсоблю!

Мощная звериная шея подставилась к моим рукам. Я снял с себя широкий кожаный пояс и надел Адьке вместо хомута, потом приспособил веревку. Конь и зверь встали плечом к плечу, я вцепился в крыло новы руками, и мы потянули.

Потом потянули еще раз, и лес ослабил хватку, выпуская плененную нову. От того, что сопротивление неожиданно исчезло, я полетел на камни и чуть не сшиб Адьку. Нова выползла на середину дороги и замерла, не подавая более признаков жизни.

— Здесь не стоит оставаться, — сказал я Умеющему, глядя, как по ветвям окрестных деревьев пошли волны сердитого ропота, — надо уходить, и нову как-то забрать надо...

— Как же мы ее потащим? — спросил Адька, глядя на распростертое по всей дороге крылатое тело, — тяжелючая она, наверное, ужас какая!

— На коня погрузим, — решил я.

Конь смерил меня обиженным взглядом и злобно оскалил острые зубы. Я ухватил его за повод и подвел к нове. Адька, тяжело вздохнув, перекинулся в человека. Процесс этот занял пару минут и выглядел не слишком приятно: хрустели кости, щелкали суставы и позвонки,

провисала и стягивалась кожа, уходил в нее, словно рос обратно, мех.

Когда преобразование закончилось, Адька достал из вещевого мешка одежду и поскорее натянул ее, не желая торчать голышом посреди неизвестной и полной опасностей дороги. Вдвоем мы подошли к недвижимой нове, но не смогли поднять ее с земли, как ни пытались.

— Нет, — выдохнул, наконец, Адька, — нам не поднять, да и коню не увезти. А знаешь что, давай, снимем с нее доспехи! — осенило его в конце.

— Хорошая мысль, — согласился я.

Мы сняли с новы поножи и наручи: они были невероятно тяжелы, но еще тяжелее оказалась неподъемная кираса, которую мы вообще с трудом отстегнули. Доспех новы пришлось бросить на дороге — унести его возможности не было. Только огромный меч, спрятанный в расписные увешанные кистями ножны, мы бросать не стали.

Теперь наше путешествие тянулось медленно. Конь, весь в мыле, словно после долгой скачки, приседал на задние ноги и устало дышал. Мы с Адькой по очереди волокли огромный меч. Понимая, что долго такая прогулка продолжаться не может, я изо всех сил прислушивался и принюхивался, старательно пытаюсь уловить ветер от какого-нибудь близлежащего Дома...

— Похоже, заплутали, — подумал я вслух.

— Не должны бы, — помотал головой Адька и высунул язык.

Я посмотрел на него — интересно, каков его лик? Вряд ли слишком высокий. Чудо, что в такой небогатой деревне вообще оказался Умеющий...

Я припоминал, что все Умеющие бывают трех ликов: Зверь, Полузверь и Великий Зверь. Зверь — самый низкий лик, позволяет обладателю перекидываться в хищника — обычно волка или пса, Полузверь сильнее и возможностей у него больше — этот обладает утроенной силой, может наводить морок и обладает некоторой магией, а вот Великий Зверь, самый высокий лик, дает обладателю и вовсе невиданные возможности: умение летать, перемещаться в пространстве и дышать под водой, не говоря уже о прочих магических мелочах. Вряд ли Адькин отец мог купить сыну даже лик Полуволка. На Волка то они наверняка всей деревней копили деньги, а этот дурак убежал на поиски приключений. А ведь должен был защищать жителей от всяких маньяков...

Отрывая меня от мыслей, громко заржал конь — нова на его спине пошевелилась и тяжело застонала.

— Эй, ты в порядке? — Адька бросил гигантский меч на камни и поспешил к раненой.

Тяжелые веки новы открылись, по спрятанным под кожей усилителям пробежали искры. Она дернулась, как от удара током, и непонимающе подняла голову.

— Кто вы? — иссохшие, растрескавшиеся кровавыми щелками губы с трудом разомкнулись. — Где мое оружие?

— Оружие здесь, а броню, уж извини, пришлось бросить, — отчитался я и кивнул на лежащий у ног коня меч.

— Главное — меч, в нем вся сила... — прошептала нова, склоняя тяжелую голову к лошадиной холке. — Кто вы?

— Я — Жила, — представился я, — а это — Адька.

Мы почувствовали, как странное, неземное существо осматривает нас своими глазами-рентгенами, просвечивает до самых костей, до дальних, потаенных глубин сознания.

— И правда — Умеющий, — нова спокойно посмотрела на Адьку, — но для того, чтобы полностью овладеть умением, тебе придется еще многому научиться, — потом обернулась

на меня.

— А ты нездешний.

Я вздрогнул от неожиданности и тут же выпалил, не понимая, в чем таком подозревает меня нова:

— Я просто путник, хожу по дорогам от Дома к Дому — это всякий подтвердит!

— Ты не тот, кем себя считаешь, — фраза, прозвучавшая в мою сторону, заставила вздрогнуть от неожиданности.

— Я же сказал, что просто путник, — еще раз убедительно повторил я, но нова лишь нахмурилась.

— И откуда же ты начал свой путь? Где родился? Где вырос и куда отправился?

— Я родился... — раньше меня как-то не особо волновал этот вопрос, поэтому я замялся и почесал в затылке, — в одном из Домов, как и все.

— В каком из Домов? — нова прожгла меня глазами, вглядываясь требовательно и строго.

— Какая разница, да мало ли в каком? — я переглянулся с Адькой, который выглядел крайне удивленным.

— Ты правда не помнишь? — сказал он с укоризной. — Seriously? Все помнят свой Дом, ведь Дом — это самое главное. Как ходить по дорогам, не зная, где твой Дом? Тут что-то не так, Жила.

Я уже и сам понял, что что-то не так... Чем сильнее я ворошил воспоминания, тем яснее осознавал, что они выглядели примерно одинаково: дорога или чужой Дом, в который я зашел мимоходом. Монотонные отрывки, похожие друг на друга, как близнецы и больше ничего.

— Ох, Жила, ну и темный ты оказывается человек! — подметил Адька и на всякий случай обнюхал меня. — Пахнешь ты, вроде, как местный. Но ведь не помнишь ничего! Наверное, тебе кто-то память отшиб.

— Как это так — отшиб? — возмутился я, но на всякий случай ощупал голову, надеясь отыскать там следы сокрушительного удара. — Нет, никто мне память не отшибал.

— Тогда вспоминай все, что произошло с тобой.

Я напряг память — снова дорога, путь, змеехваты, Дома.... А потом на миг, словно из другой, параллельной памяти мне явилась картинка.

Глава 3. Дурь

Начало лета я привык проводить в компании друзей.

Лето для меня обычно начиналось в июле, именно тогда я получал долгожданный отпуск на работе и сдавал сессию в универе. Июнь приходилось проводить в праведных трудах: экзамены, практика, отчеты на учебе и параллельно жуткий завал на работе. Но каждый раз кажущиеся непреодолимыми трудности чудесным образом заканчивались, и начинался долгожданный отдых.

Итак, начало июля, первый день, а вернее вечер, свободный от забот и осточертевшего компа; покосившаяся остановка, а также Пашка, Витек и Влад — мои боевые товарищи, тобишь одноклассники.

Затарившись в городе мясом для шашлыка, кетчупом, пивом, чипсами и сушеной рыбой мы отправились на дачу Сеньки Зорина, нашего старосты, так сказать духовного лидера и

зачинщика всевозможных тусовок и пьянок. Сообщив нам координаты нужной остановки, на которой мы добросовестно выгрузились некоторое время назад, Сенька велел ожидать его у дороги, но сам почему-то не появлялся. Не помогали даже ежеминутные звонки на мобилу — монотонный женский голос доходчиво объяснял, что абонент, дескать, находится в зоне и далее по тексту...

— Ну, Зорька! — выругался в молчащую трубку Влад. — Вечно от тебя одни проблемы! Организатор хренов.

— Точно, хреновый организатор. Староста, блин! — согласился с ним Витек.

Естественно, Пашка тоже добавил свое веское слово. Промолчал я один. У меня с Зориным были не самые лучшие отношения. Старый раздор хоть и утратил давно свою актуальность, но, как говорится в одном бородатом анекдоте, — «Осадок-то остался!»

Поссорились мы с Зорькой еще на первом курсе, как водится из-за девушки. Ленка Скоробогатова была в нашей группе первой красавицей. Зорин, с присущим ему энтузиазмом, взялся охмурять ее с первого дня учебы. Ленка, оказавшаяся весьма прагматичной и расчетливой особой, стала встречаться с новоизбранным старостой, что весьма благожелательно отразилось на ее успеваемости. Через полгода Зорька ей надоел, и они поссорились. И надо было так случиться, что мы с этой самой Ленкой пересеклись в одной компании...

Провстречались мы дня четыре, но оскорбленный староста это подметил и запомнил. Я не параноик, но с тех пор мне казалось, что Сенька затаил на меня глубокую обиду. Периодически я ловил на себе его взгляд, мутный и недобрый. Прошло время, и разногласия забылись, да и Ленка, ведь, того не стоила — уже на втором курсе она нашла себе богатого папика и бросила универ.

Я вздохнул, выбрасывая из головы неприятные воспоминания.

— Я примерно помню, где Зорькина дача находится. Пошли! — закинул на плечо рюкзак с мясом и кетчупом.

Развернувшись спиной к остановке, я собрался идти на тропу, ведущую вдоль внешнего забора дачного кооператива «Огородник-3», но, бросив взгляд под ноги, увидел черный камень. Такие мне никогда не попадались: на фоне белесо-серой пыльной гальки, этот камень оказался первозданно чистым, блестящим и гладким, будто зеркальным. Невероятный, неземной, он пригвоздил взгляд, затянул в свою бездонную, живую черноту. Завороженный, я наклонился, чтобы разглядеть находку внимательнее, и почувствовал легкое головокружение, потом в глазах потемнело и все пошло кругами...

Наваждение исчезло — я очнулся. Бррр. Влад, Зорька, Ленка... Прокрутил в мыслях незнакомые имена. Зорька... два других имени уже не вспомнил — память стремительно уничтожала странные воспоминания или фантазии. Имена... Какие имена? Ничего уже не помню — только камень.

Я посмотрел под ноги. Да вот они — камни дороги, и ничего в них нет необычного. Все, как один, гладкие и черные. Какими они еще могут быть?

— Эй, Жила! Ты чего отстал? — окликнул меня Адька.

— Иду, — ответил я, нагоняя и обгоняя попутчиков. — Надо спешить, не нравится мне эта дорога....

Дальше мы с Адькой шли впереди, а нова ехала верхом, слегка отстав. Под ее тяжестью конь сбавил ход до медленного шага. Нова еще не пришла в себя окончательно, поэтому идти пешком не могла. Правда, чувствовать себя она стала существенно лучше: выпрямилась в

седле, подняла голову, а огромные крылья, как плащ, накрыли проседающий лошадиный круп.

Путь начал петлять. Каждый новый поворот таил опасность — деревья подступали к обочинам вплотную — еще дюйм, и выйдут прямо на дорогу. Пришлось останавливаться и по очереди отправляться в разведку. Сначала вперед, вновь перекинувшись зверюгой, убежал Адька, после пошел я.

Дорога снова круто вильнула, и моему взгляду открылась большая деревня — огромный Дом, в котором, должно быть, обитало не менее сотни семей. Только нехороший это был Дом, недобрый и негостеприимный, такие здесь обычно называют Дурью.

Когда дорога влилась в главную улицу, нас сразу окружил холод. Осенний промозглый ветер метался между покосившихся черных заборов и уходящих в землю мрачных хибар. Нигде не нашлось ни души. Однако за некоторыми из черных окон я уловил движение. Похоже, местные жители прятались, не желая встречаться нос к носу с незваными гостями.

— Ох, и место! Дурь, а не место! — проворчал Адька, настороженно оглядываясь по сторонам. — Точно, Дурь. Надо поскорее уходить отсюда.

— Я это поселение знаю, — тут же отозвалась нова, — раньше оно таким не было.

Сказав это, она спешила. Конь сразу встрепенулся, с великой радостью избавившись от нелегкого груза. Нова подхватила его за повод и медленно двинулась в сторону одного из жилищ.

— Собираешься зайти в гости? — недоверчиво поинтересовался я. — Думаешь, нас тут ждут?

— Вас нет, а меня ждут, — уклончиво ответила нова, прикладываясь ухом к дубовой двери, обитой стальными полосами.

— Нам от этого не легче, — вздохнул Адька, скидывая на землю свой вещмешок. — Вы б, ребята, отвернулись. Мне перекинуться надо и одеться.

Я уже видел процесс перевоплощения человека в зверя и обратно однажды, поэтому, если честно, не горел особым желанием наблюдать подобное снова.

Дождавшись, пока Адька закончит свои сборы, наша спасенная тихо постучала в дверь. Стук получился едва уловимым, но его все же слышали. Дверь медленно отворилась — в темном проеме застыла девушка. Она стояла, не двигаясь ни одним мускулом, нереальная, жилистая, вся увитая мышцами, но какая-то обескровленная, болезненная, вся иссохшаяся, будто чернослив. Светлые волосы, падающие на лоб густой челкой искрились сединой, под глазами стояли черные круги, а в лице стояла такая тоска, что сперва я решил, что у нее что-то случилось, или какая-то неизлечимая хворь донимает ее... В руке у девушки был меч, опущенный лезвием вниз — напади кто сейчас, она не успеет его даже поднять.

— Стефания, — наша спутница склонила голову в коротком приветствии.

— Здравствуй Азия-нова, — прозвучало в ответ, — какой тайной дорогой привело тебя сюда?

— Дорогой судьбы. Как видишь, я не одна. Впусти нас.

— Входите, — голос изморенной девушки был ровным и беспристрастным. Она отстранилась во мрак помещения, и мы прошли внутрь темного коридора. Я снова взглянул на странную незнакомку и кое-что понял. Она оказалась новой, лишенной крыльев. Ошибиться невозможно: слишком явно выделяются загривок и грудные мышцы, а также блестят под кожей проводки усилителей.... Так вот что случается с этими ангелами, когда их лишают возможности летать.

В бесконечно длинном, неосвещенном коридоре стоял затхлый воздух. Пахло трухлявой древесиной, плесенью и копченым мясом. Приглядевшись, я увидел подвешенные на крюках куски свиной туши. Пока мы брели в этом неприветливом сумраке, я поинтересовался:

— Значит, твое имя — Азия?

— Азия-нова, — прозвучало в ответ.

— Я запомню.

В конце коридора обнаружилась комната, совсем небольшая, с темными стенами, по которым размытыми узорами расходились подтеки воды.

В дальнем углу у зарешеченного окна стояло плетеное кресло, в котором сидела старуха, укрытая пледом. Ее седые, тонкие волосы выбивались из-под кружевного чепца, а костлявые узловатые пальцы перебирали деревянные четки. У ног старухи на овечьей шкуре сидела девушка, совсем юная зеленоглазая с длинной русой косой. Перед ней были разложены карты.

— Давно у нас не было гостей, — улыбнулась старуха, показав ровный ряд золотых зубов с узорчатыми гравировками. Друзья Азии — мои друзья. Я — Рябина, а это, — она кивнула на девочку, — Люта, моя внучка.

— Адьяг, Умеющий, — важно и медленно произнес Адька.

— Жила, путник, — привычно представился я, но Стефания тут же метнула в меня всепроникающий взгляд, похоже, она, как и Азия, видела людей насквозь.

— Здравствуй, бабка Рябина, — почтительно склонилась Азия, — давненько я не была в этих местах. Уж больно сильно они помрачнели.

— Такие времена, — тяжело вздохнула старуха. — Садитесь за стол. Не пристало держать гостей голодными с дороги.

Она поднялась с кресла и чуть не уперлась головой в потолок. Старуха оказалась невероятно высокой и широкоплечей. Да что там говорить — она обладала просто богатырской фигурой. Неужели тоже бескрылая нова? Я пригляделся, пытаюсь рассмотреть усилители, но руки Рябины были скрыты рукавами длинного платья. Поймав мой любопытный взгляд, хозяйка мрачного жилища строго взглянула на меня и, указав на дверь, сказала:

— Заведи коня в дом, здесь никого не оставляют за дверью.

Конь уселся на полу в коридоре и принялся вылизывать шкуру длинным синим языком. Его изумрудные обычно глаза светились в темноте алыми огоньками, и в мои размышления стали крадываться очередные сомнения. Как будто бы где-то я видел и других коней — они не сидели на заду и не вылизывались подобно кошкам. Боррр... Я замотал головой, стряхивая остатки наваждения.

Тем временем Рябина усадила нас за стол и выставила на него нехитрые угощения. Пара газовых фонарей осветила черный крепкий чай, разлитый по стальным кружкам, миску с кубиками сахара и большую корзину со свежееиспеченным хлебом. Аппетитный аромат теплой сдобы тут же заполнил небольшое помещение.

— Что у вас тут происходит? — Азия обвела присутствующих серьезным взглядом. — Дом Дурью стал, скверной зарос, а вы по хибарам сидите, будто темноты боитесь?

— Нет, — бабка Рябина вздохнула, — не темноты. Сияния. Стало там и тут по нашему Дому странное зарево появляться. Сначала вроде как точка или огонек над землей забрезжит, потом разрастется до размеров двери, ярким светом исполнится, а из этого света всякие чудища лезут: демоны, черти, нечисть. Они людей утаскивают, прямо в это свое

сияние. И никто не знает, что с теми людьми потом приключается.

— Прямо-таки демоны? Настоящие? — искренне удивился Адька.

— Демоны, — без тени улыбки подтвердила Рябина, а молчаливая Люта часто закивала, — самые что ни на есть. Мы к нашему Управителю обратились, а он сперва только отмахивался — мерещится, мол, вам все. Только потом демоны в открытую ходить стали, и Управитель придумал народное ополчение собрать. Нас же туда и организовал, велел в дозор ходить и с нечистью воевать. Мы все здесь бойцы хорошие, но только разве народное это дело? У Управителя целый рыцарский отряд есть, но своих людей он в дозор не отсылает.

— Да, дела... — я не верил ушам, что же это за место такое, дурное. Одно слово — Дурь....

— Демоны, они из сияния выходят, — повторилась Рябина, — и в сияние прячутся. Сияние — это будто портал. С ним чудища неуловимы.

— Понятно, — Азия поджала губы, — только зачем они людей таскают?

— Самим бы знать, — пожала плечами Рябина, а молчавшая все это время мрачная Стефания тихо добавила:

— Они души забирают...

От ее жуткого, шипящего шепота я поежился. Души забирают. Не слишком приятная перспектива. Но кто сказал, что мы так вот запросто отдадим им свои души.

— Если у них порталы, значит, где-то есть и Дом, — предположил Адька.

— Есть, — медленно произнесла Стефания, наклоня голову, отчего глаза ее скрылись в темных провалах, — но он чужд нашему лесу, нашим дорогам и нашей земле. Дороги, что идут к демоническому Дому, созданы из белого матового камня...

— Молчи, Стефания, — вдруг резко оборвала ее Рябина, — нечего болтать лишнее. Твои домыслы уже лишили тебя крыльев. Не обрекай на это других?

Все замолчали, недоверчиво глядя друг на друга. Адька по-собачьи склонил голову набок, я задумался, о каких шахтах шла речь, Азия тоже напряглась, промолчала некоторое время, но потом приняла решение не продолжать поднятую тему.

Демоны. Существа из старых легенд, согласно которым, Высший Механик, создавший этот мир, собрал из дорожной пыли людей и дал им веру. Он всегда любил людей и благоволил им, а они, неблагодарные вдруг перестали верить в него. И тогда Высший Механик обиделся и ушел, и тут же появились демоны, которые стали досаждают людям. Наблюдая за страданиями собственных созданий, Высший Механик сжалился и сделал механических ангелов — нов. Новы сразились с демонами и повергли тех в невозвращение...

От мыслей меня оторвал голос Азии, решительный и приглушенный:

— Моя миссия — сражаться с демонами, значит, я останусь с вами и выйду на битву, когда это потребуется.

— Какой толк в битвах, — Стефания дернула плечами, хотела по старой памяти повести крыльями, — ночь за ночью мы уничтожаем прибывающих тварей, но они всегда возвращаются.

— Надо найти их Дом, — предположил я, Стефания кивнула.

— Что верно, то верно, — поддержала идею бабка Рябина, — но Управитель заставляет нас отправляться в дозор каждую ночь и все время проверяет, чтобы никто не ушел отсюда. Он закрыл дороги, словно решил похоронить нас в этом проклятом месте.

— Что же вы не надавали ему по загривку за подобное самоуправство? — возмутился Адька, ударив кулаком по столу, отчего со звоном подпрыгнула лежащая рядом вилка.

— Он слишком силен — Умеющий высокого лика, плюс армия с магами и воинами. Мы — простые селяне, что противопоставим ему?

— Он — Великий Зверь? — любопытствовал я.

— Нет, пока Полузверь, но денег у него куры не клюют. Он должность свою купил, лик, так что и за Великим дело не станет, — подвела итог Рябина, переглядываясь с Лютой и Стефанией, — а еще, Управитель обещал мешок золота тому, кто сумеет одолеть Воина Дорог.

— Неужто Бегущего во Тьме? — удивился я.

— Нет, другого — Перепадаля. Того, что по кривым тропам бродит и пути узлами завязывает, — пояснила Рябина, снижая голос до шепота и бросая тревожные взгляды на окна.

— Для чего ему это нужно? — я тоже стал говорить тише и даже перегнулся через стол.

— Никто не знает, но последнее время в наших краях творятся странные вещи...

Наверное, Рябина хотела рассказать что-то еще, но Стефания вдруг резко вскинулась и ушла на дверь...

Гости ввалились через минуту, без стука и приглашения. Двое рослых, закованных в стальную броню охранников и какой-то расфуфыренный, богато одетый господин. На его холеном и сытом лице читалось выражение высокомерного самодовольства и неумеренного властолюбия. Мы для него были всего лишь подданными, слугами, на которых он с ходу начал орать:

— Почему не в дозоре? — взгляд пришельца сфокусировался на морщинистом лице старухи Рябины, потом переметнулся на Люту, девушка тут же испуганно спряталась за бабушкину спину.

— Некому идти, — бабка Рябина спокойно посмотрела на незваного гостя, — Люта не умеет сражаться, а Стефания нездорова.

— А эти? Пусть идут они, — грубый незнакомец недовольно оглядел меня и остальных.

— А ты сам-то кто? — как назло ляпнул ему Адька.

Лицо гостя помрачнело, губы сжались в тонкую нитку и нервно задергались. Охранники недвусмысленно положили руки на притороченные у бедер мечи, но, совладав с гневом, их предводитель сдержанно представился:

— Я Управитель этого Дома и еще трех Домов в округе — Клиффорд Смелый, — пафосная речь явно доставляла говорящему удовольствие. — В моем Доме для военных действий мобилизуются все.

— Но тут живут старушка, молодая девица и покалеченная нова. Несправедливо заставлять их сражаться с чудищами... — снова встрял Адька, и Управитель грубо прервал его:

— Молчать. Таков мой приказ — трое из этой хибары должны отправиться в дозор этой ночью.

— Мы пойдем, — холодным и спокойным голосом ответила Азия, поднимаясь из-за стола и демонстрируя Управителю и его охране внушительность своей фигуры и огромных крыльев. — Можете отдыхать спокойно.

Услышав в голосе новы нотки злого сарказма, Клиффорд поспешил удалиться, решив далее не накалять обстановку.

Когда на Дом опустилась ночь, мы вышли из жилища Рябины. Я, Азия, Адька и Люта, вызвавшаяся проводить нас до места.

Проходя мимо угрюмых, покосившихся строений, я спиной почувствовал тревожные взгляды тех, кто скрывался в непроглядном мраке за невымытыми окнами, крест-накрест оклеенными бумажными лентами.

— Мутный он, этот Клиффорд ваш, — обращаясь к Люте, выдал вдруг Адька. — Если Дом Дурью стал, зачем его беречь? Бежать надо — мало ли других Домов кругом?

От неожиданно громкой фразы девушка вздрогнула и тут же шикнула на него — не шуми, мол. Потом, решив все же пояснить ситуацию, зашептала:

— Кто ж нас в другие Дома пустит? Народ сейчас ушлый пошел — никто на хлебников к себе не возьмет, хоть и на родне родня приедет. Места всем мало.

Адька, который еще при выходе перекинулся зверем, болтал без умолку. Люту это явно беспокоило, но втолковать начинающему Умеющему о том, что следует вести себя потише, она не могла.

— Так толку-то с демонюгами бодаться, если все у вас тут хилые да убогие, — не стесняясь в выражениях, продолжил размышления Адька, — а рыцарей своих этот ваш Управитель бережет. Разве справятся с нечистью местные инвалиды?

— А что остается? — вмешался в беседу я. — Беженцев из Дури никто в свои Дома не пустит — побоятся. Вот и сражаются, бедолаги, как могут.

— Непонятно все с этим Клиффордом, — Азия присоединилась к общему разговору последней, — Стефания сказала, что демоны приходят из собственного Дома по белым дорогам. Так зачем этот бессмысленный дозор? Не проще ли разрушить вражеские дороги, а потом добить остатки чудищ?

Логичное предложение, как я сам не додумался до подобного. Я с уважением взглянул на нову, потом перевел взгляд на Люту — что скажет в ответ? Та пояснила:

— Управитель считает, что ломать дороги нецелесообразно, а новые пути и Дома необходимы всем. Он говорит, что, одолев демонов, мы сможем занять их территорию, и тогда у нас будет два Дома, а, значит, будет в два раза больше земли.

Ясно — сделал я мысленный вывод. Перенаселение — вот главное зло этого мира, представляющего собой паутину дорог с нанизанными на нее горошинами-Домами, разнообразными по размеру участками обитаемой и безопасной земли, вырванной древними Механиками у беспощадного, смертоносного леса и дарованной немногочисленному когда-то человечеству.

Внутреннему взгляду предстала карта, виденная мной лишь однажды, во время пребывания в одном из Домов Изначальных, тех, где до сих пор еще сохранились высокие башни Механиков, на улицах горели газовые фонари, а паровые эскалаторы поднимали людей на оторванные от земли улицы второго яруса.

В Изначальном Доме я был давно. Последнее время жизненная хронология постоянно сбивалась в моей памяти, но я не сильно из-за этого переживал — настойчивый внутренний голос уверял в том, что забывать давнее и несущественное прошлое — это нормально. К тому же я прекрасно помнил, точно знал, что хождение по дорогам — это моя жизнь, ведь я путник.

Цель любого путника — выискивать и проверять новые пути и незаселенные Дома, которых в наше время почти не осталось. Судьба любого путника — вечное движение по

удивительным дорогам из черного камня, послушного человеку и недоступного хищным тварям леса. Эти слова придумал не я — так мне говорили в Изначальном Доме, где на огромной площади Великий Управитель Плего собирал всех путников и благословлял на бесконечное путешествие...

И зачем я об этом думаю, размышляю, вспоминаю и раскладываю все по полочкам? Зачем пытаюсь выстроить в голове утерянную хронологию прошлых событий? Ответ напросился сам собой — Азия и ее нелепое заявление о моей «нездешности». Что она имела в виду? Нездешний! Каждого можно называть нездешним, когда он из своего Дома ушел и в другой попал.

Вон, Адька, например, если попадет в какой-нибудь из Изначальных Домов, так и его тоже нездешним назовут. При такой логике, все мы, где-то нездешние, а где-то свои. По-другому никак.

А память! Ну что память? В Изначальном Доме говорили, что память путнику не нужна. Где-то я родился, как-то вырос, родители у меня есть, уверен, что есть...

Вот тут-то мое почти утихомиренное душевное спокойствие и взволновалось новым вопросом. Семья. Родители. Я точно помнил, что они имеются, на миг даже четко представил их лица, вспомнил во всех деталях. Словно изображенные на картине, передо мной предстали мужчина и женщина. Их одежда не очень-то походила на ту, которую я привык видеть вокруг себя. Память напряглась, вписывая родные фигуры в странный интерьер, тоже знакомый, но, как и одежда, никак не состыковывающийся с привычным.

Потом, как ластик по карандашу, по мимолетным всполохам вновь прошла волна забвения. И, будто сон, который помнил, только что проснувшись, через минуту становится тусклой тенью, а потом и вовсе исчезает, стерлись из моей памяти скудные воспоминания о прошлом.

— Жила, глянь! Видел когда-нибудь подобное? — Адька удивленно приподнялся.

Это выглядело комично — здоровенный клыкастый зверь замер в позе суслика, встав на задние лапы и вытянув передние по швам. Поймав его взгляд, я и сам мгновенно замер, пораженный увиденным.

На самом краю Дома, там, где убогие жилища заканчивались, словно заслон, поднималась узкая полоса фруктовых деревьев, за которыми до кромки обступившего жилую территорию леса простирался луг с высокой травой. На границе травы и леса, извиваясь цветными световыми лентами, полыхало зарево. Его свет пульсировал, расходился и сжимался, вздрагивая яркими всполохами и покрываясь рябью.

— Оно! Сияние! — восхитился Адька, не в силах оторваться от невероятного зрелища.

Люта снова одернула его за излишний шум. Повернулась к нам с Азией, прижала палец к губам — ни звука, потом кивнула на сияние.

— Уходи, дальше мы сами справимся, — едва слышно произнесла нова, обращаясь к рябиной внучке.

Послушно кивнув, Люта пустилась в обратный путь, а мы залегли под большой яблоней, наблюдая за происходящим.

Перед дозором Рябина и Стефания снабдили нас кое-какими доспехами и оружием. Азии достались стальные поножи и наручи — старая кираса Стефании на нее не налезла. Мне отдали чью-то кольчугу и копьё бескрылой новы, которое оказалось на удивление легким и удобным.

Таких копий я не видел никогда — оно было цельное, отлитое из какого-то невероятно

легкого и прочного материала, по внешнему виду напоминающего алюминий. При касании это оружие будто прирастало к рукам и будто бы даже пульсировало, как живое...

Для Адьки нашелся кожаный собачий нагрудник, принадлежавший по-видимому какому-то боевому псу. Откуда он взялся в хозяйстве Рябины, оставалось только гадать.

Перед выходом бабка Рябина дала нам напутствие — надо продержаться час с полуночи. Час, что называют «часом чудовищ».

Мы ждали. Темнота скрывала все вокруг, а мы осторожно и напряженно вглядывались в сияние, которое переливалось всеми цветами радуги и слабо вибрировало. К обозначенному времени оно сменило цвет, став кроваво-красным, переходящим в огненно-оранжевый. Внутри задвигались темные тени.

— Будьте внимательны, — прошептала Азия, чуть приподнимаясь из травы, — как только выйдет первый — наносим удар, нельзя дать им разбрестись по округе.

Когда сияние в очередной раз ярко полыхнуло и выпустило наружу темный пульсирующий ком, Азия резко поднялась во весь рост и перехватила свой огромный меч поудобнее. Из зарева ей навстречу двинулось нечто. Я узнал существо сразу — таких рисовали Механики в своих храмах — бесы. Это и вправду оказался бес, самый настоящий, размером с крупную овчарку. Он напоминал своим видом странную помесь обезьяны и свиньи, с увесистыми бараньими рогами.

Пока я с удивлением таращился на монстра, меч Азии успел со свистом описать круг. Рогатая голова полетела в траву. В тот же миг сияние словно прорвалось, и целая толпа бесов полезла из него, ворча и хрюкая. Следом за новой мы с Адькой бросились навстречу врагам.

Засвистело оружие, рассекая воздух. Ближайший бес попер на меня, как танк, я ударил копьем и попал точно между глаз. Рядом по земле покатился клубок тел, в котором я сумел разглядеть рычащего Адьку. Почувствовав движение у своих ног, я ткнул копьем в траву и оттуда раздался истошный визг.

От Азии бесы разбегались, как от огня, но ее меч настигал их везде. Среди тварей началась суматоха и паника. Половина из них ринулась обратно в сияние. Остальным уйти не удалось...

Мы стояли, тяжело дыша, и выжидающе вглядывались перед собой. Вскоре сияние плюнулось новой порцией бойцов, но это были уже не бесы. Мы даже опомниться не успели, как одна здоровенная похожая на собаку тварь выпрыгнула прямо на нову, а вторая с ревом кинулась на меня, но встретила Адькины клыки раньше моего копья. Следом появились еще две и обе кинулись к нове. Сначала адским псам удалось свалить ее, но уже через секунду Азия поднялась снова, стряхивая с себя оскаленных чудовищ. Я выхватил нож и воткнул его в холку самой первой твари. Двух других Азия расплющила ударом крыльев. Последнюю свалил и загрыз Адька.

Вновь стало тихо. Я напряженно вгляделся в угасающие алые всполохи.

— Похоже, на сегодня все, — уверенно кивнула мне нова, стряхивая с крыльев бурые ошметки.

— Вот это да! — восхитился Адька, склонившись над кровавым блином, который остался от одной из адских собак. — Какая же силища! Мне бы такие крылышки.

— К сожалению, здесь одними крылышками не обойтись, — Азия почему-то не разделяла радости Умеющего.

— Что ты имеешь в виду? — Адька на всякий случай отошел подальше от собачьих

останков.

— Все это — так, игрушки. Собаки, бесы — просто мелочь. Не верю, что этими тварями можно было запугать целый Дом. Думаю, главная сила сегодня нам не соизволила показаться...

Мы вернулись в жилище Рябины. Никто не спал. Нам тоже спать не хотелось, в крови еще бродил азарт боя. Почистив оружие и сняв доспехи, наскоро перекусили ржаными лепешками, которые испекла Люта, и ударились в расспросы.

— Какие еще твари выходят из сияния? — поинтересовалась Азия.

— Всякие выходят, — бабка Рябина краем глаза покосилась на Стефанию, — бесы и псы у них так, для отвода глаз, страшнее воины-демоны — адские верховики.

— Конные рыцари — это тебе не бесы. Они сильны и проворны, — устало кивнула Стефания.

Закончив с поздней трапезой, все разбрелись по углам, желая хоть немного выспаться к утру.

В следующий дозор мы собрались только через несколько дней, когда вновь пришла наша очередь. Эта вылазка прошла без эксцессов — те же бесы и адские псы. Конечно, в этот раз тварей набралось голов на двадцать больше, но нас это мало встревожило. Перебив основную толпу, мы загнали остальных в сияние.

Приближалось полнолуние, в преддверии которого сияние начало угасать. Рябина объяснила нам, что так происходит каждый месяц, и в разгар полной луны демоны предпочитают не показывать сюда носа. Зато таинственные жители Дома тут же оживились — начали выбираться из хибар, и я наконец-то увидел их воочию.

Среди селян пошли слухи, что с нашим приходом демонские вылазки из сияния приутихли, и к нам с Адькой, а в особенности к Азии относились хорошо. Адька радовался и ел за троих пироги, которыми его угощали местные. Удивительно, как за несколько дней этот Дом из пугающей Дури превратился в место приветливое и радостное. Правда крылась в этой радости какая-то обреченность, мимолетность. Лица людей таили печать вечной скорби и тревоги.

Когда миновало полнолуние, снова начались дозоры. Поначалу было тихо. За первую вылазку мы встретили лишь пару мелких бесов, которые сунулись из сияния, а потом, заметив дозорных, с визгом ужаса кинулись обратно. Больше никого.

Два следующих дозора прошли еще спокойнее. Мы пролежали в траве, не дождавшись ни одной адской твари. Похоже, враги притаились, задумывая что-то. В этом никто не сомневался, никто не тешил себя иллюзией, будто демоны решили отступить от этих мест.

Вернувшись из очередного спокойного дозора, я завалился спать на узкой лавке в углу кухни. Сон сморил меня в тот же миг, заставив реальность обернуться темным провалом, в котором моментально исчезло все — и Дом, и дорога, и демоны, и сияние. Чернота стусилась, растеклась в памяти, а потом сжалась, уменьшаясь до размеров дорожного камня...

Я смотрел на этот странный черный камень, ощущая тревожное чувство какого-то наваждения или опьянения.

— Эй, ты чего уселся, следопыт? — ткнул меня в спину Витек. — Сказал же, что знаешь, где зорькина дача.

— Знаю. Сейчас вдоль забора по тропе, потом перелесок, магазин, а там пара улиц и на месте.

Поднимаясь, я почувствовал легкое головокружение. Сначала хотел захватить чудной камень с собой, но потом подумал, что трогать его лучше не стоит, уж больно он странный. Вдруг излучает чего?

Прошагав знакомым, правда, слегка подзабытым маршрутом до магазина, наша дружная компания наткнулась на Сеньку, который не спеша брел навстречу.

— Я вас уже заждался, — протянул он и поправил огромные нелепые очки, делающие его глаза по-стрекозиному несоразмерными с лицом.

— Здорова, человек-стрекоза, — хохотнул Витек, — где отрыл такой антиквариат?

— Свои вчера разбил, пришлось дедовы надеть, — заявил Сенька, привычным жестом поправляя очки на переносице.

— Ты чего нас не встретил? — возмущенно спросил Влад.

— А чего встречать-то? Сами же дошли, не заблудились.

— Это Жилин-следопыт, вывел нас, как Сусанин, — пробасил Пашка, на что Зорин тут же пояснил ему строго:

— Если бы, как Сусанин, то вы бы вообще никуда не дошли. Шел я за вами, шел, просто сразу выйти не мог — ключ от дачи потерял.

— Эх, Зорька, вечно у тебя все не как у людей, — добродушно усмехнулся Витек и, подхватив один из пакетов с продуктами, кивнул на магазин. — Еще затариваться будем?

— Хватит пока, — отговорил его от необдуманных трат экономный Пашка.

Неспешным шагом, болтая, мы потихоньку добрались до зорькиной дачи. Небольшой фанерный домик советских времен грустно выглядывал из зарослей сирени. За ветхим забором, едва ли достающим до колена, тянулась через ряды крыжовенных кустов выложенная старым линолеумом дорожка.

— Вот мы и дома, — радостно предупредил всех Сенька, лишь на меня одного взглянув как-то не по-доброму, — пора встааааваааать, хватит дрыхнууууть....

Зоринские глаза засветились по-волчьи, а рот растянулся жутким оскалом.

Я подскочил на кровати, вцепился руками в страшную рожу, которая оказалась не чьей-то, а Адькиной.

— Ты чего? — удивился он, пятясь и поджимая хвост.

— Ничего, — буркнул я, садясь на кровати и обнимая ладонями виски, — ты бы почаще человеком перекидывался, а то увидишь твою морду спросонья, так кондратий и хватит.

— Сразу уж и морду! — оскорбился Адька. — Как в бою подсобить — так не морда, а тут сразу в крик.

— Ладно, прости, не ожидал просто, — постарался оправдаться я, — к тому же сон дурной приснился.

— Какой? Расскажи-ка. У нас в Доме все снам верили и по сонникам читали. И я читал. Вот я те точно скажу, что если ты коня во сне увидел — то это к побоям, а если девушку — то к пьянке. Ну, что видел-то?

— Забыл.

— Да ну?

— Честно забыл, — я напряг память, ведь сон точно был, и имелось в нем что-то важное, особенное, но нет — опять в голове пустота.

— Ладно, вспомнишь — скажешь, — отстал от меня наконец Адька, — да, кстати, я тут подумал кое о чем. Помнишь, Стефания и Рябина говорили про белую дорогу, по которой демоны в дома приходят.

— Ну, помню.

— Я вот думаю, взглянуть нам на нее надо.

— Мысль хорошая, — согласился я, — отчего ж не посмотреть....

Вдвоем с Адькой мы покинули жилище Рябины и, прикрытые рассветной дымкой, отправились на поиски. Отошли от хижин, прошли по лугу до самой кромки леса и двинули вдоль границы Дома.

— Надо было расспросить, кто и где эту белую дорогу видел, — сокрушался Адька, обнюхивая землю и чутко прислушиваясь к звукам, идущим из леса.

В кронах деревьев, увенчанных темно-зеленой, почти черной листвой возились какие-то твари, понизу у корней светилась белесыми огоньками гниль.

— Не расскажет тебе никто. Помнишь, как Рябина на Стефанию цыкнула? Боятся они, понимаешь.

— Понимаю, как не понять? Тогда мы сами дорогу найдем и во всем разберемся.

Глава 5. Заговорщики

Дорога, вернее не дорога, а узенькая тропка, отыскалась на дальнем краю дурного Дома. Укрытая папоротниками, она уходила во тьму леса, едва заметная среди пышных клубов подступившего со всех сторон дымчатого мха.

— Она, похоже, — насторожился Адька, — наша дорожка. Вернее не наша, а ихняя — демонская.

— Не очень-то она на демонскую похожа, — усомнился я, рассматривая непримечательные тусклые камушки, — сложно поверить, что по ней толпы демонов приходят.

Я присел, внимательно вглядываясь в тропу. Странная она какая-то. Дорожный камень должен блестеть, а эти матовые, и цвет у них неживой, словно их.... Пораженный догадкой, я провел по камням пальцем — на коже остался слабый налет. Недолго думая, поцарапал поверхность ногтем — белое покрытие сошло, из-под него проглянул знакомый черный блеск.

— Смотри, — кивнул я Адьке, — дорогу-то нашу покрасили!

— И впрямь покрасили, — Умеющий сел, обернув хвостом лапы, и удивлено уставился на фальшивые камни, потом, вдруг, наострил уши и прошипел, — тихо, к нам кто-то идет.

Не заставив повторять дважды, я замолчал, отступая в траву и прячась в ней. Адька последовал за мной, лег рядом, вжавшись в землю. Наши взгляды были прикованы к фальшивой демонической тропе. Я уже и сам отчетливо различал звук шагов. Интересно, кто это еще идет к нам? Очередной демон? Или все же человек? Похоже, человек!

Незнакомец, укрытый бурым плащом с глубоким, скрывающим лицо капюшоном выбрался из леса и принялся воровато озираться по сторонам. Не обнаружив нашего с Адькой убежища, он осторожно ступил на землю Дома и двинулся в обход жилищ, держась кромки леса. Когда загадочный гость отдалился на приличное расстояние, мы с Адькой двинули за ним следом.

Прислушиваясь, останавливаясь то и дело, чужак прошел до ведущей к дому дороги. Обернувшись назад, он долго всматривался и слушал, видимо, спиной почувствовал, что за ним следят. Мы, желая остаться незамеченными, замерли, прячась в тени фруктовых деревьев. Пришлось дать гостю фору и немного отстать, слишком велик был риск себя

обнаружить.

— Смотри, из Дома прочь пошел, — шепнул Адька, внимательно отслеживая передвижение нашей цели, — Рябина говорила, что Клиффорд дорогу закрыл, интересно, куда это наш «плащ» намылился?

— Посмотрим куда, — отозвался я, не отрываясь от бурой фигуры.

Когда человек скрылся за поворотом, мы продолжили преследование. Прокравшись по дороге, остановились, прислушиваясь. Потом, сделав знак Умеющему, я прошел вперед в одиночку. Выглянув из-за наползающих на дорогу кустов, я разглядел двоих воинов Клиффорда, похоже, они стояли на пути неспроста, а точнее, для того, чтобы не выпускать никого из дурного Дома. Интересно, что будет делать наш таинственный гость? Ответ ждать не пришлось. Увидав человека, воины кивнули ему, как старому знакомому, и пропустили.

— Все, упустили, — разочарованно рыкнул Адька, — нас они следом не пропустят.

— Ничего, — произнес я, — провожая взглядом удаляющуюся невзрачную фигуру, — то, что мы его заметили, тоже говорит о многом, например о том, что этот тип как-то связан с Клиффордом.

— Похоже на то, — согласился Умеющий, — иначе через охрану он не прошел бы.

Разочарованные тем, что не удалось продолжить слежку, мы вернулись обратно в дом Рябины. Там нас ждал ужин — вареная картошка и грибы, которые Люта растила в подвале. Последние дни проходили мирно, и мы ужинали все вместе. Однако вечера без дозоров и демонских нападений выглядели непривычно и странно. В душе все сильнее назревало ощущение тревоги — что-то ждало нас впереди.

За едой я рассказал остальным про визит «плаща» и про то, как дорожная охрана беспрекословно выпустила его из Дома.

— Он пришел по белой дороге? — уточнила Рябина, хмуря брови.

— Не по белой, а по крашенной, — тут же поправил Адька, — обычные черные камни, а сверху краска.

— Та тропа, что на краю Дома, — всплеснула руками Люта, — ее все боялись, считали проклятой.

— Видимо кто-то именно этого и добивался, — задумалась Азия, — чтобы от дороги все держались подальше. Кто-то пустил слух, что белый камень — зло...

— Клиффорд пустил, — перебила ее молчавшая все предыдущее время Стефания, — он запретил касаться тех камней, запугивал проклятиями и болезнями.

— Опять Клиффорд, — сердито проворчал Адька, — куда ни сунься, везде к нему ниточки тянутся.

Последнее время Умеющий большую часть времени проводил в зверином облике, но за ужином Рябина требовала от него человеческого вид. Адька ленился, принимал людской облик нехотя. Конечно, человеком-то быть труднее — и руки надо вымыть, и одежду иногда постирать, и вообще.

— Да уж, — согласился я, — этот Управитель в свои игры играет, и мы в них явно не на первых ролях.

— Ролях-полях, — передразнил меня Адька, — чего толку болтать-то? Придумывать что-то надо!

— Пока нет дозоров, будем следить за белой дорогой по очереди, — недолго думая решила Азия, — можно, конечно, захватить нашего таинственного гостя и расспросить обо всем лично, но сперва стоит попробовать выследить того, к кому он наведывался. Жила,

Адъка, идемте — покажете мне тайный путь.

Собрались. Вышли. Добравшись до границы Дома, а там без труда отыскивали нужную тропу.

— Нет дозоров, а мы все равно в карауле, — проворчал Адъка-зверь, сворачиваясь в траве и закрывая хвостом глаза, — пока этот хмырь не появится, меня советую не будить.

— Ладно, спи, — отозвался я, раздумывая, успели ли мы вовремя, ведь, возможно, тайный посетитель Дури уже проскользнул обратно.

Мои подозрения оправдались. Сменяя друг друга на сон и по-очереди отправляясь за едой, мы просидели в засаде почти двое суток — все было тщетно, «плащ» так и не появился. На четвертые сутки меня осенила неприятная догадка:

— С чего мы вообще взяли, что белая дорога одна?

— В этом Доме одна. Так Люта сказала. Стефания с бабкой Рябиной подтвердили, — догадалась о моих подозрениях Азия, — но про другие Дома они не в курсе, а наш визитер ушел к соседям.

— Ну вот, — расстроился Адъка, — я все бока себе уже отлежал и зад отморозил, выходит зря?

— Выходит, — кивнул я, полностью разделяя его разочарование.

— Ладно, больше караулить смысла нет, — приняла решение нова, — сегодня возвращаемся домой.

Мы вернулись под вечер, раздосадованные неудачей. Покинув остальных, я завалился спать, не поужинав, и всю ночь не мог заснуть. В голове роился сонм спутанных мыслей. Среди них мелькали обрывки из прошлого и настоящего. Я пытался собрать их, словно куски мозаики, но общей картины не выходило. Не хватало множества важных частей. Что бы ни говорил Управитель Плего об особенностях памяти путников, слишком многое я за последнее время запамятовал. Слишком многое и слишком важное. Например, сны. Последнее время я их постоянно забывал, чувствуя при этом, что именно в них кроется нечто особенное, нечто такое, что, возможно, способно дать ответы на все мои вопросы.

Я заснул, надеясь, что сон, который должен был прийти под утро, я не забуду. Провалился на скамье, слушая, как сопит на соседней лавке Адъка, а в кресле едва слышно дышит Азия. Сон так и не пришел.

На рассвете в дверь постучали, дав нам время вскочить с лежанок и одеться. Спустя минуту в комнату вошли люди Клиффорда. Два война и герольд, одетый в алую накидку с золотым волком на груди. Вынув из широкого рукава свернутый в трубку лист бумаги, он раскрутил его и, растянув двумя руками, зачитал:

— Приказ Управителя Клиффорда! Сегодня все жители и гости Дома обязаны явиться в дозор, ибо Управителю удалось узнать о грядущем массовом нашествии демонов.

— Интересно от кого это, — пробубнил себе под нос Адъка, но вышло у него это не слишком тихо — подоспевшая с завтраком Люта тут же пихнула его в бок, да так, что Умеющий чуть не свалился со скамьи.

Я мысленно поддержал девушку — в присутствии людей Клиффорда не стоит даже намекать на нашу осведомленность.

— Значит, явиться должны все? — нахмурилась Рябина.

Взгляд старой женщины не предвещал ничего хорошего, и герольд, благоразумно попятился к выходу, на ходу сворачивая свиток.

— Все! — выкрикнул он уже из коридора.

— Ага! — крикнул ему вслед неумный Адька, — может ваш хозяин сам поучаствует хоть в одном сражении, или кишки тонки?

— Управитель Клиффорд лично прибудет на битву в сопровождении своих лучших воинов, — оскорблено ответил из коридора герольд.

Потом раздалось топание стражников и нарочито громкий хлопок входной двери. Глашатаи покинули нас, направившись к соседям. Черт! Новость, которую они принесли, пришлась здорово некстати. Это массовое сражение рушило все планы по выслеживанию и отлову «плаща».

— Дурная весть, — тихо произнесла Стефания, глядя за окно, — смотрите, какое мрачное небо, серое, ледяное. Небо не может ошибаться — ничего доброго нас не ждет.

— Погоди причитать, Стефания, — рябина положила тяжелую руку на плечо бескрылой новее, — у нас есть доспехи, оружие и руки, чтобы его держать. Может и выстоим.

— А как же Люта? Она ведь драться не умеет! — взволнованно спросил Адька.

— Люта останется, и никакие Управители не заставят меня отправить внучку воевать!

Азия молча кивнула, я тоже полностью разделял мнение хозяйки жилища.

— Смотрите! — жуткий голос Стефании прозвучал от окна. — Смотрите скорее!

Подбежав к маленькому, завешанному непроглядными шторами окошку, я увидел, как полыхают над крышами жилищ цветные всполохи сияния.

— Какое оно огромное, — с ужасом выдохнула Люта, — такого еще не бывало...

Клиффорд и впрямь явился в Дурной Дом лично. Он ехал верхом на коне тигровой масти, укрытом алой бархатной попоной с уже знакомым золотым волком на боку. Следом за управителем шли закованные в броню воины и, надо сказать, было их весьма немного.

— Это что, вся его элитная армия? — спросил я у Рябины.

— Не вся, и далеко не элитная, — разочарованно ответила та, — своих лучших солдат он отправил на поиски Воина Дорог. Честно сказать, я надеялась, что Управитель явится вместе с ними, но он, похоже, не слишком-то беспокоится о грядущем сражении.

— Не беспокоится, значит, не боится, — подумал я вслух, а потом переглянулся с Азией, которая кивнула, соглашаясь.

— Если не боится, значит, в победе уверен, — предположил я.

— Или в собственной безопасности и неприкосновенности, — добавила нова.

Азия озвучила мою мысль, и я еще больше уверился в том, что Клиффорд замешан в происходящих здесь бедствиях. Однако в тот момент меня больше волновала грядущая битва. Масштаб сияния здорово тревожил. Интересно, что за монстры оттуда вылезут? И еще интереснее — что собирается предпринять Клиффорд? Серьезных сил он с собой не привел, зато жителей согнал всех до одного — в каждую хибару явился с проверкой лично — никто, по его мнению, не должен был избежать боя.

Когда настала очередь жилища Рябины, мы встретили Управителя сидя за столом с каменными лицами. Окинув взглядом присутствующих, Клиффорд поправил перевязь меча, скрытого украшенными золотом и кистями ножами, а потом медленно и с расстановкой произнес.

— Вижу, тут все готовы. Только почему девчонка без доспехов? Она что, особенная?

— Она никуда не идет, — холодно ответила Рябина.

— Кто сказал? — метнув в старуху свирепый взгляд, ухмыльнулся Управитель. — Здесь я решаю — кто, когда и куда пойдет.

— Допустим, — нахмурила брови Рябина, ее светло-голубые, выцветшие с возрастом

глаза уверенно смерили собеседника, — тогда я не буду сражаться в полную силу и займусь охраной своей внучки.

— И я, — подтвердил ее слова Адька.

— Мы все, — грозно поднялась из-за стола Азия, расправляя крылья так, что в комнате почти не осталось свободного места, — мы все будем защищать девочку.

Мысленно смерив размах крыльев новы, Клиффорд отступил. Исказив лицо гримасой досады, он все же кивнул, позволяя Люте остаться дома. Потом бегло оглядел остальных. С вызовом лоя его взгляд, я невольно поежился, когда встретился с ним глазами. В тот момент на меня смотрел не человек — зверь, в глубине зрачков которого плясали алые искры скрытой ненависти.

— И только попробуйте меня подвести — спрятаться, скрыться, струсить, сбежать, — произнес он, покидая комнату.

— Смотри, сам не сбеги! — проворчал вслед неугомонный Адька, но его фраза не достигла ушей Клиффорда, растворившись в громогласном хлопке входной двери.

Времени на сборы понадобилось немного. Надев приготовленные заранее доспехи и взяв оружие, мы вышли из жилища. На этот раз вместо копья я взял клинок и перед уходом отдал Люте повод коня, которого сначала собирался взять с собой.

— Пешком пойдешь? — удивилась девушка.

— Да. Коня оставляю. Если что, у тебя будет возможность быстро покинуть Дурной Дом.

— Эй, Жила! Что за пессимизм в голосе? — тут же упрекнул меня Адька. — Ты собрался проиграть битву, даже ее не начав? Вот уж не ожидал от тебя!

— Нет. Нет, но мой конь не боевой, ты это сам прекрасно знаешь. В сражении он будет только мешать, — слукавил я, переводя тему.

На самом деле предчувствия меня терзали не самые хорошие. Не нравилась мне эта массовость. Зачем сгонять на битву всех? Откуда Управитель узнал о масштабах грядущего сражения? Неужели от «плаща»?

— Все будет хорошо, — прогремел голос Азии, отрывая меня от мыслей, — мы вместе, а значит, выстоим перед любым врагом.

Заразительная уверенность новы подняла настроение. Решительным шагом мы направились в сторону сияния. Топая вниз по улице, я видел, как из соседних строений выходят вооруженные и облаченные в доспехи люди и присоединяются к бредущей среди темных лачуг толпе.

Явившись на луг, к самой окраине Дома, мы не узнали местность. Разросшееся до невообразимых размеров сияние исказило пространство, заставив лес отступить и превратив небольшой луг в огромное поле.

Когда все явились, Клиффорд отдал приказ построиться в несколько рядов, а сам отъехал назад.

Люди стояли и, не мигая, смотрели в сияние. Ждали молча. Никто не произносил ни звука. Даже оружие не бряцало, даже дыхания слышно не было. Жутко. Молчаливые люди-тени, застывшие перед радужным заревом, таким же безмолвным и нереальным.

Осторожный Клиффорд поставил ополченцев вперед, прикрывшись людьми, словно живым щитом. Сам встал позади, на приличном расстоянии, оставив подле себя свое скудное воинство. Да уж, воевать бок о бок с нами он точно не собирался. Тигровый конь уныло чесал задней ногой широкое брюхо, скрытое под алой попоной. Воины Управителя

позевывали лениво и безразлично, словно происходящее вовсе их не касалось.

Глядя на Клиффорда и прикидывая в уме варианты причин его спокойствия, я случайно наступил на хвост Адьке, который сердито рыкнул:

— Эй, Жила, Хватит ворон считать и по сторонам глазеть. Я чую — твари уже на подходе!

Умеющий не ошибся. Дружной толпой из сияния полезли бесы. Целая лавина мелких тварей налетела на первый ряд ополченцев. Самые наглые получили по рогам сходу — на землю полетели оскаленные головы и пробитые насквозь туши. Однако врагов было слишком много, и вскоре твари прорвались в центр строя.

Началась суматоха, я потерял из вида друзей. Рядом со мной оказалась Рябина. Мы встали с ней спиной к спине, прикрывая друг друга, но старуху быстро оттеснили куда-то в сторону.

После бесов пошли собаки. Похоже, для этой битвы их подготовили. Теперь у каждой твари имелись кожаные доспехи с наружными усилителями. В мою сторону пробились три огромных адских пса. Следом шел какой-то новый монстр. Я разглядел его, когда остался с ним один на один. Это был чудовищный кентавр с собачьим телом и мускулистым торсом, увенчанным рогатой головой. В могучих руках кентавр держал меч и щит. Длинный изогнутый клинок со свистом рассекал воздух, и мне пришлось приложить все усилия, чтобы увернуться от него.

Песокентавр наступал как гора, но был слишком неуклюж и медлителен. Я, чудом проскочив под его мечом, зашел чудищу за спину и воткнул клинок туда, где заканчивалась человекоподобная спина и начиналась собачья. Прямо в хребет. Оглушительно взревев, демон рухнул.

Теперь у меня появился щит, ничего, что не слишком удобный, зато как оказалось прочный. Мне под ноги упала раненная девушка, похожая на сказочную валькирию, и я прикрыл ее щитом от удара булавы. Демон, держащий булаву, опешил, открыв мне прекрасную возможность проткнуть его насквозь.

Если раньше, во время дозоров, враги отступали, чувствуя, что не могут пробить оборону, то теперь первая порция адских бойцов стояла до конца, пока все бесы, псы и кентавры не легли в бою.

На поле стало тихо. Слышно было, как тяжело дышат ополченцы — людей стало заметно меньше, чем до начала сражения. Никто не рассчитывал, что на этом все закончится. Сияние пылало, переливаясь зелеными, оранжевыми и фиолетовыми огнями. Никто не сомневался — первая партия врагов — лишь разминка, проверка наших сил, так сказать «проба грунта» для дальнейших действий.

Спустя несколько минут сияние издало странный звук, похожий на раскат далекого грома, а потом разошлось в стороны, занимая всю ширину поля. Оно дрогнуло, пошло волнами и заискрилось. Среди языков задвигались здоровенные черные тени. Они пульсировали, материализуясь из яркого света, принимая очертания всадников. На поле выехала демоническая конница.

Стоя в первом ряду, я невольно обернулся. Никто из ополченцев не сделал назад и шагу, зато Клиффорд со своей командой невозмутимо повернул коня и под шумок двинулся прочь.

«Трус!» — заорал я ему вслед, но мой отчаянный выкрик утонул в грохоте лошадиных башмаков из вороненой стали. Я чувствовал, как вибрирует под ногами почва. На меня надвигались гигантские фигуры, ошетилившиеся длинными пиками, пронзающие меня

ненавидящими взглядами из-под глухих черных забрал.

— Теперь мой черед, — раздалось над ухом.

Повернувшись, я встретился взглядом с Азией, которая решительно двинулась вперед.

Черные рыцари ехали клином. Увидев нову, рысящий впереди демон оскалился, направил копьё прямо ей в сердце и пустил коня галопом, разгоняясь для сокрушительного удара, за миг до которого Азия присела, замахиваясь мечом, и подрубила ноги черному скакуну. Адский рыцарь полетел на землю. Жеребец идущего следом споткнулся об упавшую лошадь и тоже рухнул наземь. Третий враг налетел на Азию, приняв грудью могучий удар ангельского меча.

Бесстрашная нова навела беспорядок в первых рядах демонов, и это дало ополченцам минутную передышку. Вдохновившись действиями Азии, люди с новыми силами подняли мечи. Словно в замедленной съемке я видел, как прыгает, целясь в глотку черному коню, Адька, как уворачивается от демонского меча Стефания, а потом пронзает клинком корпус адского всадника, как рубит врагов могучая не по годам Рябина.

Потеряв две трети от числа, рыцари-демоны отступили. Поле боя наполнилось радостными криками и победным звоном мечей о щиты. Никто не заметил отсутствия Управителя.

Порадовавшись вволю, ополченцы вглядывались в сияние, ожидая, кто появится из него на этот раз. По частоте и силе всполохов можно было определить, явятся ли из портала новые вражеские силы, или вскоре бой окончится. В тот момент сияние полыхало ярче яркого, разливалось волнами цветных огней, пестрело радужной рябью. Это значило, что главные силы еще не вышли нам навстречу.

Оглядевшись по сторонам, я понял — число защитников Дома сократилось почти вдвое. Окинув взглядом траву, я не увидел ни одного убитого человека — поверженные воины просто исчезали, растворялись в воздухе или.... На миг я разглядел лежащего в поле человека. Он был еще жив и тщетно пытался отползти от сияния, но оно протянуло к бедолаге длинные световые щупальца и утянуло его в себя.

«Теперь понятно, куда пропали наши поверженные бойцы — сияние засосало их» — догадался я. В голове начала складываться предположительная картина происходящего. Я не мог сказать наверняка, но все вело к тому, что демонам нужен вовсе не Дом, а его жители. И все эти сражения и дозоры были для монстров хорошей возможностью подобраться к селянам поближе и утащить их с собой. Теперь сговор Клиффорда с врагом выглядел очевидным: он согнал всех на массовую битву, а сам смотался, предоставив демонюгам прекрасную возможность пополнить свои запасы...

Тем временем наступившую тишину заполнили топот, визг и хрюканье. Сияние прорвалось толпой разномастных бесов. Обычно эти твари нападали хаотично, строй не держали и, вообще, казалось бы, в момент атаки не обращали внимания друг на друга. В этот раз они вели себя по-другому. Вывалив из сияния, встали тремя ровными линиями, растянувшись по всей длине поля. Из-за спин стоящих в первой линии протиснулась высокая тощая фигура, полностью скрытая широким черным плащом. Оставалось лишь гадать, что за существо под ним прячется, однако, внешние очертания новичка выглядели вполне человеческими.

Незнакомец присел, из широкого рукава показалась костлявая кисть, которой он зачерпнул горсть земли и поднес к лицу, скрытому от посторонних глаз глубоким капюшоном. Затем «тощий» пробормотал что-то и швырнул землю в нашу сторону.

— Это еще что за хрен? — шепотом поинтересовался у меня Адька. — Гляди, Жила, он землей зачем-то кидается...

— В первый раз такого вижу, — пожал плечами я, неотрывно наблюдая за невнятным типом.

Из-под узловатых пальцев в почву потянулись световые нити. Земля содрогнулась, пошла волнами, завибрировала.

— Некромант, — раздался позади меня возглас Рябины.

— Да ну! — не поверил Адька. — Что ему здесь делать-то? Лично я здесь погостов не видел.

— Этому погосты не нужны. Все мертвые тела — они земле принадлежат. Он их из любой точки мира притягивать может.

— Жесть, — я скрипнул зубами, отслеживая движения врага.

Тем временем некромант вскинул руки над головой и отступил назад. Земля перед ним задрожала, скорчилась в страшных судорогах. Почва разошлась, выпуская наружу тех, кому не посчастливилось найти последнее пристанище в месте, достигаемом для тощих рук некроманта.

Увидев нежить, ополченцы с возгласами ужаса попятились. Мертвецы, ожившие в одночасье, бросились в свою последнюю битву, уж им-то точно терять было нечего. Они заставляли отступать даже самых отважных воинов. И снова пошло-поехало. Лязг стали, скрежет доспехов, крики, хрипы и рык, человеческий и не только.

Когда передо мной возник огромный скелет в тяжелой броне, я содрогнулся от ужаса. На меня в упор таращились покрытые белой слизью глаза, выпученные из гнилых глазниц. Провалившийся нос тянул воздух, принюхиваясь к потенциальной жертве, которой я для него был. Скелет осклабился и ринулся вперед. Наши мечи скрестились высекая искры. Я прыгал, рубил, уворачивался, словно заведенный, но усталость давала о себе знать. Старинный меч противника бил с прежней силой, а мои руки уже налились свинцовой тяжестью.

Еще один удар и он меня перерубит пополам, мелькнуло в голове, но мертвец вдруг замер и закрутился на месте как пес, услышавший свист хозяина. Я оглянулся. Неподалеку от меня на коленях стояла Стефания, опустив лицо и раскинув руки перед собой. Она что-то кричала, в шуме битвы я не мог разобрать что...

Мертвецы, оказавшиеся вокруг бескрылой новы, перестали драться и повернули свои полуразложившиеся головы к ней. Их пустые глаза неотрывно смотрели на подрагивающие вытянутые пальцы Стефании. словно замороженная, нежить двинулась к нове. Кольцо врагов сомкнулось вокруг нее, мертвецы замерли около коленопреклоненной фигуры. Потом Стефания выкрикнула что-то громко, и мертвые войны хлынули от нее в стороны, словно взрывная волна, сметая на своем пути тех, с кем недавно восстали и дрались плечом к плечу против нас. Мертвые словно взбесились, набросились друг на друга, остервенело разрывая на куски прогнившие тела.

Я видел, как Стефания выбралась из этого месива невредимой. Подбежав к нове, я схватил ее за руку и отволок подальше от рычащих и клацающих зубами трупов.

— Вот молодцы! Сами себя победили! — раздался рядом довольный голос Адьки.

Умеющий восторженно наблюдал за происходящей грызней. Затем перевел взгляд на Стефанию:

— Круто ты их, как тебе удалось повернуть подобное?

— Это воля новы, — вместо Стефании ему ответила подросевшая к нам Азия, — внутренняя энергия, сила, которая копится долгое время, а потом выплескивается наружу, позволяя творить невероятные вещи.

— Ты тоже так можешь? — поинтересовался Адька с нескрываемой завистью.

— Не могу, — честно призналась Азия, — не каждая нова способна проявлять волю.

— Жалко, а то бы мы живо с этими сиятельными демонами разобрались! — протянул Умеющий с нескрываемым разочарованием.

Тем временем мертвецы изорвали друг друга на куски, и костлявый некромант остался один под прикрытием кучки бесов. Поняв, что силы неравны, он быстро отступил в сияние, которое тут же помутнело и потеряло яркость.

— Похоже, на сегодня все, — предположил я, взглядываясь в блеклые всполохи утихшего сияния, — одно меня волнует, куда делись все погибшие?

Я обвел взглядом поле боя — от ополчения осталась треть, многие были тяжело ранены, но ни одного погибшего поблизости не оказалось.

— Вы говорили, что демоны уносят в сияние живых, — нахмурилась Азия, вопросительно глядя на Рябину и Стефанию, — но сегодня не осталось и мертвых.

— Это так, — тихо ответила Рябина, отводя глаза.

— Бабка Рябина, ты ведь что-то знаешь? — глаза Азии требовательно сверкнули. — Если знаешь — расскажи.

— Наверняка не знаю, но предположения кое-какие имеются, — понизив голос до шепота, ответила старуха. — Но об этом не здесь...

Покинув поле битвы, мы отправились восвояси. Оставшиеся ополченцы тоже поспешили разойтись по домам. Победа ни у кого не вызвала особого энтузиазма и радости. Люди выглядели еще более испуганными, чем прежде. Понять их было несложно — наш отряд здорово измотался. Я еле волочил ноги, Адька перевоплотился в человека — устал держать звериный лик, даже Азия выглядела утомленной. Хотелось только одного — поскорее добраться до дома, поесть и выспаться, но об этом речи пока не шло — нас ждал серьезный разговор.

Пропустив всех в темный коридор, Рябина заперла дверь, а потом проводила в комнату. Там, усадив кругом у стола, села в свое неизменное кресло и знаком призвала к тишине.

— Я не знаю истинной причины похищений людей, но есть у меня одно предположение, — она переглянулась со Стефанией, получая от нее молчаливое согласие на продолжение разговора, — когда-то давно в Изначальном Доме, где я несла караульную службу в рядах личной гвардии Плега, начали ходить слухи, будто можно особым образом изготавливать дорожные камни. Любой здравомыслящий человек усмехнулся бы, услышав такое, но мы, охранники, приближенные к Совету Управителей, знали наверняка, что слухи эти пошли неспроста...

— Ничего себе! — восхищенно воскликнул Адька, как обычно не дослушав и не удержавшись от комментария. — Изготовив камни, можно построить новые дороги и отыскать новые Дома. Тот, кто владеет подобной технологией, мог бы озолотиться...

— Не все так просто, — осадил его Рябина, поднимаясь из своего кресла и подходя к столу, — ведь способ добычи камней весьма непрост. Именно поэтому Совет пресек распространение слухов и стер все упоминания об этом способе.

— Что же в нем такого? — спросила Азия, задумчиво блуждая взглядом по кружевам на скатерти.

— Каждый дорожный камень — человеческая жизнь.

— В смысле? — воскликнули мы с Адькой хором, как уже часто бывало до этого.

— Дорожный камень получают из людей, — сказала Рябина еле слышно и в тот же миг тревожно вскинула голову — палец к губам, взгляд бежит от коридора к окну. — Это ты, Люта?

Я искренне позавидовал слуху старухи. Сам-то ничего не услышал подозрительного, а седьмое чувство у меня никогда особо не проявлялось...

Из коридора и вправду крадучись вышла Люта. По ее округленным глазам, исполненным тревоги, я понял, что случилось что-то нехорошее. Хотя, после последней битвы моя фантазия отказывалась рисовать нечто новое, кроме бесконечного потока разномастных демонов и нежити. Неужто, опять сияние? Я не угадал...

— Я вам сейчас такое расскажу! — пробормотала девушка нестройным, заикающимся от волнения голосом. — Я видела его, «плаща» вашего. Пока вы там дрались, он возле брошенного сарая, что на краю улицы стоит, с Клиффордом разговаривал.

— Ага, — радостно воскликнул Адька, но все тут же шикнули на него — не шуми, мол. — Так я и знал. Так мы все и знали.

— Да подожди ты, — перебила Умеющего Люта. — То, что Управитель наш в какие-то свои игры играет, давно ясно было. Я их разговор подслушала. Они про похищения говорили. «Плащ» просил у Клиффорда еще людей и ссылался на одного Управителя из Совета — дескать, ему больше нужно. А Клиффорд сетовал, что ополчение собралось сильное, и демоны уже не справляются — тяжело им людей в сияние таскать.

— Значит, люди им нужны, а вовсе не Дом, — задумчиво произнесла Азия, щурясь на огонь свечи, почти полностью оплившей, превратившейся в восковую лужу с тонкой нитью фитиля в центре, — вот для чего стоворились. Слушай, Люта, о каком именно Управителе из Совета они говорили?

— Имени я не расслышала, «плащ» произнес его беззвучно, одними губами. Видать, знал, что могут подслушать.

— Видели тебя? — чутко прислушиваясь к тому, что происходит за стенами жилья, спросила Стефания.

— Не думаю, — лоя пристальный взгляд новы, помотала головой девушка, но ответ ее прозвучал не слишком убедительно.

— Сюда идут, — сверкнула глазами Азия, сжимая кулаки и глядя на дверь, ведущую из коридора в комнату. Призвав всех к тишине, нова встала и подошла к стене, припала ухом к выцветшим узорчатым обоям. — Уже окружили.

— Значит, черным ходом уйти не получится, — пристально взглянув на входную дверь, произнесла Стефания, — выходит...

Договорить она не успела, и случилось это не с привычного молчаливого запрета Рябины. Дверь, распахнутая ударом ноги, сорвалась с петель и рухнула под ноги ввалившимся внутрь людям Клиффорда во главе с самим Управителем.

— Всем оставаться на месте, — прорычал он, тыча пальцем в нашу сторону, — вы все подозреваетесь в шпионаже и сговоре с демонами.

Я едва успел наступить на ногу Адьке, который, как всегда, собирался высказать вслух все, что он думает по поводу сложившейся ситуации. Представляя, что он скажет, я и сам разделял подобное мнение — «Это кто еще с демонами сговорился!»

Увидав Клиффорда, Люта испуганно шмыгнула за спину бабке Рябине, а Стефания с

Азией как по команде поднялись и выступили вперед. Две новы заставили Управителя отступить, но за спиной его топтался целый вооруженный отряд — не чета тому, что явился на последнюю битву с визитерами из сияния. Похоже с охоты на Воина Дорог прибыли, наконец, основные силы. Разглядев теснящихся в коридоре тяжеловооруженных воинов с мечами и короткими пиками, я подумал, что связываться с ними сейчас совершенно не в наших интересах. Хотя, дома, ведь, и стены помогают?

— Сложить оружие и руки на стены, всем! Больше повторять не буду! — выкрикнул Клиффорд, пропуская стоящих позади него бойцов.

Те, толкаясь, вывалили вперед, заполняя небольшое пространство комнаты. Я переглянулся с Азией и Адькой. В глазах товарищей застыла решительная уверенность.

Сдаваться на милость Управителя никто не собирался и Клиффорд, похоже, понял это не хуже меня. В одно мгновение он растолкал своих людей, перекидываясь на ходу в зверя. Защелкал трансформирующийся позвоночник, с хрустом растянулась кожа, изменяя натяжение, с мерзким хрустом вытянулись челюсти, обращая человеческое лицо в хищную морду. Краем глаза я заметил, что Адька тоже начал перевоплощение, но куда ему с его двумя минутами, против нескольких секунд Полузверя.

Я выхватил меч, краем глаза заметил, как взмахнула крыльями Азия и, швыряя о стены воинов Клиффорда, прикрыла Люту. Стефания и Рябина тоже схватились за оружие. Решив выиграть время для нашего Умеющего, я кинулся на огромную оскаленную зверюгу. Полузверь клал зубами у меня перед носом. Я едва успел отскочить назад. Из-за спины выпрыгнул Адька и, рыча, сцепился с Клиффордом.

Два зверя устроили яростную грызню, растолкав остальных бойцов с обеих сторон. К удаче Адьки, Клиффорд, похоже, еще не набрал полную силу Умеющего, в противном случае Полузверь одолел бы противника сходу. Однако силы и так были неравные. Изловчившись, Клиффорд ухватил Адьку за ухом, а потом, по-бульдожьки пережевав складки кожи, передвинулся на горло. Рык нашего Умеющего сменился сдавленным хрипом.

Мощь челюстей Полузверя не оставляла Зверю шансов. Нужно было что-то делать. Срочно. Я остановился на секунду, а потом, будто в трансе, ринулся к сцепившимся в смертельной схватке хищникам. Алгоритм действий пришел из головы, прорвался откуда-то из глубины подсознания. Экстренная память — моментальная реакция организма на критическую ситуацию.

Как в замедленной съемке я подскочил к Клиффорду. Руки действовали сами, подчиняясь воле неосознанных воспоминаний туманного, нездешнего прошлого. На мгновение время остановилось вовсе, в застывшем кадре показывая мне инструкцию того, что необходимо сделать....

Глава 6. Побег

Часа через пол сенькина дача ожила. Заплясал под железным навесом послушный костерок, закрипели ставни, позволяя закрытому еще с зимы гостевому домику, построенному в качестве кухни задолго до основного, наконец взглянуть на свет божий.

— Жрать охота, — заявил Пашка, самый вечноголодный в нашей компании человек. Это неудивительно, при Пашкиных-то габаритах — здоровее всех в группе, да, пожалуй, и в потоке.

— Пива попей, — весело отозвался Витек, заботливо придвигая к себе мясо,

замаринованное в уксусе, — шашлык спешку не любит.

— А я бы лучше поспешил, — взволнованно подметил Влад, кивнув на забор.. — А то тут уже mobs окрестные на наше мясо агрятся.

Я повернул голову туда, куда он показывал. Через дыру в заборе на зоринский участок просунулась рыжая собачья башка. Черный нос сосредоточенно нюхал воздух, пока, наконец, не нацелился на шампуры с сырым еще шашлыком. Незванный гость был среднего размера, его уши торчали над головой двумя острыми треугольниками. Судя по внешности — метис карело-финской лайки. Пес выбрался из проема и, осторожно косясь на нас, медленно пошел к мясу.

Стоило незнакомцу сделать несколько робких шажков по сенькиной территории, как из дома донесся жуткий отрывистый рев, какое-то хриплое надрывное уханье.

Витек, который до ужаса боялся собак, побелел при виде приبلудного пса, но, услышав звуки, побледнел еще сильнее и, заикаясь, спросил:

— Он что, здесь?

— Ага, — виновато кивнул Зорька, — родичи оставили — мать хотела ковры от его шерсти почистить.

— Предупреждать надо, — сдавленно процедил Витек, а Пашка тут же радостно прокомментировал:

— Ты что, Сень, забыл, что Витек наш твоего Анчара боится до жути?

— Помню, — огрызнулся Зорин, — а я что поделаю? Мать вообще с дачи уезжать не хотела по-другому. Пришлось согласиться. Да вы не бойтесь, я его в доме запер.

— Точно запер? — не теряя своего извечного оптимизма, поинтересовался Пашка.

Ответить ему Зорин не успел. Дверь дома распахнулась, оттуда с грозным ревом выскочил здоровенный «немец» и, промчавшись мимо нашей остолбеневшей компании, с налета бросился на рыжего пса.

Началась нешуточная драка. «Карело-фин» отчаянно сопротивляться, но противостоять противнику вдвое превышающему размером — дело нешуточное. Огромный «немец» подмял его под себя и ухватил за голову. Бедняга рыжий истошно заскулил от боли, но зорькин Анчар, почуввав победу, только сильнее сжал челюсти.

Я среагировал не сразу. Уж больно неожиданно все произошло. Но, сообразив, что драчунов надо срочно разнять во избежание жертв, подбежал к ним. Действовать пришлось быстро: одной рукой я ухватил овчарку за ошейник, второй за морду — указательный палец зацепил под брылю, большой воткнул в глаз, прямо под яблоко. Этому приему меня научил отчим, в загородном доме которого жили двое западно-сибирских лаек-медвежатников и весьма несговорчивый среднеазиат. Три здоровенных кабыздоха периодически делили влияние и устраивали нешуточные бои, поэтому опыт борьбы с собачьим беспределом у меня имелся.

— Фу, Анчар! Фу! — прикрикнул я на зачинщика беспорядка и оттащил его за ошейник от рыжего. Тот, поспешно вскочив на лапы, поспешил ретироваться с сенькиного участка...

— Быстро ты их разнял, — со знанием дела покачал головой Влад.

— Повезло тебе, Жила, тебя собаки не кусали. А меня в детстве бабкин пудель цапнул, так я их теперь на дух не переносу, — оправдался белый, как привидение, Витек.

— Не кусали, если бы. Анзуд мне один раз чуть ногу не откусил, когда я его с Тошкой в очередной раз разнимал. Спасибо отчим подоспел тогда...

Продолжая держать за ошейник Анчара, я, поморщившись, взглянул на окровавленную

кисть — похоже, пока я оттаскивал сенькиного пса, рыжий со страху рванул меня зубами. Фигово дело — пес, конечно, на бешеного не похож, но кто ж его знает? А идти в больницу и делать хренову тучу уколов — перспектива не из приятных. Съездил на шашлычки, блин.

Прочитав по лицу мои тревоги, Сенька виновато развел руками:

— Это соседа нашего, Дмитрия Павловича собака. Сходи к нему, пусть справку тебе покажет, что она здоровая.

— Ладно, — вздохнул я тоскливо, и по-хозяйски повел Анчара в дом, — потом. Сперва шашлыки, а потом все остальное....

...Руки действовали сами. Правая — указательный палец под брылю, большой в глаз. Левая — удар кулаком по верхней челюсти, потом рывок за загривок... Освобожденный Адька падает на пол и отползает в сторону. Полузверь яростно рычит, а я ору на него что есть мочи: «Фу, Анчар! Фу!». Он вырывается из захвата и прет на меня. Свет резко гаснет...

— Жила, сюда, скорей! — крик Азии вырвал меня из странного транса, возвращая к реальности.

Я не видел, кто погасил в комнате свет, но хаос, начавшийся после этого, сыграл нам на руку. Чудом ориентируясь в темноте, ко мне подскочила нова и, схватив за шкуру израненного Адьку, протиснулась в потайной проход, открывшийся в стене. Я незамедлительно последовал за ней, слыша, как за моей спиной закрылась дверь, приглушая звуки царящей там неразберихи.

— Все здесь? — услышал я голос бабки Рябины.

— Все, — тихо отозвалась Азия.

— Тогда за мной. Выйдем у края Дома...

Потайная дверь вела в узкий коридор, спрятанный между ложной стеной и настоящей, который обрывался крутыми ступеньками ведущими под землю, в темноту.

— Лезьте туда! — скомандовала Рябина. — Скорее.

Мы двинулись в проход. Я прошел по ступеням последним и вздрогнул от неожиданности, когда за спиной посыпалась земля. Вход в подземный коридор обвалился, погребая нас под толщей почвы.

Спустя минуту подземелье озарил тусклый огонек. Люта зажгла керосиновую зажигалку. Ничтожного освещения хватило на то, чтобы выдернуть из тьмы фрагмент земляной стены с торчащими наружу корнями деревьев.

— Нужно уходить быстрее, — с тревогой произнесла Азия, потом обратилась к Адьке, который еле ковылял, неуклюже подтягивая к груди неестественно раздутую переднюю лапу, — что с тобой? Перекинуться в человека сможешь?

Адька не ответил, только поморщился. Этот человеческий жест в зверином исполнении выглядел как кривой оскал. Люта поспешно присела рядом с ним, осторожно коснулась распухшей, окровавленной лапы. Потом ответила за Умеющего:

— Не сможет. У него рука сломана. Если перекинется — кости деформируются, и он вообще без конечности останется.

— Плохо дело, — покачала головой Азия, — ладно, сначала выберемся отсюда.

Подземный ход привел нас на окраину Дома. Выход из него был надежно скрыт в траве под поваленной яблоней. Пропустив остальных вперед, Рябина остановилась. По ее молчанию становилось ясно — дальше она не пойдет.

— Бабка Рябина, а как же ты? — спросила Азия.

— Я остаюсь. Это не обсуждается, — она пихнула вперед Люту, — внучка с вами, а ты

Стефания?

— Я остаюсь.

— Тогда остальные — живо отсюда.

— Бабушка, — Люта замерла, не решаясь сделать шаг, — как же вы тут?

— Справимся, иди уже! — решительность хозяйки жилища не оставила сомнений.

Спорить с ней было трудно и бесполезно. — Идите, пока охраны на дороге почти нет.

К большой удаче на выходе стояло всего два охранника, да и те были не из лучших. Они не стали ввязываться в бой — отступили вглубь Дома, и наверняка поступили бы по-другому, если бы знали про нашу разборку с Управителем.

Из-за ран и усталости двигаться получалось медленно. Жаль, что пришлось оставить коня, но четверых он все равно бы не унес. Во избежание погони мы свернули на узкую тропу, проглянувшую сквозь гущу придорожных елок.

Тропа петляла среди моховых кочек, клубящихся сизым и белым под раскидистыми зелеными ветвями. Лес выглядел тихим и спокойным, казалось, можно сойти с тропы и пройти прямо по мху, но такое спокойствие обычно оказывалось обманчивым. В изумрудном сумраке там и тут вспыхивали слепящие всполохи.

— Их еще не хватало, — сердито проворчала Азия, — блуждающие огоньки.

Давно мне не попадались эти существа — сияющие сгустки энергии, которые то и дело озарялись яркими световыми вспышками и слепили глаза до слез. Они всегда водились возле узких троп. Слепяя проходящих сбивали с пути, заставляя сделать с тропы роковой шаг. Сейчас огни вели себя на удивление тихо, и мы быстро миновали их.

Несмотря на вероятную погоню и отсутствие препятствий, двигались мы медленно и уныло. Последняя битва измотала всех — отдохнуть после «веселого» дозора так и не посчастливилось. В ближайшем будущем передышек тоже не намечалось — какой уж тут оптимизи? Выглядела наша компания весьма жалко. Мы с Лютой едва волочили ноги, Адька прыгал на трех лапах, Азия брела позади всех. На лице новы читались сомнение и взволнованность. Она вся ссутулилась, сгорбилась, сжалась, словно черепаха, пытающаяся втянуть голову в панцирь, но как это сделать, если панциря нет?

— Азия, все в порядке? Тебя ранили? — спросил я на всякий случай.

— Не ранили. Не в порядке, — ответы последовали друг за другом.

— Что именно не так?

— Все, — в глазах новы застыло смятение, — все происходящее неверно, неправильно. Я нова — значит, должна подчиняться Управителям. Я нова — значит, обязана защищать людей. Но что мне делать, если нужно защищать людей от Управителей? Как быть?

— Заканчивай с самобичеванием, Азия, — успокоил ее Адька. — просто реши, что для тебя важнее — подчиняться или защищать? А ты, Жила, что бы выбрал? — Умеющий переключил внимание на меня.

— Не знаю, что выбрал бы, будь я новой, но как человек — однозначно второе.

— Значит, по-твоему, нова не человек? — в голосе Азии прозвучало разочарование.

Вот дурак! Надо же было такое ляпнуть, хотя, кто ж их знает, этих нов? Кто они на самом деле? Но, все равно, некрасиво с моей стороны получилось...

— Ну, Жила! Не ожидал от тебя, — я поймал возмущенный донельзя взгляд Адьки. — Значит, я для тебя тоже не человек?

— Не говори ерунды, — ответил я ему и поскорее обратился к нове. — Прости, Азия, я неверно выразился.

Она взглянула на меня с недоверием, словно в мозгах покопалась. Наверняка выясняла, правду я говорю или нет. От этого занятия ее отвлекла Люта, которая поспешила перевести неприятную тему в иное русло. Обращаясь ко мне, спросила:

— Ты что, умеешь колдовать?

— Чего? — не понял я.

— Я про заклинание, которое ты выкрикнул, когда заставил Полузверя разжать челюсти.

Сказать по правде, я вообще плохо помнил этот момент. Действовал словно в трансе, в полузабытии, и только чудом не попался разъяренному Клиффорду в зубы. Что я там мог кричать? Выругался, наверное, или...

— Что выкрикнул, Люта? — спросил я напрямую, теряясь в догадках.

— Заклинание какое-то, что-то наподобие «Фу — Анчар — Фу!»

Фраза озарила мозг яркой вспышкой, заставив обленившуюся память нехотя повернуться. Эта фраза. Она связана с каким-то еще событием в моей жизни. С каким же. С каким....

Подчиняясь незримому прошлому, взгляд автоматически переполз на правое запястье, на котором красовался шрам от укуса некоего животного, надо сказать, достаточно свежий. Раньше я не обращал на него внимания. Сознание словно отводило меня, не позволяя задумываться об очевидном. Этот шрам был не единственным на моем теле, но остальные повреждения оказались либо слишком старыми, либо недавними, и я прекрасно помнил, откуда их получил.

— Колдовать я не умею и как про какой-то анчар кричал не помню, — сдался я, не в силах объяснить свое поведение даже самому себе, не то что окружающим.

— Что еще за анчар? — задумался Адька. — Никогда таких слов не слышал.

— Это такое дерево, — сказал я совершенно уверенно — ответ вырвался сам собой.

— Так и скажи, что опять все забыл, как когда-то, — мотнул головой Умеющий, — а не носи всякую ерунду про несуществующие деревья.

При взгляде на нову в голову мне пришла одна догадка, которую я тут же решил проверить.

— Скажи, Азия, а ты помнишь свое прошлое?

— Время, до того, как стала новой? Нет.

Отлично! Выходит, в нашей дружной компании я не один такой склеротик. Хотя, радостного мало, и то, что нова не помнит себя до обращения вполне логично. А как тогда быть со мной? Меня вроде ни в кого не превращали и не переделывали. Я задумчиво взглянул на Адьку. Расценив мой взгляд как вопрос, Умеющий отрицательно помотал головой:

— Не смотри на меня, Жила, я про себя все помню! У меня и семья есть и жилье и вообще. Да ты сам мое жилище своими глазами видел и с батей моим общался! Надеюсь ваш склероз не заразный?!

— Тебе бояться нечего, — тихо произнесла Азия, и в бесстрастном голосе ее прозвучали ноты понимания. — Ты на службе у Управителей не находишься.

— Что успокаивает, — радостно выдохнул Адька. — Только от этого не легче. После всех последних событий, что будем дальше делать? — резко остановившись, он сел на дорогу. Остальные тоже встали, как вкопанные. — Ну, какие есть предложения?

— А чего тут неясного? Нужно разобраться с заговорщиками — этим и займемся! —

Азия метнула взгляд на испуганную Люту. — Я этим займусь.

— Я с тобой, — первым выкрикнул Адька, — раз уж влипли в историю все вместе, так и разбираться все вместе будем. Так ведь?

Я кивнул, соглашаясь с Умеющим. Люта тоже кивнула:

— Тебе одной не справиться, Азия.

— Тогда, раз уж мы решили и дальше работать в команде, нужно расставить все точки над «и», — я строго посмотрел на товарищей.

— Какие еще точки? — не понял Адька.

— Слишком много недоговоренного есть во всей этой истории с демонами и похищениями, и вообще.... Так что, Люта, выкладывай, что знаешь от Рябины и Стефании.

— Хорошо, — девушка кивнула. — Много лет назад бабушка служила в личной гвардии Великого Управителя Беато. Он погиб при невыясненных обстоятельствах, и его место занял Пlegо. Он не принял людей предшественника, и всю личную гвардию Беато расформировали. К тому же Пlegо велел закрыть магические лаборатории Беато и уничтожить труды, хранящиеся в них. Так, бабушка вернулась в свой Дом. С ней пришла Стефания, которую она встретила по пути. Больше я ничего не знаю.

— Ясно, — вздохнула Азия, — все это я знаю и сама. После отставки Рябина служила в одном из Изначальных Домов в отряде одного из Младших Управителей Совета. Там я с ней и познакомилась. А вот о Стефании толком ничего не знаю. Ясно одно — она здорово кому-то насолила, раз лишилась крыльев.

— Может, несчастный случай? — вынес предположение я.

— Нет, исключено. Нов лишают крыльев за особо тяжкие провинности. Похоже — тот самая ситуация.

Я промолчал, раздумывая. Что делать дальше? История, в которую мне посчастливилось ввязаться, становилась все запутаннее. Правда, эти последние события волновали меня гораздо меньше, чем то, что то и дело проскакивало в памяти вспышками секундного озарения и снова проваливалось в никуда. Я не мог вспомнить всего, что видел в моменты забытья, сюжет воспоминаний пропадал, лица и пейзажи стирались. Оставалось одно — стойкое ощущение, что там все было по-другому. Там моя жизнь подчинялась иным правилам и иной, совершенно иной правде. Чем были те воспоминания? Забытыми моментами из прошлого, картинками из предыдущей жизни?

— ...Теперь у меня одна цель, — оторвала меня от раздумий Азия, — найти Управителя из Совета, о котором говорили Клиффорд и «плащ»...

— Если мне промыли мозги по воле Совета, значит — мне туда же. Хочу вернуть свое прошлое, по крайней мере выяснить, где мой родной Дом и семья.

— Отлично, — довольно кивнула Азия, — твои навыки путника нам пригодятся, ведь добраться до Изначальных Домов не так-то просто.

Я прикрыл глаза, рисуя внутренним взглядом карту. Тут уж память не подводила никогда — карта со всеми подробностями являлась по первому желанию. Линии дорог, алые точки Домов. Изначальные Дома — жирные кляксы в центре карты. И все это великолепие меняется, перетекает из одного в другое — все потому, что мир нестабилен. Тракты Изменений заставляют его раз за разом менять свои очертания и границы. Мир, словно сеть, раскинутая на колышущихся волнах. Представьте легкую сеть, поддерживаемую на поверхности то и дело приходящей в движение воды невесомыми поплавками. Роль таких поплавков в этом мире выполняют Изначальные Дома.

Вглядываясь в запечатленное подсознанием изображение, я отыскал наиболее стабильную дорогу. Только шла она через болота — не слишком приятное открытие. Пути, заходящие в топь, несли в себе множество опасностей и неприятных сюрпризов, и здоровенные жирнющие змеехваты были далеко не самыми страшными из них. Флора и фауна болот отличалась особой силой и мощью. Там водились твари, способные преодолевать защиту обочины и нападать на ничего не подозревающих прохожих.

Когда я сообщил эту новость остальным, услышанное их мало обнадежило. Отправляться в сомнительный путь — перспектива не из лучших, но иных вариантов поиска Изначальных Домов пока не находилось.

— Страшно идти через топи, — честно призналась Люта, — я слышала о них от заезжих путников.

— Нечего бояться раньше времени. Мало мы в своих Домах всякой жути, что ли видели? Живы ведь до сих пор. И на болоте, авось, не сгинем! — храбрился Адька.

— Не сгинем, — согласилась Азия, — пройдем через болота.

Прежде чем ступить на путь, ведущий через топи, мы потратили полдня, петляя в густом ельнике по дороге закрученной, словно серпантин. За каждой новой елкой путь то и дело загибался крутым поворотом, раз за разом меняя направление на противоположное. Время от времени нам попадались мелкие змеехваты. Под елками им жилось не сладко — цветы оказались тусклыми и слабыми. Такие большой опасности не представляли.

Постепенно ельник поредел, сменился кустами ракиты и акации, но вскоре и те исчезли, оставив место округлым кочкам, между которыми там и тут виднелись глубокие дыры с темной водой. На верхушках кочек, покрытых клубящимся сизым мхом, торчали пучки черники и вереска.

Дорога истончилась, сузилась до предела. По обеим сторонам время от времени попадались карманы — небольшие площадки, вымощенные дорожным камнем. Значило это одно — в ближайшее время к Домам мы не выйдем, значит, придется ночевать на дороге. Провести ночь в паре метров от обочины — перспектива та еще. Мне такое счастье выпадало всего пару раз, и то, ландшафт тогда был относительно спокойным, лес полупрозрачным и лишенным всяческой живности. Тут же другое дело. Чем глубже мы заходили в болота, тем ближе подползала к обочинам всякая живность. Блуждающие огни, сияющие во мхе мерцающими золотыми гирляндами, какие-то мелкие твари, похожие на сухопутных ручейников с клешнями, болотные змеи, покрытые пластинами хитиновой брони и здоровенные шкварники. Эти подбирались к самой дороге и начинали искрить при нашем приближении.

— Вот гады, чего им нужно? — скалился на шкварников Адька. — Ишь, вылупились, будто сейчас на дорогу выпрут! Ай!

Адькин крик прозвучал неожиданно, и мы уставились на него все разом.

— Что?

— Вы это видели? — глаза Умеющего чуть из орбит не вылезли. — Нет, вы видели?

— Не видели, — ответил за всех я, что, собственно, было правдой.

— Мелкий шкварник метнул в меня молнию!

— И что с того? Ты же на дороге.

— Так он на дорогу метнул, через обочину! — голос Умеющего переполняли возмущение и недоумение.

— Который из них? — я недоверчиво осмотрел в сбившихся кучей искрящихся тварей.

— Вон тот.

«Тот» шкварник оказался самым маленьким из всей компании, зато самым ярким. В отличие от более крупных собратьев, окрашенных в буро-серый цвет, этот был ярко-рыжим, и напоминал по окрасу змеехват — те же темные пятна на оранжевом фоне. Пока я его разглядывал, он заискрился, поджался весь, а потом поднял тонкий длинный хвост с костяной иглой на конце и метнул в меня неоновосиней молнией. Собранный в плотный сгусток разряд прошел над обочиной и с шипением врезался в камни возле моей ноги.

— Вот зараза, — выругался я, предусмотрительно отскакивая в сторону, — и впрямь через обочину шмаляет. Слышал я про таких, но всегда считал, что это байки.

— Гад расписной, — прорычал Адька, глядя, как тварь собирается для нового удара.

— Осторожнее, тут еще! — выкрикнула Люта, указывая на противоположную обочину, к которой тоже сползались шкварники. Среди них было несколько «расписных» и они выглядели крупнее первого стрелка.

Мы даже сообразить ничего толком не успели — в нас полетели голубые молнии. Самая большая прошла совсем рядом со мной и с шипением ушла в черные камни дороги.

— Вот черт! — выкрикнул я отскакивая в сторону и отгаскивая замешкавшуюся Люту. — А это что?

Одна из рыжих тварей, громко шипя, выпустила из тонких жвал, скрытых под маленькой головой, тонкий жалящий язык, точно такой же, как у змеехвата, только гораздо длиннее. Не обращая внимания на обочину, тварь потянулась им к моему ботинку. Мгновенно среагировав, я двинул по этому языку тяжелой рифленой подошвой. Тварь недовольно скрипнула и предусмотрительно втянула язык обратно.

— Что это за гибрид? Какая-то жуткая помесь шкварника со змеехватом? — изумился Адька.

— Похоже на то, — кивнул я, — идеальный хищник: зажарил жертву прямо на пути, а потом стянул ее в болото — игрок вне местных правил.

— Хорошо, что они не крупные, — пятась от толпы шкварников, произнесла Люта, — целиком не изжарят.

Еще один монстр протянул на дорогу язык и принялся ощупывать им камни, усвоив опыт своего товарища, пострадавшего от моего удара, он пустил себе на язык разряд молнии, заставив жалящие ворсинки искриться голубым и белым светом. Азия потянулась за мечом, но я остановил ее.

— Не надо. Металл проводит электричество — забыла?

— Демонские рога, смотрите туда! — крикнул Адька, приподнимаясь на задние лапы. — Вы видите то же, что и я?

Я отследил его взгляд и нервно сглотнул. Среди моховых кочек плавно двигалось огромное плоское тело — огненно рыжее, покрытое бурым и черным крапом. Шкварник, спешащий на подмогу к своим собратьям, имел по паре метров в ширину и длину — здоровенная тварюга. Двигался он невероятно быстро — плавно скользил по кочкам, то исчезая из вида, то появляясь снова.

Оказавшись в нескольких моих шагах от обочины, монстр бесшумно оторвался от земли — подпрыгнул, перенося исполинское плоское тело на противоположную сторону пути. Я уставился на его блеклое полупрозрачное брюхо, сквозь которое просвечивали сосуды и внутренности. В этот миг острый сильный хвост, похожий на пятнистую яркую змею

нацелился в меня, и с его окончания сорвался метко пущенная голубая молния. Успев пригнуться, я отскочил в сторону, выдохнул облегченно — не попал, гад! Но огромному шкварнику промах словно предал сил. Удвоив скорость, он развернулся, изготовился к новому прыжку и, в считанные секунды преодолев расстояние до обочины, вновь взлетел над дорогой.

В этот раз он метнул несколько молний разом и прошел значительно ниже от земли. Спаслись мы снова каким-то чудом. Повезло, но удачу не стоило испытывать на прочность, да и на точность тоже.

— Уходим! — крикнул я, и спутники мои ждать себя не заставили.

Смекнув, что добыча ускользает из-под носа, шкварники заметались у обочин, а потом поспешно заскользили вдоль невидимой преграды следом за нами.

Несколько минут бессмысленной беготни показали, что уйти от погони будет не так-то просто. Мелкие преследователи быстро отстали, но те, что покрупнее, развивали приличную скорость, и с легкостью нагоняли нас, стоило только чуть замешкаться. С каждым шагом бежать становилось все сложнее. Тропа катастрофически истончилась, каждый рисковал запросто слететь с нее. А тут ведь как? Если слетишь, то даже невозвращенцем стать не успеешь — сразу обратишься в поджарку с корочкой.

— Смотрите, там! — зоркая Люта на бегу указала вперед.

Я разглядел какую-то арку или дугу, вздыбившуюся над болотом.

— Скорее туда! — обрадовано выкрикнула Азия, — это мост!

Не вдаваясь в подробности, я и остальные припустили за новой, искренне надеясь, что ее радость оправдана. Азия не ошиблась. Когда мы приблизились к арке, стало понятно, что это сама дорога поднимается над топью округлым горбом, а снизу ее поддерживают прочные высокие сваи, уходящие в мох.

Тропа устремилась ввысь, позволив оставить погоню далеко внизу. Дорога действительно напоминала мост, у которого были даже невысокие каменные перила. Идти по этому узкому ненадежному сооружению было некомфортно, но другого выбора у нас не имелось. Стоило пути оторваться от земли, шкварники отстали, заметались, потеряв след добычи. Похоже, нас они чуяли лишь в непосредственной близости к обочине.

Поднявшись на несколько метров над землей, я смотрел на сизые кочки, испещренные мельтешащими бурыми тенями, среди которых там и тут яркими пятнами мелькали огненные в крапину гибриды, схожие окрасом с ядовитыми грибами. Они все еще пытались отыскать нас: тыкались головами в обочину перед началом подъема, кружили у опор, двигались туда-сюда вдоль тропы, но на этот раз их добыча ускользнула из-под носа.

Глава 7. Корабль свободы

Ночевать на дороге — удовольствие весьма сомнительное, а порой даже пропащее. Все путники, всадники, воины и путешественники стремятся к закату солнца отыскать какой-нибудь Дом и остаться там на постой. На худой конец можно двигаться без ночевки, жертвуя собственным отдыхом, но наш небольшой отряд нуждался в остановке. Бессонные ночи давали о себе знать. После нападения шкварников мы так и не рискнули заночевать на болоте, поэтому теперь едва тащились, то и дело спотыкаясь и натыкаясь друг на друга.

Крупные гибриды больше не попадались, а мелкие особой агрессии не проявляли, даже наоборот, старались расползтись дальше от обочины, но мы решили не рисковать и, миновав

очередной карман, устало двинули вперед.

Вскоре горизонт, отчерченный алой полосой заката, пророс угловатыми очертаниями каких-то сооружений. Чем ближе мы подходили, тем четче представляли из вечернего сумрака остатки древних металлических конструкций. Взяли во мху гигантские колеса, засиженные десятками блуждающих огней; словно скелеты чудовищ, тянулись к небу хрупкие полупрозрачные конструкции из арматуры.

— Что это? — испуганно спросила Люта, окидывая недоверчивым взглядом представший пейзаж.

— Механики строили, — мрачно пояснил Адька, — только половина этих штук давно в топь ушла.

— Смотрите, — я подошел краю дороги, — к ним ведет тропа.

Тропа всего в несколько камней шириной тянулась к стоящей неподалеку вышке собранной из металлических перекладин. На ветхой доисторической конструкции не было блуждающих огней — вокруг ее основания мутно поблескивали черные камни.

— Можно подойти, — сказал я удостоверившись, что приблизиться возможно, — тут карман.

— Ну и штуkenция, — подхромав ко мне, произнес Адька и отправился на разведку, принявшись обнюхивать уходящее под камни основание, — для чего она?

Я не знал, как ответить. Наверху вышки в сторону отходила мощная перекладина-стрела, с которой свисали цепи и крючья. Конструкция казалась знакомой, с помощью нее переносили грузы. Напрягая память, я удостоверился, что прежде здесь подобных штук не видел. Выходит, видел «там»? Хотя, предназначение вышки выглядело очевидным, и свою уверенность в нем я банально списал на логику.

— Это подъемный механизм. — пояснила Азия. — Их до сих пор используют в Изначальных Домах. Ты тоже должен был их видеть, Жила.

Я кивнул. Ясно. Никакой мистики — видел в Изначальном Доме и забыл. Неприятное ощущение. Одно дело — невнятные воспоминания, идущие в разрез с происходящим. Другое — когда забываешь что-то естественное и не слишком давнее. Я обернулся на друзей, вдруг однажды проснись и не узнаю их в лицо? Брррр. Нет. Это уже слишком...

— Что скажешь? — Азия направилась к основанию подъемника, — наверху кабина — можем переночевать там. По крайней мере шкварники нас не достанут.

— Пожалуй, — согласился я, — это лучше, чем сидеть на земле.

Люта кивнула, соглашаясь, и только Адька оказался этой идеей недоволен.

— Вам легко говорить, — сетовал Умеющий, — а я вам не кошка, по таким верхотурам лазать. Да по этим железякам и кошка-то прыгать не рискнет, а у меня — во! Забыли? — он красноречиво кивнул на свою раненую конечность.

— И тебя как-нибудь затащим, — успокоил я Умеющего, но его такая перспектива не слишком-то обрадовала.

— Затащим... — фыркнул он. — Ты что ли потащишь, Жила? Я в Звере потяжелее тебя буду, да и без зверя тоже.

— Я затащу, — сурово взглянула на него Азия, — притяну его к спине ремнями, на манер рюкзака.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Азия, конечно далеко не слабачка, чего уж там говорить. А если быть честным, она вообще сильнее всех нас тут вместе взятых. Но, хоть она и нова, да все-таки девушка. А

позволить девушке тащить Адьку в одиночку я не мог. Адька тоже не горел особым желанием становиться чьим-то рюкзаком и отчаянно запротестовал:

— Нет уж, спасибо! Не хочу отвалиться и полететь вниз на середине подъема. Если бы ты, Азия, еще могла летать, то я может быть бы и согласился, но ни на какие альпинистские восхождения я не подпишусь.

— Летать, — лицо Азии моментально помрачнело. — Летать я смогу нескоро. Проклятый змеехват повредил усилители, ведущие к крыльям, мне не хватает мощности, чтобы оторваться от земли.

— Прости, — спохватился Умеющий, поняв, что затронул не слишком приятную для новы тему, — но, все равно, не хочу, чтобы меня затаскивали наверх таким образом.

Возникшую проблему решила Люта, которая за время наших сборов и споров успела тщательно обследовать основание подъемника.

— Смотрите, тут ручной лифт, — крикнула она, — так что обойдемся без альпинизма.

— Лифт, — обрадовался Адька. — Отличная новость!

Двигать этот самый лифт пришлось вручную. Мы с Азией сменили друг друга пару раз, прежде чем удалось втянуть нашу дружную компашку на самый верх подъемника. Кабина оказалась совсем крошечной, и нам пришлось втиснуться в нее, толкая и тесня друг друга. Дверь открылась не сразу, лишь когда получилось сломать ударом проржавевший в труху замок.

— Ну и местечко, — ворчал Адька, поджимая хвост, чтобы его не оттоптали, — на этой штуке, что, карлики работали?

— Боюсь, нам этого не узнать — слишком давно тут все заброшено, — вздохнул я, уныло оглядывая проржавевшие рычаги и колеса управления стрелой, потом перевел взгляд на потолок, которого практически не было, — надеюсь, сегодня дождя не предвидится...

— Тише, — неожиданно шикнула осторожная Люта.

Я замолчал, припал носом к мутному окошку. Вот черт! Вид мне открылся далеко не самый приятный, даже пугающий. Весьма пугающий: вся поверхность болота, насколько хватало глаз, ожила. На сизом фоне моховых кочек двигались мутные тени, бурые и огненно рыжие. Они перетекали, замирали и снова начинали свое хаотичное движение. Неразбериха эта была иллюзорной. Вглядевшись, я понял, что целая армия разномастных шкварников направляется к нашему укрытию. Твари двигались галсами, метаясь из стороны в сторону. Слово слепые, они налетали на обочину кармана у подножья подъемника, шарахались в стороны, кружили, потом вновь возвращались к запретной черте, не позволяющей чудищам топи ступить на черные камни пути.

— Нашли, — нахмурилась Азия. — Все-таки отыскали нас.

— Так и кишат, — отступила от окна Люта, — словно замышляют что-то.

— Не бойся, — оскалил клыки Адька, — эти гады думать не умеют, а по вышкам лазать тем более. Да и на камни им не выбраться, хоть они всей своей родней сюда приползут.

— Все равно, жутко, — не согласилась с Умеющим девушка, — посмотри, сколько их — целое войско. Не просто же так они сюда приползли?

— Люта права, — поддержала Азия, — эти шкварники чего-то ждут.

— Знать бы чего, — задал я вопрос, который оказался риторическим. — А вот и наш новый знакомый, — добавил, увидав, как в сторону подъемника движется тот самый монстр-переросток, что прыгал через дорогу.

— И, похоже, он не один, — ответила нова, подойдя к окну и встав рядом.

Глядя на топь, я почувствовал, как в желудке начинает неприятно холодеть, и немудрено — с разных сторон к подножью нашего убежища ползли пять здоровых тварюг, пятнистых, яркоокрашенных в цвета от алого до желтого. Добравшись до кармана, они закружили у его границ, и их змеящиеся следом хвосты принялись искриться синими всполохами. Сообразив, что снаружи творится что-то серьезное, Адька тоже подковылял к окну и поднялся на задние лапы.

— Сколько же их! — из клыкастой пасти Умеющего вырвался возглас удивления. — Им ведь не допрыгнуть да нас, как думаете?

— Не допрыгнуть, — согласился я, — в ином случае они бы уже попробовали это сделать. Но собрались они тут явно с какой-то целью.

Глядя на неистовое мельтешение шкварников, я судорожно думал о том, что они могут предпринять, чтобы достать запертую на высоте добычу. Если бы основание металлической конструкции, ставшей нашим убежищем, не было надежно изолировано, стоило бы предположить, что шкварники попробуют изжарить нас прямо на вышке. Что еще они могут придумать сейчас? Или не сейчас. Может, решили взять измором, и ждут, когда мы сами спустимся? Слишком дальновидно для плоскоголовых болотных слизняков...

— Смотрите! — оторвал меня от размышлений Адька. — Копают!

Я пригляделся — и впрямь, несколько шкварников возились у самой обочины, разбрасывая вокруг себя куски мха и черной болотной почвы. Вскоре к ним присоединились другие. Сначала мне не было ясно, чего они этим добиваются, но позже, когда несколько существ ушли прямо под камни кармана, я стал догадываться об их намерениях. Словно в подтверждение моих предположений пол под ногами дрогнул — подъемник пошатнулся.

— Подкоп роют — хотят уронить вышку! — опередила мои догадки Азия.

— Кишка тонка, — свирепо прорычал Адька, поднимая щеткой шерсть на загривке, — неужто эти мелкие гады удумали свернуть такую махину.

— Могут, — мне пришлось огорчить Умеющего, — земля болотистая — зыбкая, если подковырнут хорошенько...

Не успев договорить, я потерял равновесие от нового толчка, сотрясшего могучую конструкцию. Свалился на пол, тут же вскочил, хватаясь за стены, подбежал к окну. Не может быть! Вырыв подкоп, мелкие шкварники уступили место крупным, а те в свою очередь принялись снизу выворачивать из рыхлой почвы дорожные камни кармана, заставив установленную на них вышку крениться набок. Тут же отчаянно заскрипела кабина, крен усилился.

Мы полетели друг на друга кучей, пытаясь хвататься за стены. Потерявшая равновесие вышка стремительно заваливалась набок, но образовав сорокапятиградусный угол с землей, остановилась. Я дыхание затаил, ощутив, как сквозь тело прошла волна пощипывающего холода — падая, конструкция Механиков пересекла границу обочины. Как только кабина коснется земли, мы все вчетвером дружно отправимся в невозвращение.

Невозвращение. Только этого мне и не хватало для полного счастья. Будто бы мало мне было потерянной памяти? Через страх пробилась обида: неужели погибну, так и не узнав о собственном прошлом. Как говорится, пришел ниоткуда и ушел вникуда. Вот досада!

Вышка содрогнулась и опять принялась крениться к губчатым кочкам, в самую гущу кишачих шкварников. Крупные особи, почуяв приближение добычи, принялись подпрыгивать над землей, но кабина все еще находилась на приличном расстоянии, и даже самые высокие прыжки электрических тварей успехом пока не увенчались. Это давало нам

минутную передышку, но что толку — висим в воздухе между небом и землей, да и землей ли.

— Смотрите! Смотрите туда! — вдруг выкрикнула Люта. Она, как самая зоркая из нас, первой заметила нечто, стремительно движущееся через топь в нашем направлении.

Цепляясь за обломок стального поручня на ставшей потолком стене кабины, я попытался проследить за взглядом девушки. Сначала ничего не увидел — часть вышки загораживала обзор, а потом разглядел, как среди моховых кочек неровными скачками движется нечто.

Почувствовав чужое присутствие, шкварники заволновались, принялись метаться и искрить еще сильнее. Нечто стремительно приближалось, принимая очертания какого-то странного механизма, похожего на огромный прямоугольный фургон с двумя парами металлических паучьих лап. Каждая лапа имела в длину десяток метров и приводилась в движение при помощи титанического поршня. Клубы горячего пара вырывались из нескольких труб, расположенных позади фургона, и ударяли в землю, заставляя армию шкварников отступать, расползаясь в разные стороны. Беспечные твари, рискнувшие зазеваться и попасть под мощную паровую струю, с болезненным писком застывали, а потом краснели, начинали бухнуть и растворяться, оставляя во мху склизкие красно-бурые пятна.

— Что за чертовщина! — выругался Адька, обнаружив приближение неизвестного механизма. — Откуда оно взялось?

— Машина Механиков, — поражено выдохнула Азия, — невероятно!

Тем временем пауконогий механизм подобрался вплотную к нашему шаткому убежищу. Сквозь стекло в его передней части я разглядел человека, сидящего за пультом управления. Поймав мой взгляд, незнакомец махнул рукой. В тот же миг в борту его машины открылись люки, из которых потянулись длинные многосуставчатые манипуляторы. Щелчок — кольцо зажима сомкнулось на щиколотке — меня силой отодрали от поручня и поволокли в сторону и вверх.словно червяк на крючке я пролетел по воздуху над стаей шкварников, которые тут же сомкнули ряды и заискрились, видимо от досады, что добычу увели из-под носа — приближаться к ошпарившей их сородичей машине твари больше не рисковали. В борту открылся проем, и манипулятор забросил меня внутрь. Следом полетели Азия и Люта, а потом настала очередь хрипящего и кашляющего Адьки, которого манипулятор обхватил и поднял за шею.

— Я чуть не сдох! — тут же возмутился Умеющий и, присев на зад, потер шею здоровой передней лапой. — Ощутил все прелести казни через повешение.

Я огляделся по сторонам, осмотрел небольшое чистое помещение, в которое нам посчастливилось попасть. Оно было пустым, за исключением нескольких деревянным ящиков, стоящих в углу. Пол сотрясался от размашистых шагов машины. На серых, обитых стальными листами стенах виднелись несколько дверей, ведущих в другие помещения. Мы выжидающе уставились на них, рассчитывая в скором времени увидеть воочию нашего загадочного спасителя. А может, вовсе и не спасителя, но кого тогда?

Одна из дверей действительно вскоре отворилась. К нам навстречу вышел высокий седой человек, почти квадратный, с какими-то неровными, слишком несимметричными чертами лица. Это искажение было вызвано старой травмой из-за которой нос незнакомца перекосило на сторону, а левый глаз, похоже, был заменен протезом.

— Добро пожаловать на мой корабль, уважаемые, — пробасил незнакомец, — вижу, мое появление оказалось как нельзя кстати.

— Вот уж не думал, что невозвращение выглядит так, — удивился Адька и потянул носом воздух, желая проверить, не иллюзия ли перед ним.

— Кто вы? — поинтересовался я с сомнением.

Происходящее нарушало все законы логики, по которым мы, как верно подметил Адька, в данный момент находились за обочиной, но загадочный человек на ходячем корабле на невозвращенца вовсе не походил. Незнакомец не успел ответить. За моей спиной раздался шум. Нова, стоявшая позади, опустилась на одно колено и склонила голову:

— Я знаю вас, вы — Управитель Совета Илай.

— Встань, дитя мое, здесь не Совет, а я давно уже не занимаю высокую должность. На моем корабле все равны друг другу, — прозвучало в ответ.

— Объясните, как вам удалось создать корабль, способный преодолеть невозвращение? — продолжил расспрос я.

То, что было передо мной выходило за всякие рамки. Человек, живой и невредимый разъезжает по болоту за границами пути и делает это совершенно свободно и беспрепятственно.

— Вопросы вопросами, но я не люблю держать гостей в дверях, тем более, что принимаю я их крайне редко...

Сказав это, Управитель, а вернее бывший Управитель Илай кивнул нам, приглашая следовать за ним в одну из дверей. Покинув первое помещение, мы оказались в небольшом зале без окон, похоже, он находился в самом центре стального брюха бродячей машины. Посредине стоял круглый стол, освещенный газовыми шарами, на полу я разглядел постеленную в качестве ковра шкуру шкварника-гибрида.

Пригласив нас рассесться по стульям, Илай продолжил начатый разговор.

— Итак, молодой человек, вы наверняка сомневаетесь в том, что пересекая грань, не канули в невозвращение. Именно поэтому вас интересует мой корабль? — он замолчал, дождавшись от меня кивка. — Все верно. Этот механизм уникален и неповторим, к моему великому огорчению.

— Неповторим? — переспросил я. — Но раз вы создали его однажды...

— Не я, — перебил бывший Управитель. — Эту машину создал Великий Управитель Беато.

— Беато — тот самый, которого сместил Пlegо? — я вновь задал вопрос.

Илай промолчал, вместо него ответила Азия. Ее лицо выглядело крайне напряженным, взгляд металлически-серых глаз метался, рисуя узоры на поверхности стола.

— Тот самый. Ходили слухи, что в закрытых лабораториях он проектировал машины, равные по своей мощи машинам Механиков.

— Похоже, Пlegо позавидовал ему, — вставил свои пять копеек Адька.

— Так и было. Пlegо оклеветал Беато, обвинив его в ереси и черном колдовстве. Как ни странно, Совет не поддержал Великого Управителя и принял сторону выскочки Пlegо, — подтвердил Илай. — Я был дружен со стариком Беато, поэтому после его отречения тоже отказался от должности. Управитель Беато был великим ученым, жаль, что результаты всех его исследований уничтожили. Эта машина — последнее и единственное, что удалось сохранить. Я забрал ее из-под носа Пlegо и бежал в болота. Так что здесь мы в недосягаемости.

— Болота? Почему сюда? — я все еще желал удовлетворить свое любопытство.

— На каждой из ходовых частей надет башмак, в основу подошвы которого встроены

дорожный камень.

— Выходит, в жертву своим исследованиям Беато приносил человеческие жизни? — я сурово посмотрел на Илая.

— Вам известно о методе производства? — тяжело вздохнул бывший Управитель. — Не буду отрицать, что именно Беато изобрел его, но, само собой, использовать эти бесчеловечные технологии он не желал, поэтому нашел иной, безопасный для людей способ. Камни получились несовершенные — для их уверенного функционирования необходима водная среда. Именно поэтому я вынужден передвигаться по болоту. Хотя, есть и вторая причина — подходящее топливо, которое можно отыскать только здесь.

— Торф, — догадался я, восхищенный и пораженный услышанным.

— Именно, — кивнул Илай, и, не дав мне вновь засыпать его вопросами, поинтересовался сам:

— Откуда вам известно о производстве дорожного камня?

Я взглянул на Азию — стоит ли рассказывать о заговоре? Нова молча кивнула, похоже, она безоговорочно доверяла бывшему Управителю. Я решил положиться на ее уверенность:

— Мы узнали, что кто-то из Управителей решил создавать дорожный камень и открыл охоту на людей в Дурных Домах.

— Я ожидал этого, — нахмурил брови Илай, — исследования Беато привлекли слишком много сомнительных личностей, жаждущих наживы и власти.

— Теперь ясно, что за всем стоит Плега, — сделал смелый вывод Адька.

— Не думаю, отрицательно помотал головой Илай. Слишком очевидно. Плега — бывший бандит, должность Великого Управителя он выгрызал зубами и вряд ли стал бы ей рисковать.

— Бандит? — прищурилась Азия. — Я не знала об этом. Но как возможно, что преступник стал Управителем.

— Он раскаялся, прекратил разбойничать и сделал карьеру народного заступника, когда орды демонов вторглись в Изначальные Дома. Плега, а вернее Джонни Фосса — это его настоящее имя, обладал невероятной силой и отвагой. Он сражался с чудовищами не жалея сил — люди признали его, полюбили и избрали Управителем.

— Вовремя этот ваш Плега подсуетился, — пробурчал себе под нос недоверчивый Адька.

— Можно сказать и так, — согласился Илай. — То, как быстро переменилось к нему отношение окружающих — феномен.

— Нашествие демонов, прямо, как у нас в Доме, — вздохнула Люта, — только в нашем случае демоны приходят не по своей воле.

— Вы точно подметили, дорогая. Демоны никогда не приходят по своей воле. Эти создания живут в толще земли, прямо под дорогами и покидают свои убежища, лишь подчиняясь воле магов, их призывающих.

— Ага, а сами по себе демонюги белые и пушистые! — не поверил услышанному Адька.

— Не совсем, но они имеют одну удивительную особенность, — поведал Илай, после чего поднялся из-за стола и кивком пригласил нас проследовать за ним. — Позвольте, я покажу вам кое-что...

Отворив незаметную дверь в конце кают-компания, бывший Управитель провел нас в темную кладовку, там, щелкнув пальцами, зажег под потолком газовый шар. Все пространство небольшого, пыльного помещения занимали коробки с инструментами и

запчастями бродячей машины. Похоже, здесь находилась мастерская. В дальнем конце у стены я разглядел небольшую клетку — метра полтора в поперечнике.

— Подойдите, — указал на нее Илай, зажигая еще один газовый шар на стене. — Взгляните сюда.

Я пригляделся, неяркий желтый свет вырвал из полумрака очертания скорченной фигуры. Подойдя ближе, разглядел запертое в клетке существо. Видом своим оно напоминало человека, серокожего и совершенно лишенного волос. Глаза пленника напоминали совиные — желтые, с сузившимися в слабом свете шара зрачками.

Увидев меня, незнакомое создание открыло рот полный тонких игольчатых зубов и со свистом выпустило воздух. Видимо этот жест, отдаленно напоминающий шипение змеи, являлся предупреждением — близко не стой. В ответ из-за спины раздалось угрожающее рычание Умеющего.

— Не беспокойтесь, — успокоил Илай, — оно не опасно.

— По виду не скажешь, — не согласился Адька, принюхиваясь к запахам, идущим от клетки, — да еще и воняет, будто гнилая картошка.

— Кто этот... человек? — спросил я с паузой.

— Серый скиталец, или, по-вашему — демон, — прозвучал короткий и ясный ответ.

Я вновь внимательно оглядел существо. Оно, в свою очередь, сосредоточенно пялилось на меня. Никого похожего во время дозоров я точно не встречал.

— Вы уверены? — осторожно поинтересовалась Люта.

— Мне такие раньше не попадались, — нахмурилась Азия, придирчиво осматривая серого пленника.

— Вас сбил с толку его вид. Неудивительно — эти создания умеют накидывать морок, меняя свой облик, чем, собственно, и пользуются маги, научившиеся их призывать и контролировать.

— Значит, адские псы, рыцари и бесы — иллюзия, — произнес я скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Отчасти, — подтвердил Илай, — по воле мага-хозяина серый скиталец принимает облик существ, внушающих людям первозданный ужас — тех самых чертей и демонов, описанных в древних легендах.

— Вот ведь подлая зверюга, — фыркнул Адька.

— А знаете, что самое интересное, мой друг? — бывший Управитель многозначительно поднял вверх палец. — Эта, как вы опрометчиво заметили, «зверюга», вовсе и не «зверюга», а растение.

— Растение? — переспросили мы дружным хором.

— Именно. Разумное растение, которое, подобно картофелю, образует на своих корнях своеобразные клубни. Созревая, они развиваются до невероятных масштабов, после чего серые скитальцы отделяются от материнского корня и некоторое время функционируют самостоятельно.

— Никогда бы не подумал, — пробормотал я, почесывая затылок.

— Понятно, почему от этой шгуки воняет тухлым овощем, — обрадовался Адька, — а то я уже начал переживать, что с моим нюхом что-то случилось.

— А мне в подобное верится с трудом, — покачала головой нова.

Тем временем «овощ» забился в угол клетки и снова зашипел. Илай подошел к нему и протянул руку сквозь решетку:

— Смотрите.

С пальцев бывшего Управителя сорвалась алая молния и с шипением вошла в тело пленника. Тот не подал вида, что что-то почувствовал, но серая кожа тут же начала излучать слабый свет, который постепенно уплотнился, обрел цветность и фактуру. Через минуту сквозь прутья клетки на нас тупо пялился крупный шкварник.

— Теперь понимаете о чем я?

— Круто, — принюхался Адька, — у этой картошки даже запах изменился.

— Абсолютно точная копия, — подтвердил хозяин бродячего корабля. — И, кстати, это не картошка. Название материнского растения — мандрагора.

— Значит, по своей воле они в чудищ не обращаются, — уточнил я, прокручивая в голове услышанное. — Получается, и в нашем случае, и тогда, во времена свержения Беато демонов кто-то создавал специально.

Илай медленно кивнул, подтверждая мою догадку:

— Именно так, молодой человек, именно так. И не просто кто-то, а мощный маг — не каждому по силам изменять форму.

— Кто-то из Управителей, — уточнил я напрямую. — Почему вы думаете, что это все-таки не Плего?

— Он воин и никогда не отличался особыми навыками в магии, тем более во времена, когда получил должность Великого Управителя.

— Да уж, — задумалась Азия, — слишком очевидно, чтобы это был он. Кто тогда, есть варианты?

— Есть, — грустно усмехнулся Илай. — Остальные шесть Управителей Совета — Гидра, Кира, Ольвион, Бенедикт, Фловеус и Лука.

— Не так уж и много, — искренне обрадовался Адька.

— От этого не легче, — не разделила его радости Азия. — Управители не показываются среди простого люда, приблизиться к ним — дело непростое, тем более — проверить каждого из шести.

— Все равно это лучше, чем если бы подозреваемых оказалась целая сотня, — запротестовал Адька.

Пока они спорили, я решил задать Илаю вопрос, который терзал меня уже несколько дней:

— Как бывший Управитель вы должны знать, как происходит процесс стирания памяти.

Фраза прозвучала слишком неожиданно и требовательно. Перед тем, как ответить, Илай смерил меня долгим удивленным взглядом.

— Есть определенная магия, с помощью которой воздействуют на мозг нов, во время того, как их трансформируют.

— Я не нов имел в виду. Людей.

— Людей? — в голосе бывшего Управителя прозвучало искреннее непонимание и удивление. — Первый раз о таком слышу.

— Путников — уточнил я.

— Путников? — вновь повторил мои слова Илай и тут же уверенно помотал головой. — Нет. Путникам никто и никогда не стирал память. Не припомню подобного.

— Вы ошибаетесь. Даже Плего в напутственной речи говорит, что путникам воспоминания ни к чему.

— Это была аллегория.

Я взгляделся в обезображенное лицо Илая, пытаюсь понять, врет он, шутит или же говорит правду и всерьез, но в перекошенных смещенных чертах сложно было уловить что-то конкретное. Все же мне показалось, что в словах бывшего Управителя проскользнула насмешка. Подумав, он решил согласиться со мной:

— Кто знает, может у Плега свои методы наставления путников. Выходит, ты совсем не помнишь своего прошлого?

— Не помню, — подтвердил я, глядя в упор на Илая.

Искусственный глаз бывшего Управителя не мигая таращился на меня, живой, напротив, блуждал по стенам, избегая моего взгляда.

— Может оно и к лучшему, не знать того, что так крепко забыл? — спросил он, наконец, — ведь порой, узнав прошлое можно и не обрадоваться.

— Нет. Уж лучше знать наверняка, что бы там ни было. Догадки и терзания гораздо хуже, поверьте.

Пожалуй, в словах Илая был резон. Его последняя фраза прозвучала так пронизательно, что даже мои решительные и однозначные мысли по поводу выяснения собственного прошлого покрылись зыбким налетом сомнения. Нет, сейчас для сомнений не место. Я поспешил перевести тему со своих личных проблем на общественные:

— Скажите, как бывший Управитель, кто конкретно из Совета по-вашему мог бы участвовать в заговоре?

— На вашем месте, молодой человек, я бы сначала подумал не кто, а зачем.

— Затем, чтобы выстроить новые дороги, создать новые Дома и...

— И? — подчеркнул мое замешательство Илая. — И что? Что с того?

— Деньги, власть — тот, кто владеет землей, тот живет безбедно.

— Недальновидно, молодой человек, — покачал головой мой собеседник. — В деньгах и власти Управители не слишком нуждаются. Никто не станет рисковать местом в Совете ради сомнительного да еще и столь трудозатратного заработка.

— Чего же по-вашему пытается добиться этот наш похититель людей?

— Не знаю, подумайте, — в живом глазу Илая промелькнула улыбка, искусственный же остался без эмоций. — Скорее всего, на кону стоит что-то из ряда вон выходящее, что-то действительно стоящее и важное.

— Единственное, что приходит мне сейчас на ум, это связь между сегодняшними событиями и теми, что произошли во время свержения Беато.

— И я, — произнесла молчавшая до этого Азия, — имею кое-какие соображения. Гонения на Управителя Беато начались не с его смелых исследований и экспериментов. Его свергли после того, как из сокровищницы Совета чуть не был похищен Камень Пути — единственный из Великих Артефактов Силы, который сохранился до наших дней.

— Это слухи. Похитить Камень Пути невозможно, — отрицательно покачал головой Илай, — прежде всего потому, что его невозможно найти.

— Странно, — насторожился я, как можно хранить артефакт, который и найти-то нельзя. Откуда известно, что он вообще существует?

— Из легенд, — невозмутимо ответил Илай, и я снова не смог понять, шутит он или говорит на полном серьезе. — Они гласят, что один из Великих Управителей былых времен отбил этот камень у Воинов Пути и спрятал в здании Совета. Камень невидим для людских глаз. Он начинает светиться, когда рядом с ним оказывается кто-то из Воинов Пути.

— Тогда все сходится. Находясь в Дурном Доме мы слышали, что Управитель-

заговорщик отправил своих пешек ловить Перепадаля, видимо верит легендам, как и вы, — признался я.

— Только он еще не знает, что на него самого открыта охота, — гордо выпалил Адька, страшной довольный тем, что ему так в тему удалось вернуть крутую фразу, похожую на реплику героя из дешевого, но пафосного спектакля.

Илай осмотрел нас с интересом. Края его рта чуть вздрагивали, словно он с трудом сдерживал смех, перемешанный с удивлением. Я тоже обернулся к своим спутникам — странная у нас подобралась компашка: я, который разве что имя свое не позабыл, трехногий болтливый волчара — Адька, прямолинейная Азия с ее холодным спокойствием и мрачной невозмутимостью, тихая и незаметная Люта — еще одна необходимая составляющая нашего невменяемого отряда.

Илай оглядел нас всех по очереди пристально, словно просвечивая глазами насквозь, потом произнес тихо, с какой-то едва уловимой улыбкой:

— Значит, твердо решили отыскать мятежного Управителя? Ну что ж, Механики вам в помощь...

Несколько суток мы провели на бродячем корабле Илая. День и ночь неутомимая машина курсировала по болоту, передвигаясь по всей его площади. То и дело она резко меняла направление. Сначала эти непредсказуемые скачки и развороты казались хаотичными, но постепенно мне стало ясно, что таким образом Илай путает следы, скрываясь от кого-то. Я попытался расспросить его о предполагаемом преследователе и получил ответ — шкварники, но что-то уверенно подсказывало мне, что ни в одних болотных тварях тут дело — прежде всего корабль избегал приближения к тропам и дорогам, ведущим через топь, а по ним обычно ходили вовсе не шкварники.

Сделав несколько кругов по болоту, Илай отвез нас к Изначальным Домам. Перед этим, как оказалось, он долго продумывал маршрут. Когда на горизонте над буро-зеленым покрывалом топи острозубым гребнем поднялся еловый лес, машина встала, как вкопанная, и мы высадились на одной из троп у самой окраины болота.

Глава 8. Шпионы, певица и белый пудель.

Под потолком небольшой цирюльни ярко горели газовые фонари. В нос ударил приторно-сладкий запах духов и прочей парфюмерии, от которого у меня засвербило в носу. Оглушительно чихнув, я встретился взглядом с тощей дамочкой, разряженной в какие-то нелепые пестрые ленты, с поясом, перетянутым так, что, казалось, ее тело вот-вот развалится на две половины.

— Чем могу помочь? — цирюльница наморщила нос и посмотрела на меня с недоумением, слава богу, я совершенно не походил на тех, кто обычно посещает подобные заведения.

— Вот, — я кивнул на Адьку, который клятвенно обещал хранить обет молчания ближайшие несколько часов. — Вы можете постричь эту собаку.

— Эту? — дамочка удивленно подняла брови. — Вообще-то мы не обслуживаем собак, если только... — она понизила голос и, воровато оглядевшись по сторонам, перебрала в воздухе пальцами правой руки.

Я понял намек. Вынул из кармана штанов кошель с деньгами и протянул ей.

— Плачу вдвое.

— Тогда все хорошо, — кивнула цирюльница. — И как вы хотите ее постричь?

Я еле сдержал усмешку, глядя, как на слове «ее» перекосилась Адькина физиономия, но надо отдать должное Умеющему, от комментария он удержался.

— Мне нужен пудель. Белый.

— Пудель? Из этого?

Сообразив, что не в меру любопытная цирюльница что-то заподозрила, я наврал с ходу:

— Понимаете, моя тетка оставила мне на попечение своего пуделя, я за ним не уследил и бедный пес случайно выпал из окна...

— Случайно, из окна?

Похоже, мое вранье ее не убедило, только еще больше заинтересовало.

— Ну да, прямо из окна — за вороной погнался и выпрыгнул...

— Несчастное животное, — дамочка с сочувствием покачала головой.

— Да, не повезло ему, но мне не повезет еще больше, если обнаружится пропажа. Этот пес — единственное, что мне удалось достать. Поэтому приходится делать пуделя из него.

— Можете не оправдываться, я вас поняла, — кивнула цирюльница и принялась за дело.

Процесс преображения, показавшийся мне каким-то жутковатым колдовством, закончился примерно через час. Все это время перетянутая дама с невероятной ловкостью орудовала то ножницами, то распылителями с краской, то клеем и паклей. В результате этого творчества бедолага Умеющий и впрямь преобразился, правда, далеко не в лучшую сторону: его шею голову и грудь «украшала» грива из пакли, торчащие над головой уши свесились под тяжестью спрятанных в шары из пакли стальных утяжелителей, а привычный цвет изменился на белоснежный.

— Вот, пожалуйста! Теперь перед вами чистокровный королевский пудель, — цирюльница вытерла руки о фартук и уставилась на меня выжидающе.

— И на сколько времени хватит этого маскарада? — прозвучал вопрос с моей стороны.

— Пока новая шерсть отрастать не начнет.

— Значит, времени нам хватит....

А теперь, наверное, стоит вернуться в недавнее прошлое и рассказать все по порядку. Итак, после того, как Илай высадил нас на дорогу, мы продолжили свое путешествие и вскоре достигли Изначального города.

Это место было мне знакомо — память твердо и без сбоев рисовала те времена, когда с командой таких же как я сам будущих путников ожидал решения Плега, а потом выслушивал на главной площади его напутственную речь. С тех пор город не изменился, выходит, времени прошло не слишком много. Хотя, кто знает, насколько вообще изменчив этот город?

Мы брели по широкой улице, вдоль которой ровными рядами стояли высокие каменные здания в несколько этажей. Их дубовые двери с кованными ручками и петлями выходили на тротуар, протянувшейся вдоль проезжей части, по которой двигались вереницы всадников, экипажей и даже редкие паромобили, невыносимо медленные по сравнению с одетым в усилители конем, зато невероятно модные. В них сидели мужчины, облаченные в парадные одежды и не носившие оружия, рядом с ними — нарядные дамы, озаряющие улицу блеском своих украшений. Все эти роскошь и шик были возможны только тут, в Доме Изначальном, такого не встретишь в лесной глуши на дороге или в далеких Домах на окраинах мировой

карты.

Впрочем, наш вид, весьма отличный от внешнего вида местных завсегдатаев, не слишком бросался в глаза. По узким тротуарам бродило множество подобных нам гостей столицы — усталых, недоверчивых, грязных, обвешанных оружием и доспехом. Да уж, неместных бродяг тут было предостаточно. Что искали они в Изначальном Доме? Кто знает? Каждый, подобно нам, прибывал сюда с собственными авантюрными идеями, а за тем, чтобы особо опасные и неугодные из этих идей не реализовывались, неустанно следила местная стража — личная гвардия Управителя Совета по имени Гидра.

О Гидре ходило множество слухов. Кто-то называл его беспринципным, кто-то справедливым, однако, прежде всего, говорящие сходились на том, что этот самый Гидра был человеком необычайно могущественным и сильным. А впрочем, Механики с ним, с Гидрой, к чему я вообще про него вспомнил?

Решив не думать про Гидру и ему подобных, я огляделся по сторонам — стены домов там и тут украшали яркие вывески разного рода магазинов и забегаловок, то и дело попадались огромные стенды с плакатами, на которых пестрели афиши каких-то мероприятий и портреты местных знаменитостей.

Взглянув на один из таких плакатов, я остолбенел. С него на меня смотрела Люта. Как так? Я пристально оглядел нарядную дамочку на изображении: увешанная золотом и укутанная мехами дива с белым пуделем на поводке. Подпись гласила, что я обознался, и это вовсе не внучка старухи Рябины, а известная певица Тайра. Но как похожа! Я обернулся на остальных, похоже, никто кроме меня сходства не заметил.

— Слушай, Жила, — не выдержал уставший от бесконечного ковыляния Адька, — давай поищем укромное местечко для отдыха, сил уже нет по этим площадям и проспектам шататься.

— А шататься нам здесь придется долго, — тут же урезонила его Азия.

Здесь, в Изначальном Доме нова чувствовала себя неуютно. Конечно, она старалась не показывать своего волнения, но в твердом обычно взгляде стальных глаз таилась тревога. Я постоянно ловил ее на том, что она озирается по сторонам, вглядываясь в лица, в окна домов, экипажей и паромобилей.

— Что-то не так? — спросил, догадываясь о причинах тревожности спутницы. Мою спину сверлил чей-то взгляд. Это ощущалось отчетливо, словно между лопатками прокрутили невидимое сверло. Мерзкое чувство.

— За нами следят, — подтвердила мою догадку Азия. — Как только мы вошли в город.

— Пусть следят, — приглядываясь к окружающим, тихо ответил я, — сейчас день, и мы как на ладони. Сыграем беспечность. Пусть эти шпионы-невидимки думают, что мы слепые раздолбаи, не способные углядеть даже собственную тень. Дадим им повод расслабиться, а сами укроемся в каком-нибудь тихом местечке.

— Где ты собрался отыскать его? Это тихое местечко? — безнадежно поинтересовался Адька и сел, привалившись спиной к стене уходящего ввысь серого строения, опоясанного длинными балконами, от которых тянулись к соседним зданиям тонкие пешеходные мосты.

— В трущобах на окраине.

Как добраться до них я не забыл. Шел уверенно и вел за собой остальных. Когда проспекты сменились узкими улочками с дворами-колодцами, где соседи из домов напротив могли высунуться в окна, чтобы пожать друг другу руки, я остановился под тусклой вывеской постоянного двора.

— Ну и местечко, — приняхался Адька и оглушительно чихнул, — воняет, как в помойке!

И в этом он был безусловно прав, потому что помои валялись прямо под ногами. Похоже, дворников в этом райончике не водилось.

— Ну что, отстали? — спросил я у новы.

— Похоже, — Азия повернулась вокруг своей оси, хотела сказать что-то еще, но не успела — стремительная тень метнулась от стены и молча кинулась на нову. Я не успел схватиться за меч — еще три неразличимых в вечернем сумраке незнакомца прыгнули на меня, другие двое ринулись к Люте и Умеющему.

Нападающие действовали быстро и дружно, я еле успел увернуться от блеснувшего сбоку клинка. Ударил сам, пригнулся, отскочил — один враг упал. Наконец выхватил меч, рубанул второго, краем глаза разглядел, как Адька вцепился в глотку своему противнику, остальных раскидала Азия. Мой третий враг сообразил, что преимущество не на его стороне, и поспешно растворился во мраке.

— Фух, ну и быстрые же, падлы! — произнес я, переводя дух. Стычка действительно получилась скоростная — все происходящее не заняло, наверное, и минуты. — Адька, отпусти его, он уже готовый, — обратился к Умеющему, которые продолжал сжимать горло своей бездыханной жертвы.

— Е агу, — прохрипел тот, давясь словами. — Эюхти алинило.

— Не можешь? Челюсти заклинило? Понятно, — я присел возле него. — Мертвая хватка. Потерпи, приятель.

Достав нож, я просунул костяную рукоятку между адькиными зубами и шеей его добычи, нажал аккуратно, действуя ножом, как рычагом. В пасти Умеющего хрустнуло, он болезненно рявкнул и отскочил в сторону, оставив поверженного врага на земле. Недвижное тело неожиданно дернулось, пошло судорогой, а потом зашипело, растворяясь. Вскоре от него осталась лишь лужа густой темной слизи.

— Опять они — перевоплощенные серые скитальцы, поморщился Адька. — Я сразу понял. Мерзкий запах тухлой картошки не спутаешь ни с чем.

— Почему ты не чуял его раньше, — робко поинтересовалась Люта, — когда дрался с демонами в нашем Доме?

— Демоны пахли грозой, электричеством — из-за сияния наверное, — прозвучало в ответ.

Решив не испытывать судьбу, мы поспешили оставить место стычки. Долго кружили по трущобам, пытаясь запутать следы и даже не зная, продолжается за нами слежка или нет. Уже за полночь мы добрались до окраины Изначального Дома, туда, куда уважаемые жители городского центра не совали носа даже днем. Здесь застройка обрывалась, а узкая витая улочка оканчивалась тупиком, упираясь в стену леса, стоящего уже за обочиной. Ни в одном Доме я не видел, чтобы жилища строили так близко к опасной черте, но здесь, похоже, свободная земля была редкостью, поэтому приходилось мириться с неприятным соседством.

В самом конце тупика, всего в паре метров от огромных мрачных сосен, стояло четырехэтажное здание. На провалившемся козырьке над шатким крыльцом висел газовый шар, тускло освещающий покосившуюся вывеску «Постоялый двор дядюшки Филиаса». Пока мы раздумывали, стоит ли туда отправиться, за спиной раздалось пыхтение паромобиля.

— Эй, посторонись! — крикнул мне громила-шофер, паркуясь под гостиничной

вывеской. — Самое неприглядное и дикое захолустье, какое только можно отыскать в этом городе. Приехали, госпожа, — бросил он через плечо своим пассажирам.

— Вижу и сама, что место дрянь, — произнесла, выбравшись из машины, девушка в пушистой белой шубе. Ее лицо было наполовину замотано платком, который она старательно придерживала рукой. В глазах, а вернее в единственной видимом глазе незнакомки застыло выражение крайней брезгливости и недовольства.

Следом за девицей вылез тощий, будто скелет мужик, одетый в какие-то невнятные яркие шмотки. Потянув за кожаный поводок, он выволок из салона машины огромного белого пуделя, постриженного а-ля лев.

— Расплатись с ним, — кивнув спутнику на шофера, дамочка посильнее натянула на лицо платок и недовольно взглянула на нашу компаньку. — Быстрее, я не собираюсь торчать здесь у всех на виду в таком виде!

— Конечно, госпожа Тайра, я стараюсь, — принялся оправдываться «яркий», — но Снежок опять не хочет идти.

Белый пудель, который, надо заметить, был невероятно велик даже для королевского, натянул поводок и уперся в землю всеми четырьмя лапами...

Вот так встреча. Неужто и вправду та самая Тайра, портрет которой я видел в городе? Сложно толком разглядеть из-за платка. Интересно, зачем он ей?

Тем временем госпожа Тайра сердито прикрикнула на своего спутника:

— Ну, так возьми его на руки! И чемоданы не забудь!

С трагическим вздохом «яркий» покорно подхватил здоровенный окованный медными обручами чемодан и с надеждой снова потянул поводок упрямой собаки. Надо отдать должное пуделю — он уступил и, высокомерно задрав морду, прошествовал ко входу «дядюшки Филиаса» за своей хозяйкой.

Пропустив странную парочку внутрь, мы вчетвером вошли следом. Первый этаж постоянного двора занимала таверна. В ней не было окон, и всюду царил полумрак, слабо разбавленный желтым светом нескольких тусклых газовых шаров. Большинство столов пустовали, лишь в углу, за самым дальним сидела пара местных алкашей, которые по очереди глушили прямо из бутылки мутный ром.

Дубовая стойка возле входа пустовала. Возле нее уже стояла госпожа Тайра, и гневно цокала ногтями по отполированной гладкой поверхности. Решив также дожидаться хозяина сего заведения, я уселся за ближайший стол, Азия и Люта присоединились, а Адька устал развалился прямо на полу.

Вскоре хозяин появился — толстый усатый человек с неимоверно красным лицом и запавшими поросычьими глазками.

— Чем могу? — обратился он к Тайре.

— Номер давай, самый лучший! — раздраженно и грубо заявила та, на что хозяин, видимо, обиделся, и побагровел еще сильнее:

— Самый лучший занят.

— Меня это не волнует. Я не собираюсь жить в сарае.

— Ничего не могу поделать, госпожа, как вас там? — хозяин грозно насупил брови.

— Тайра, — выкрикнула недовольная дамочка. — Между прочим, я известная певица.

— Да что-то не похожи вы на...

— Ах, не похожа? А так? — девушка гневно сорвала с лица платок и вперилась глазами в краснолицого дядьку. Ее левую щеку украшало алое пятно ожога.

— И правда вы! — изумился хозяин и поспешно хлопнул в ладоши, обращаясь к сидящим в углу алкашам. — Эй вы, освободите-ка номер для важных персон!

— Но, шеф, — проскрипел один из бухариков, — ведь в гостинице полно свободных комнат!

— Пререкаться вздумали? — став вишневым, прогремел хозяин. — Освободили, живо, и точка! — он повернулся к певице, пытаясь изобразить радушие. — Пожалуйте, готово!

— Ладно, — удовлетворенно кивнула Тайра, вынимая из блестящей сумки кошель и отсчитывая монеты. — И о том, что я здесь — никому. И об этом, — она многозначительно указала на свою израненную щеку. — Перекантуюсь у вас неделю, пока не заживет. Проклятый змеехват попался на пути так некстати.

— Откуда в наших краях змеехват? Вокруг все пути вычищены и вылизаны — приказ Управителей.

— Как же, — с болью в голосе отмахнулась певица, — проклятая дорога была запутана, как клубок ниток, который кошка заиграла...

— Эх, госпожа, — хозяин, пыхтя, как паромобиль, выбрался из-за стойки и, окинув заговорщицким взглядом окружающих, повторил. — Эх, госпожа, знали бы вы, как близки к истине оказались с этой вашей кошкой... Можно сказать, что она, кошка, путь и в самом деле запутала. Вернее не она, а он.

Пока я пытался уловить смысл этого расплывчатого заявления, Тайра недоверчиво поинтересовалась:

— Что это еще за «он»?

— Перепадаль...

— А кошка-то причем?

— А при том, — краснолицый хозяин стал говорить еле слышно, поэтому всем присутствующим пришлось затихнуть. Даже алкаши в заднем ряду перестали рыгать и звенеть бутылками. — Перепадаль — это Воин Пути, но он вовсе не человек, как многие думают. От человека — только лицо. Тело у него — от кота, копыта — от коня, и хвост имеет длинный-предлинный с крюком на конце. Он тем крюком дорогу зацепляет и путает.

— Какая чушь! — раздраженно и разочарованно отмахнулась от «краснолицого» певица Тайра. — Не хочу больше слушать эти бредни. Ганс, — рявкнула уже на своего сопровождающего, — бери вещи и неси в номер, живо! И чтобы никаких окон, никаких горничных и никаких соседей!

Проводив вздорную певицу взглядом, я поинтересовался насчет комнаты. Увидав деньги, хозяин выдал мне ключ и многозначительно кивнул вслед Тайре:

— Слышали, о чем просила? Вы госпожу певицу тут не видели.

— Нам до нее дела нет, — успокоил его я.

Полночи мы не спали — раздумывали, как отыскать нашего мятежника. Здание Совета — неприступная крепость, в него не попасть человеку с улицы, а Управители почти не покидают его без причины и без охраны. Некоторые из них и без охраны стоят целой армией. Какие у нас шансы?

Меня терзали сомнения, но я не стал делиться ими с друзьями, стараясь настроиться на позитив. Мы обязательно что-нибудь придумаем. К тому же команда у нас подобралась тоже не слабая, а главное, нацеленная на результат.

В течение полуночного мозгового штурма, который мы удачно совместили с поглощением еды, прозвучали разные предложения. Адька уверял, что надо прийти в Совет и прямо объявить о заговоре. Люта скромно предложила пробраться в здание тайно. Выслушав их, Азия отрицательно помотала головой:

— Не выйдет. Нас туда никто и близко не подпустит. Вся внутренняя охрана подчиняется Кире, и его недаром называют Кира — Тысяча Глаз. Без его ведома в Совет не прошмыгнет и мышь.

— Как бы там ни было, абсолютно неприступных крепостей не бывает, должно быть и у Совета слабое место, — вступил в разговор я.

— Может и есть, только мне о нем неизвестно, — без особого воодушевления произнесла Азия. — Я никогда не была в здании совета. Новам в него вход запрещен. Максимум, что позволено — находиться во внутреннем дворе во время караула, когда в Совете устраивают праздничные приемы.

Приемы? Выходит, вход в заветное здание закрыт не всегда? Я просиял, почуяв надежду, которую Азия не разделила:

— Даже не думай об этом. Туда приглашают именитых жителей, богатых дельцов и Управителей из близлежащих домов. Простого путника и провинциального Умеющего там точно не ждут.

— Все равно — шанс. Придумаем что-нибудь...

Мысли о том, как пробраться в Совет, не покидали меня. Даже когда все уснули, я никак не мог успокоиться — все раздумывал, искал варианты, прокручивая в мозгах услышанное от Азии. Пока я таращился в глаза пучеглазого грязного единорога, изображенного на давно нестиранном гобелене, висящим напротив, остальные спали. Люта скрутилась калачиком на сплетенном из тростника кресле. Адька, пользуясь своей инвалидской привилегией, возлежал на единственной кровати, которая предательски скрипела, стоило ему пошевелиться во сне. Азия сидела на полу, скрестив ноги и закутавшись в крылья. Ее спина оставалась безупречно ровной, лицо напряженным, а глаза открытыми. То, что нова спит, можно было понять лишь по белой поволоке, затуманившей неподвижный взгляд.

Решив проветриться, я выбрался на хлипкий покосившийся балкон. Облокотившись на проржавевшие перила, взгляделся в лесную тьму по правую руку от меня. Среди черных деревьев там и тут вспыхивали вереницы блуждающих огней, фосфорическим светом горел хищный узор на широкой спине одинокого шкварника. То и дело из-за стволов появлялись какие-то тени, блуждали возле самой обочины, а потом бесследно растворялись в ночи.

Слева раздался голоса. По раздраженным высоким нотам я понял, что говорит Тайра. Она находилась через балкон в сторону и на этаж выше от меня.

— На редкость отвратительное местечко, Ганс. С отвратительным хозяином, отвратительным персоналом и отвратительными посетителями.

— Не злитесь, госпожа Тайра, — раздался усталый голос ее спутника. — Вы сами выбрали эту гостиницу. Я предлагал вам поехать в «Королевский улей».

— В «Кролевском улье» останавливается вся местная знать. И неместная тоже. Что будет, если меня увидят с таким лицом? Все скажут — прекрасная Тайра обзавелась жутким шрамом! Все утренние газетенки напишут об этом! Нет, Ганс, лучше неделю пожить в сарае, чем дать слухам о моем уродстве расползтись по округе.

— И что же, госпожа, вы отмените все свои выступления? — осторожно

поинтересовался Ганс.

— На этой неделе — да.

— А как же приглашение на прием в Совете? Неужели....

— Не говори мне об этом, Ганс. У меня сердце кровью обливается, но что поделать, бывают ситуации, когда необходимо сохранить лицо во всех смыслах. Снежок, дорогой, подойди сюда, — Тайра призывно щелкнула языком. — Милый мой песик. Мамочка так хотела взять тебя с собой на прием, но, похоже, тебе придется ждать следующего раза. Ганс, отнеси мои вещи местной прачке, да смотри, чтобы не испортила — заплати вдвое!

Дослушать диалог мне не удалось. Соседи предпочли продолжить разговор в комнате, но услышанного и так хватило с лихвой. Поспешно разбудив товарищей, я озвучил им моментально возникшую идею — пробраться в Совет под видом певицы Тайры.

— Люта, она похожа на тебя как две капли воды.

— Но у нее такая дорогая одежда, с моей не сравнится, — неуверенно произнесла девушка, оглядываясь на Азию и Адьку.

— Будет тебе одежда, — успокоил я.

— И собака.

— И собака будет! — еще не продумав эту часть плана до конца, я бросил взгляд на Умеющего.

— Не смотри на меня так, Жила, — занервничал тот. — Уж больно мне твой взгляд не нравится...

Несмотря на сомнения, общим решением команды мой план одобрили. Самым трудным оказалось уговорить Адьку сыграть роль королевского пуделя вздорной звезды, но общими силами мы все же смогли это сделать.

Платье для Люты добыли в пригостиничной прачечной, там же стащили наряд для меня — тот самый яркий костюм помощника Ганса. Чтобы перевоплотить Умеющего, усилий потребовалось гораздо больше — пришлось отправиться в ближайшую цирюльню и отвалить там круглую сумму.

Теперь бедолага Адька хромал рядом со мной, упакованный в белую паклю, и проклинал все на свете:

— Чтобы я еще раз на подобное согласился — да ни в жизни! И пропади пропадом все Артефакты, Управители, заговорщики, демоны и пудели с певицами.

— Ладно тебе, — урезонил его я, — это просто маскировка. Постарайся не обращать на нее внимания. Наша главная цель сейчас — пробраться в здание Совета, и мы это сделаем, чего бы то ни стоило!

Глава 9. Прием

На «дело» мы выдвинулись втроем: Люта, Адька и я. Азия тоже отправилась к зданию Совета, чтобы находиться рядом, пока мы будем пробираться внутрь.

На прием мы приехали на паромобиле, который, вместе с шофером, наняли недалеко от трущоб. Болтливый водитель всю дорогу пытался выяснить, что такая богатая и известная дама, как Тайра, забыла в трущобах. У тихой Люты в силу характера не получалось отшить его, поэтому пришлось вмешаться мне. Наверное, я рыкнул на водилу слишком грубо — как иначе объяснить тройную цену за услуги, которую он с нас содрал.

Здание Совета — грандиозная постройка в пару десятков этажей высилась в самом центре Изначального Дома. На трех уровнях ее окольцовывали подвесные тротуары, вереницы газовых шаров тянулись вдоль стен, освещая наружные паровые лифты. Стены величественного сооружения украшала лепнина и стилизованные изображения жутких тварей леса. В округлых нишах между окнами виднелись мраморные статуи нов, сжимающих в руках копыя и мечи. Внутри здания вела широкая лестница из белого камня. У ее подножья и в окружающем Совет саду стояли, сверкая начищенной броней, настоящие живые новы.

Перед зданием Совета сновали паромобили. На высоком крыльце и на лестничных ступенях толпились люди — гости, явившиеся на торжественный прием. Увидев их, я вздохнул спокойно. Мы с Лютой не выделялись из толпы — выглядели так же расфуфырено и ярко, как все остальные.

Проходя мимо нов, охраняющих лестницу, я хмуро взглянул на их оружие. Огромные мечи отражали блеск многочисленных огней. Да уж, если нас раскроют, шанса отбиться не будет и шанса сбежать похоже тоже.... Думать о плохом я не собирался, да и что толку — если мы уже здесь?

Следуя за пестрой толпой, мы вошли внутрь здания. Проследовав к ведущей из холла главной лестнице, поднялись на площадку с внутренними лифтами. На одном из них поднялись в большой зал, уже переполненный приглашенными.

Толпа людей здорово напрягала — с нами постоянно кто-то здоровался, раскланивался и пытался заговорить. Бедолага Умеющий со сломанной лапой, лежащей на перевязи из золотой ленты, которую ему заботливо изготовила Люта, бросал на окружающих затравленные и злобные взгляды. Хоть в этом и был плюс — желающих пообщаться сразу стало меньше, такое поведение выдавало ненужную фальшь.

— Ты королевский пудель, — незаметно шепнул я Адьке, — вот и веди себя по-королевски...

— Издеваешься, — сквозь зубы буркнул тот, — мне весь этот цирк с самого начала не понравился.

— Ладно тебе. Думай о еде, которую тебе сегодня предстоит попробовать, — посоветовал я.

— А что, здесь еще и кормят? — воспарял духом Умеющий.

— Я надеюсь.

Такой ответ Адьку немного воодушевил. Он перестал бычить на окружающих и принял вид невозмутимый и отрешенный. Люта, стоящая рядом с ним, почувствовала себя вполне бодро и дружелюбно улыбалась остальным гостям. Не знаю, как повела бы себя в таком случае настоящая Тайра, но гостей Совета такое поведение вполне устраивало. На меня вообще никто внимания не обращал — и слава богу.

Убедившись, что Люта и Адька удачно вписались в компанию приглашенных, я незаметно отошел от них и двинулся через зал, пытаюсь оценить обстановку и сосредоточиться на дальнейших действиях, алгоритм которых пока что представлял смутно. Пробраться в Совет оказалось вполне реально, но что теперь? Поиски врага надо с чего-то начать.

Пока остальные ели-пили, развлекая себя и других светской беседой, я пересек зал и оказался возле противоположной стены. Там, подсвеченные гирляндами газовых шаров, висели портреты шести Управителей Совета. Удачно. Пожалуй, мне следует выучить их в лицо. Я оглядел каждого. Интересно, кого следует подозревать в злодеяниях? Надо сказать,

ни один портрет особых симпатий у меня ни вызвал. Мрачные, хмурые лица, прямые холодные взгляды. Интересно, они правда такие, или эта напускная грозность — лишь видение художника? Кстати, а где Великий?

Статуя Пlegо нашлась чуть поодаль от портретов. Исполненный в белом мраморе, с венцом на голове и посохом в руке, он выглядел гораздо солиднее, чем в жизни. Я пригляделся — цвет головы мраморного Управителя несколько отличался от тела, а на шее виднелся тонкий срез. Все ясно, ухмыльнулся я про себя, со сменой Великих у статуи появлялась только новая голова, а тело оставалось прежним.

Люди позади меня зашумели. Я обернулся — толпа направилась ко входу в зал. Судя по восторженным возгласам, я понял, что явился кто-то из Управителей. Не ошибся. Протиснувшись через толпу, увидел, что пришли Фловеус и Лука. Да уж, этим художник точно польстил — оба невысокие пухлые с сединой в волосах. У смуглолицего Фловеуса на глазу круглый монокль, второй глаз близоруко щурится. Лука улыбается добродушно и перекидывает из одного угла губ в другой гнутую костяную трубку.

Я пристально глядел в лица Управителей, раздумывая и взвешивая все шансы того, что один из них причастен к заговору. Неожиданно в нос ударил запах протухшего корнеплода. Он был таким приторным и резким, что даже я, не обладая адькиным звериным чутьем, ощутил его. Скиталец находился где-то рядом. Точно он. Картошки, никакой — ни тухлой, ни свежей на этом пафосном пиру не присутствовало.

Я потянулся носом, отслеживая интенсивность вони и, постепенно пробравшись через толпу гостей Совета, обнаружил в конце зала его источник — человека в одежде привратника.

Я обернулся на Люту, которую разглядел невдалеке. Трудно поверить, но с ролью светской львицы она справилась на удивление успешно, даже не изменив себе. Она вела себя как всегда достаточно скромно и тихо, но это не смутило гостей, напротив, привлекло. Девушка стояла возле стола с закусками в окружении нескольких мужчин и женщин и слушала их разговор, иногда участвуя в нем короткими фразами и кивками.

— Посмотрите на нашу Тайру, — зашептались две дамочки, мимо которых я проходил, направляясь к замаскированному скитальцу, — сегодня она на удивление мила и приветлива, — сказала одна.

— И выглядит существенно моложе, — тут же добавила вторая.

Больше в их разговор я не вслушивался. Стараясь не привлечь лишнего внимания, приблизился к привратнику и, встав сбоку, чтобы не попасться ему на глаза, оглядел. По всему — человек, но картофельный смрад не оставляет сомнений — вражеский лазутчик. Хотя, в данной ситуации думать так не совсем честно, ведь на деле лазутчик — я, а серый скиталец — просто слуга одного из законных хозяев этого места.

Как бы то ни было, на данный момент мне оставалось одно. Ждать и наблюдать. Зацепившись взглядом за привратника, я прислонился спиной к массивному мраморному подоконнику. Люди вокруг будто не замечали моего присутствия, что несомненно играло на руку. Наконец получасовая слежка дала свои плоды: «овощ» кивнул кому-то вне поля моей видимости, вскоре к нему явился еще один привратник и сменил на посту у двери. Бегло осмотревшись, скиталец поспешил в противоположный конец зала, а я двинулся за ним.

Пробираясь через толпу гостей Совета, я чуть не потерял привратника из виду. Заметил в последний момент у выхода, ведущего, как оказалось, на лестницу, которая винтом уходила куда-то вниз.

Я пошел туда. За минуту до этого, проходя мимо Люты и Адьки, шепнул им, что если через полчаса не вернусь, они должны будут покинуть прием немедленно. Помрачнев, девушка молча кивнула...

Чем ниже уходили ступени, тем темнее становилось вокруг. На освещении тут явно сэкономили. Услышав, как из-за стены донесся лязг и скрип стальных тросов, понял, что параллельно с лестницей тянется шахта парового лифта. Витки лестницы позволяли мне следовать за «овощем» инкогнито. Постоянно оставаясь за поворотом, я держал темп, чтобы не перестать слышать шаги идущего впереди. Двигался он быстро, поэтому мне приходилось почти бежать.

Лестница закончилась неожиданно. Я вовремя остановился, чуть не вылетев к привратнику в открытую, но успел притормозить и принялся наблюдать за своей целью из-за угла. «Овощ» был виден мне отчетливо. С минуту он стоял в освещенном прямоугольнике выхода, а потом направился в небольшой светлый коридор, который прерывался очередной дверью. За ней находился еще один коридор, абсолютно темный и бесконечно-длинный, как кротовая нора.

Привратник уверенно шел вперед, а я снова неотрывно следовал за ним. Оказавшись в кромешной темноте, я был вынужден ориентироваться по звуку шагов и на всякий случай поотстал — кто знает, насколько хорошо наш Мистер Картошка ориентируется в темноте? Но, похоже, этот навык был развит у нас с ним примерно одинаково. Ничего не заподозрив, «овощ» дошел до конца перехода.

Во мраке прорезался световой квадрат выхода и вновь исчез, погрузив меня в непроглядную черноту. Добравшись до двери, я нащупал ручку и прислушался. С другой стороны было тихо. Интересно, привратник пошел дальше или, быть может, притаился и поджидает меня за углом? Стоило проверить. Без меча я чувствовал себя неудобно. Слава небесам, мой неизменный нож со мной, каким-то чудом его не отобрали на входе.

Я открыл дверь и резко отступил назад, давая затаившемуся врагу возможность показаться, но в тускло освещенном помещении меня, похоже, никто не ждал. Я двинулся вперед. Длинный темный зал освещали редкие газовые шары. Их света хватало только на то, чтобы вырвать у тьмы середину огромного помещения. Вдоль стен и под потолком густо клубился мрак.

Скиталец исчез, будто сквозь землю провалился. Отступив на границу света, я старательно прислушался, пытаюсь разобрать звук шагов, но вместо этого, услышал, а скорее почувствовал, как за спиной у меня что-то двинулось. Я медленно обернулся — из мрака блеснули толстые прутья решетки, потянуло гарью и отчетливым запахом металла. Потом в паре метров от земли зажглась пара белых огней. Воздух сотрясло раскатистое ворчание.

«Что за...» — я быстро отступил от таинственной решетки. Стараясь не выходить на свет, поспешно двинулся дальше. Ряд скрытых темнотой клеток тянулся до самого конца длинного коридора. Также как и в первой, в некоторых из них при моем приближении загорались бледные глаза, и слышалась возня. «Что за тварей держат в этом подвале?» — подумал я про себя, сверля взглядом непроглядную темноту.

Дойдя до дальней стены, я разглядел выход — невысокую арку без двери, за ней виднелись ступени, ведущие наверх. Едва заметный сквозняк донес отчетливый запах — похоже, мой друг-корнеплод пошел туда.

Когда я осторожно, не желая налететь на засаду, двинулся в сторону арки, из клетки, последней в ряду, раздалось какое-то бормотание или ворчание. Сначала оно напоминало

звуки рассерженной кошки, но потом я услышал слова. Язык выглядел чужим — говорил некто, сидящий за решеткой во мраке. Когда бормотание стало громче, я вдруг понял, что слышу вовсе не «инострannую» речь — слова выглядели до боли знакомыми, но все буквы и слоги в них были перепутаны, как при дислексии.

— Стипыву немя, — разобрал я отчетливо — звучало это жутко, ведь, судя по интонации, странный некто обратился ко мне.

Я осторожно приблизился к решетке, взгляделся во мрак. Из него на меня уставились два горящих глаза.

— Немусти пыня, — снова раздалось из-за прутьев, и я, выругавшись, отпрянул от них. Угли-глаза стремительно двинулись вперед. Через миг к стальной решетке припало лицо, страшное, мертвенно-белое, покрытое голубыми прожилками просвечивающих через кожу сосудов.

В тот же миг со стороны лестницы донеслись голоса и топот. Отпрянув от клетки со странным существом, я оказался на середине освещенной полосы, на самом виду, как назло. Со стороны арки ко мне спешили трое вооруженных людей в форме местных гвардейцев. Судя по серому цвету, люди эти служили управителю Ольвиону. Я попытался отступить ко входу, через который сюда проник, но оттуда навстречу мне уже спешила еще одна партия воинов. Человек пять. Меня быстро взяли в полукольцо и оттеснили к решеткам. Выставив перед собой нож, я прекрасно понимал, что шансов нет, но в то же время догадывался, что нужен противникам живым. В ином случае, со мной бы разобрались быстрее. Почуввав характерный запах, я понял, что среди воинов присутствуют преобразованные скитальцы. Оглядев всю восьмерку, быстро вычислил их. Теперь отличил даже внешне. Глаза подделок почти не блестели, казались матовыми и мутными. Кожа было бледной и неестественно гладкой, как у кукол.

Направив на меня короткие пики, гвардейцы замерли, ожидая чего-то. Это что-то не заставило себя ждать. Следом за двумя огромными телохранителями из арки вышел Управитель Ольвион. Вот кто-кто, а он почти не отличался от своего портретного изображения. Тяжелый взгляд, нахмуренные брови, не предвещающее ничего хорошего выражение лица. Горло обвивает сизый шрам, видимо когда-то Управителя пытались задушить. Два его тролля-охранника были затянуты в кожаную броню, носили за спиной арбалеты, а на поясе по паре здоровенных тесаков.

— Что ты здесь делал? — обратился ко мне Ольвион.

— Случайно заблудился, — ответил, без тени сомнения, раздумывая, тем временем, смогу ли одним быстрым рывком прорвать кольцо охраны и приставить нож к горлу Управителя. Гвардейцы, конечно, не слишком впечатляли, но гориллы-телохранители отрицали всякую мысль о подобном захвате.

— Так уж и случайно? — Ольвион задумчиво покрутил тонкий черный ус.

— Случайно, — упрямо повторил я.

— Не ври — это бесполезно. Ты ведь один из приспешников Дрейка?

Дрейка? Первый раз слышу это имя. Ну да неважно. Главное, чтобы не вспомнили, что я пришел вместе с Лютой и Адькой. Полчаса ведь еще не прошло, и друзья до сих пор находились в здании Совета. Дрейк, так Дрейк. Я кивнул.

— Я так и понял, — бледное лицо Ольвиона исказила гримаса, отдаленно напоминающая улыбку. — Этот выскочка Дрейк опять пытается пронюхать о моих делах? Глупец. Как мне надоели эти разбойники, или как вы там себя называете? Кажется,

повстанцы?

Я вновь кивнул, догадываясь, что записался в невольные союзники к кому-то, кто, видимо, подобно нам открыл охоту на мятежного Управителя. Что ж, личность врага я выяснил, теперь дело за малым — отбиться от охраны и выбраться из этого подвала на свободу. Значит, действовать нужно быстро...

Стараясь не двигать глазами, я боковым зрением оглядел окруживших меня врагов. Сразу отметил одного, который стоял ко мне ближе других. Заслушавшись Управителя, он приоткрыл рот и расслабил руки, отчего короткая пика, направленная на меня, заметно пригнулась к полу. Итак, начнем! Я сделал стремительный рывок, и, ухватив оружие перед самым острием, вырвал его из рук гвардейца. Остальные противники тут же проснулись, и поспешили прижать меня к прутьям одной из клеток. Я выставил оружие перед собой, готовясь дать им достойный отпор.

— Полегче там. Он нужен мне живым, — прикрикнул на своих Ольвион. — Расскажет про планы своего главаря и его поделщиков.

— Не дожدهшься, — прорычал я в ответ, слыша за спиной знакомое бормотание.

— Расскажешь, — сложив на груди руки ухмыльнулся Управитель, — под пытками все рассказывают.

Только пыток мне еще не хватало. Я вжался спиной в прутья. Покрепче перехватил пику. Один, против десяти — это слишком. Слишком при любом раскладе...

— Агрыч, — раздалось за спиной над самым ухом, — агрыч, агрыч, агрыч...

«Рычаг?» — разобрал я. Взглянул на стену возле арки, там и вправду находилось несколько рычагов. Далековато. Вряд ли успею пробиться туда прежде, чем противники сообразят, что я задумал. Да и зачем мне этот рычаг?

— Агрыч, — тут же повторил неизвестный узник, и в голосе его почувствовались раздражение и злоба. В ту же секунду через решетку протянулся длинный гибкий щуп с костяным когтем на конце. Он подцепил одного из гвардейцев и швырнул его под ноги к остальным. Ясно. Жуткий пленник решил навязаться мне в союзники. Ну, ладно, выбор у меня невелик...

Воспользовавшись возникшим замешательством, я бросился к рычагам. Один из телохранителей Ольвиона шагнул наперерез, но я нырнул ему под ноги и, проскользнув боком по полу, выскочил за спиной.

Два ряда рычагов повторяли расположение стоящих у стен клеток. Я дернул левый верхний. За спиной раздался гулкий звук уезжающей вверх решетки. Обернулся. Остальные тоже уставились на черную дыру ведущую в пустоту.

Сначала ничего не происходило. Но я видел, как напряглись и потянулись за арбалетами громилы Ольвиона, а сам Управитель неуверенно попятился спиной и закричал на своих:

— Чего стоите! Опустите решетку назад, быстрее!

Один из гвардейцев двинулся ко мне, но не успел сделать и шага. Из клетки вырвалось нечто. Тело невероятного существа отдаленно напоминало тело кошки, и было покрыто длинной шерстью. Там и тут на черной, как ночь, шкуре виднелись проплешины, на которых, вместо волос, проступала вросшая в шкуру зеркальная броня. Длинный щуп оказался хвостом, который существо то свивало змеиными кольцами, то хлестало о собственные бока. Из густой гривы, окутывающей голову и шею, выглядывало бледное лицо, которое я уже видел однажды...

— Стреляйте в него, быстрее! Загоните обратно! — истошно заорал Ольвион, толкая в спины телохранителей.

Дважды щелкнула тетива, но болты ушли в пустоту. Зверь резво отскочил вбок. Стегнув хвостом преградившего ему путь гвардейца, он заметался из стороны в сторону, шипя и рыча. Снова защелкали арбалеты — один из болтов отскочил от брони, а другой воткнулся неведомой твари под ребро. Монстр свирепо рыкнул, и стремительным прыжком подскочил к Управителю. Оба телохранителя схватились за мечи.

Я бросил взгляд на арку — оттуда потоком повалили новые воины Ольвиона. Услышав шум, они ринулись на помощь Управителю. Пятеро гвардейцев с длинными секирами поперли на монстра и принялись теснить его назад в клетку, а трое вновьприбывших стрелков моментально утыкали болтами. Теперь моему новому союзнику пришлось несладко. Нужно было что-то предпринять, и я, недолго думая, опустил остальные рычаги.

Увидев, как открылись новые клетки, Ольвион изменился в лице и, крикнув что-то охранникам, поспешил к спасительной арке. Но добежать до нее он не успел... Из открытых клеток на свет выбрались здоровенные твари. Видом своим они напоминали рогатых львов с голыми чешуйчатыми хвостами. Животными эти твари были только наполовину: их могучие тела соединялись с деталями механизмов. Над косматыми загривками поднимались паровые поршни, дающие усиления мощным лапам, под гладкими шкурами мерцали провода усилителей. Голову и грудь закрывали пластины стальной брони.

— Черт! Химеры на свободе! Берегитесь, господин Ольвион! — истошно завопил один из гвардейцев, но было уже поздно. Первое выбравшееся наружу чудище прыгнуло, вытянув вперед вооруженные огромными когтями лапы. Ухватив Управителя зубами, оно подкинуло его вверх и перекусило пополам. Второй монстр с разбега налетел на моего косноязычного собеседника и, подцепив его рогами под брюхо, швырнул о стену. Черного зверя спасла зеркальная броня. Не будь ее, химера распорола бы ему живот...

Другая химера, выпуская клубы пара из торчащих над загривком труб, все еще терзала Управителя. Остальные взялись за его охрану. Я бросил взгляд на черного «сфинкса». Он медленно поднялся и теперь находился совсем рядом со мной.

— Эй, ты, надо убираться отсюда! — крикнул я зверю, понимая, что прорываться по одиночке будет сложно, а вот если вдвоем, то кое-какой шанс имеется. Не оборачиваясь, «сфинкс» чуть заметно кивнул, подступил ко мне поближе, согнул лапы, позволив запрыгнуть ему на загривок.

Я ухватился свободной рукой за пряди черной гривы, упер колени в выступы вращенной в кожу брони, понимая, что сию не на коне, и предстоящая скачка будет не из легких. Перехватил поудобнее копьё, слабо представляя, как буду им действовать, находясь в седле. Хоть наездником я был вполне сносным, сражаться в седле мне не приходилось, и лошадь я привык использовать исключительно в качестве транспорта.

Вокруг тем временем драка шла полным ходом. Оставшиеся в живых гвардейцы встали плечом к плечу и, оцетинившись частоколом копий, отступили к спасительной арке. Перекоренное тело Ольвиона в неестественной позе валялось возле прутьев крайней клетки. Выжить после полученной трепки он точно не мог...

Про нас словно бы все и вовсе забыли. Пользуясь этим, «сфинкс» принялся пробираться к дальнему выходу, через который в этот подвал попал я. Стоило ему сделать несколько бесшумных шагов, одна из химер обернулась и грозно пригнув голову, потрусил в нашу сторону. Мой «конь» вздрогнул всей своей черной шкуры и собрался рвануть бегом.

— Погоди секунду, — крикнул ему я и поднял оружие.

Оценив голову и грудь химеры, покрытую крепкими на вид пластинами защитной брони, решил, что рисковать и тратить свой единственный шанс на атаку туда не буду. Прицелившись, метнул копьё в лапу твари. Оно ушло под коленку, и запуталось в остальных конечностях, заставив химеру рухнуть на бок.

Когда противник оказался на полу, «сфинкс» расценил это, как фору, и со всех ног припустил на выход из подвала. Теперь обе моих руки были свободны, и я мог крепко держаться на дергающейся при прыжках спине. Да уж, скакать галопом на кошачьем родственнике, пусть даже таком здоровом, весьма проблематично. Так, стоп! Кошачий родственник?! Не тот ли это родственник, о котором заходил разговор в «дядюшке Филиасе»? От неожиданной догадки меня прошиб холодный пот. Неужели эта странная болтливая зверюга — легендарный Воин Пути.... Вот, черт!

Миновав длинный «кротовый» коридор, Перепадаль, если это действительно был он, свернул в какое-то просторное помещение, заваленное мешками с неизвестным содержимым и деталями каких-то проржавевших насквозь механизмов.

— Куда ты бежишь? — поинтересовался я, слыша, как черный зверь шумно принохивается, втягивая человеческим носом затхлый воняющий плесенью воздух.

— Бо свонаду! — прозвучало в ответ. «На свободу», значит. Что ж, моего случайного подельника можно понять, никому не охота прозябать в темном подземелье в компании озлобленных химер. — Ча ласнано дон амна чтое-ко тинай!

— Найти кое-что? — переспросил я, получив в ответ короткий кивок. В голове снова закрутились воспоминания последних разговоров о Воинах Пути. Перепадаль — его ловил еще наш «друг» Клиффорд. И старался он не для себя любимого, а для неизвестного (тогда) Управителя-мятежника, которому теперь, похоже, светит только земля, которая пухом... Похоже, в ловле Перепадала заговорщики преуспели, но вот отыскать с его помощью Артефакт пока не смогли.

Глава 10. Удар Киры

Перепадаль остановился около кучи металлолома, в которой можно было разобрать остатки поломанных доспехов, куски стальной арматуры, ржавые шестеренки и полуистлевшие, рассыпающиеся прахом железные листы. Он присел на задние ноги и потряхнул шкурой, сбрасывая меня на землю.

— Кайпо! — приказал коротко.

Я непонимающе пожал плечами:

— Чего?

Зверь, сообразив, что смысла слова я не разобрал, скрипнул зубами и сердито фыркнул. Он мучительно скривил лицо, корча невнятные рожи, старательно задвигал нижней челюстью. Наконец его труды увенчались успехом, и он медленно с остановкой произнес:

— Ко-пай.

— Не успею, — нахмурился я, расслышав быстро приближающиеся шаги.

Похоже, преследователи были уже в «кротовом» коридоре. Им хватит пары минут, чтобы обнаружить нас.

— Покай! — снова потребовал Перепадаль и угрожающе зашипел, оглядываясь на оставленный за спиной проход.

Что есть силы я принялся разгребать железный хлам. Полетели в стороны ржавые трубы, обломки мечей и пробитые пластины чьего-то бывшего нагрудника. Наткнувшись на длинный отрезок старой лестницы, я потянул за него и обрушил всю кучу с оглушительным грохотом. Зазвенели разлетевшиеся в стороны ведра без дна, словно мяч запрыгал по каменному полу дырявый круглый шлем. У открывшегося основания этой металлоломной горы я увидел несколько черных камней, с виду совершенно обычных — миллиардами точно таких же вымощены все дороги вокруг.

Оттолкнув меня в сторону, черный зверь подгреб к себе находку передней лапой.

— Сюда! Здесь кто-то есть! — раздалось из прохода. Да уж, порожденный моими раскопками погром не услышать было сложно, а вернее — просто нереально.

— Ну, долго еще тут возиться собираешься? — окликнул я Перепадаля, который сосредоточенно разглядывал лежащие перед ним камни. На мой вопрос он не ответил, раздраженно фыркнул, а потом, выбрав наугад один из камней, подкатил его к моим ногам.

Я себя ждать не заставил, быстро подобрал предложенное и сунул в карман штанов. Камень оказался на удивление легким, почти невесомым, а еще на удивление горячим, как будто живым.

— Они здесь! Сюда! Стрелки — взять их на мушку! Ловцы — петли, цепи готовим! Ловите сбежавшую тварь и говнюка, что уселся ей на спину!

Ну все, приплыли. Я нервно сглотнул, увидав, как в нашу сторону движутся два десятка воинов. Причем половина из них — не в серой форме Ольвиона, а в черной — значит, на охоту вышел тысячеглазый Управитель Кира. Давно пора! Это ведь его дело — следить за безопасностью в Совете. Только мне от такого вмешательства не легче, а даже совсем наоборот! И вообще, драться с толпой бесполезно, значит, надо сваливать. Срочно и быстро!

Под натиском наступающих скопом гвардейцев, я попятился, путаясь ногами в собственноручно разворошенном хламе.

Перепадаля, увидав врагов, злобно заворчал и угрожающе хлестнул хвостом. Острый костяной крюк ловко подцепил одного из воинов. Крутанув бедолагу в воздухе, черный зверь швырнул его в остальных. Потом прыгнул, смяв под собой троих противников, разбросал их в стороны, размахивая лапами и хвостом, принялся прокладывать себе дорогу к выходу.

Обо мне, похоже, забыли и я, стараясь не привлекать внимания, стал отступать вглубь помещения, туда, где в сене виднелся узкий вытянутый прямоугольник еще одного прохода.

— Этого тоже держи! — прокричал один из гвардейцев и кинулся в мою сторону, выставив перед собой меч.

Нож, мое единственное на тот момент оружие, быстро оказался в ладони. Да уж, против меча не лучший вариант, но хотя бы что-то. Я не успел встретить врага, седьмым чувством почуял, а потом, уже падая на пол и откатываясь в сторону, увидел пущенный в мою сторону болт. Арбалет дал осечку: тетива лопнула — полет снаряда получился слабым и недалеким. Болт горестно звякнул о камни и, дребезжа, проехался по полу.

Тем временем Перепадаля пробился к выходу и, отшвырнув мощной лапой зазевавшегося гвардейца Киры, скрылся в коридоре. Я тоже не заставил себя ждать — пулей понесся к противоположному проходу, сходу протиснулся в него и, оказавшись в темном длинном туннеле, двинул по нему вслепую. Наткнувшись на дверь, я отворил ее. За ней оказалось несколько складских помещений, отгороженных одно от другого решетчатыми дверьми. За ними был еще один длинный переход, в конце которого виднелся выход. Разглядев цветущий куст и фрагмент какого-то мраморного изваяния, я понял, что это выход

В сад.

«Неужели выбрался?» — подумал радостно. Окажусь снаружи, смешаюсь с толпой гостей, и дело сделано. Спасибо Перепадалю, ведь гвоздем программы сегодня был он, а не я. Его охранники ловили всем скопом, а на меня, похоже, махнули рукой — и это несказанно кстати. Но все же, расслабляться не следует, как говорится: «не говори «гоп», пока не...»...

За несколько шагов до выхода прямо передо мной вырастает темная фигура. Она будто материализуется из окружающего полумрака и сначала кажется огромной, но постепенно уменьшается, принимая вполне человеческие очертания. Я крепче сжимаю свой нож, бегло оглядываю возможного противника — оружия не вижу. Уже плюс — у меня есть хоть что-то.

Незнакомец стоит неподвижно, но когда мне остается несколько шагов, чтобы его достичь, он поднимает руку, щелкает пальцами. Громкий, какой-то костяной звук бьет по ушам, а глаза ослепляет резкая вспышка света — больше десятка газовых шаров зажигаются разом у потолка. Дергаюсь от неожиданности и, как назло, роняю нож.

Очень некстати. Ведь теперь я могу разглядеть этого встречного-поперечного. Вот так удача! «Удача», вернее. Мне хватает даже беглого взгляда, чтобы понять, кто передо мной. Черная одежда, черные волосы, на груди знак — двухголовая собака, окруженная кольцом из глаз. Кира.

Он стоит в нескольких метрах от меня, но вдруг делает стремительный рывок и оказывается практически вплотную. Я поспешно отступаю назад.

— Руки за голову и мордой в пол, — Управитель говорит спокойно, так, невзначай, словно доброго дня желает.

— Хрен тебе, — ворчу под нос, стараясь выглядеть как можно суровее и решительнее.

— Больше повторять не буду, — отвечает Кира, смотрит на меня, как на таракана, которого решил раздавить.

Отвечаю прямым взглядом, уже понимая, что драка неизбежна. Пытаюсь за секунды оценить обстановку и взвесить свои шансы. Оружия у него нет — значит, дерется врукопашную. Возможно, умеет колдовать, но сейчас, похоже, этого делать не собирается.

Ладно, врукопашную, так врукопашную, ее прелесть в том, что она практически уравнивает наши шансы. Управитель не слишком высок, ростом чуть выше меня, но его движения, резкие и четкие, выдают талант бойца, стремительного и сильного. Быстрый и жилистый, лучше бы был сильным и здоровым. По мне, так скорость противника гораздо опаснее его силы. В бою с неповоротливым силачом всегда найдется лишняя секунда, чтобы подумать и разыграть стратегию. Скоростной враг такого шанса не даст.

А вдобавок ко всему на нем броня. Тонкие пластины пришиты поверх одежды и закрывают все стратегические точки тела. Шарю глазами, будто сканером — есть! Броня блестит на голених и бедрах, но колени открыты. Похоже, не желая терять в скорости, гибкости и маневренности, Управитель от наколенников отказался.

Мне есть за что зацепиться. Старательно увожу взгляд, не желая выдать противнику свою цель. Ладно, начнем так: делаю ложный выпад, будто хочу подобрать нож. Видя, как Кира отслеживает его глазами, моментально меняю траекторию и наношу удар кулаком в челюсть, почти одновременно пускаю ногу, целясь в незащищенное колено противника. Если хотя бы один удар долетит до цели — мне повезет. Должно повезти. Обязательно должно.

Но не тут то было: я заметить не успеваю, как кулак Киры, подцепляет меня под дых и

вскидывает к потолку. Такого я не ожидал. Не просто и не только невероятная скорость, еще и сила, невероятная, нечеловеческая...

Удары сыплются на меня градом, и самое страшное, что я даже не могу коснуться земли. Это как в «Тэккене», когда умелый игрок поднимает противника в воздух и не дает встать на ноги до конца раунда.

Сделать ничего не могу — точки опоры нет, как в невесомости нахожусь. Я будто летаю на воздушных волнах, боли пока не чувствую, но она уже зародилась, готовая прорваться во всем теле разом, безжалостная и острая. Еще удар, тело сотрясает судорога, словно от разряда тока. Ощущение, будто меня опустили зимой в ледяную воду. Боль, наконец, прорвалась, но исказилась, став неузнаваемой и невнятной — защитная реакция тела, не желающего допустить болевой шок. Сознание мутнеет. Я понимаю, что если сейчас выключусь, то, скорее всего, не включусь уже никогда...

— Читер. Я тоже буду всегда за Хуаранга играть, — обижается Пашка и сердито отбрасывает джойстик в сторону.

— Да я любым персом тебя вынесу, так что можешь не дуться, — самодовольно отвечает ему Зорька. Его правда — он, помнится, ни раз побеждал на федеральных чемпионатах и даже пару раз катался на международные.

— С задротами играть — себя не уважать, — бухтит Пашка и лезет за пивом, — я лучше с Жилиным сыграю, он-то никогда особой любовью к игрушкам не отличался.

— Воздержусь, — отказываюсь я, потираю руку и морщусь. Следы зубов опухли и покраснели, болит даже кость — узнается укус лайки, быстрый и мощный, способный вмиг вырвать кусок мяса даже из толстокожего медведя...

Когда мелкий морозящий дождь перерос в ливень, мы оставили гостевой домик и перебазировались на второй этаж большого дома. Сели в зорькиной комнате и принялись играть в «Тэккен» на второй пээске — на улице лило как из ведра. Недожаренные шашлыки ожидали своей участи и того, кто согласится вымыть сковородку.

— Ты бы к хозяину сходил, объяснил чего и как, а то мало ли как твоя травма обернется, — посоветовал мне предусмотрительный Витек.

— Сходи, — тут же поддержал его Зорин.

Я хмуро кивнул. Правы они, конечно. Показать стоит и справку от бешенства спросить.

— Как его зовут-то, соседа? Напомни.

— Дмитрий Павлович. Он дедок странноватый, но не злой, — Сенька кивнул на окно. Там, из-за буйной зелени зоринского сада виднелась железная крыша и часть стены большого кирпичного дома. Дом этот был слишком стар для новостройки и слишком крут для старой дачи времен совка. Сам собой напросился вывод, что построил его в далекие времена дефицита и всеобщей уравниловки человек, имеющий не только деньги, но и связи.

Накинув чей-то рыбацкий плащ, одиноко висящий на гвозде в коридоре, я вышел на улицу. Пока прыгал по расквашенной грязной дороге, кроссовки наполнила водой. Оказавшись перед соседским домом, я медленно открыл калитку — собаки нет, наверное, Дмитрий Павлович — хороший хозяин и не выгнал ее на улицу в такую погоду. Минуя кусты мокрого крыжовника, прошел по тропе к дому, постучал в дверь и принялся ожидать на крыльце. Через некоторое время внутри раздался громкий лай, а потом звучали шаги.

— Кто там? — прозвучало из-за двери, шелкнул замок и звякнула цепочка.

— Здравствуйте, я с соседней дачи, — сказал я сразу, боясь, что зорькин сосед примет

меня за какого-нибудь коммивояжера и не станет разговаривать, — меня ваш пес покусал.

— Ох, ты. Сейчас...

Дверь открылась. На пороге стоял пожилой мужчина, не такой старый, как мне думалось сначала. Сказать честно, я думал увидеть какого-нибудь подвыпившего бородатого дедуна-охотника, но Дмитрий Павлович выглядел совершенно иначе. Аккуратно подстриженные и зачесанные на лысину седые волосы, очки в тонкой оправе, рубашка и серый жилет — совсем не дачная униформа. «Профессор» — мелькнуло в голове, просто копия нашего декана Мережковского...

— Говорите, Юлий вас покусал? — Дмитрий Павлович недоверчиво оглядел меня с ног до головы, спустил очки на нос. — Как это вышло?

— Он на участок к Зориным зашел и с Анчаром подрался, я разнимал, вот и досталось.

— Понятно, — кивнул «профессор», судя по виду, его мало волновали мои проблемы, видимо, я оторвал его от какого-то важного дела, и он желал спровадить меня поскорее.

— Вот, — я показал ему руку. — Хотел у вас справку о прививках спросить. Не охота зазря уколы колоть.

— Справка есть, — отмахнулся Дмитрий Павлович и нервно взглянул на часы, — мне сейчас некогда вами заниматься, я ее найду и занесу позже.

— Ладно. До свиданья, — не стал настаивать я и, посильнее закутавшись в плащ, пошел к калитке.

Хотелось поскорее вернуться к своим, и скинуть с ног мокрые кроссы. Дождь, между тем, ливанул еще сильнее, сизое небо расчертили бледно-желтые вены молний. Я был уже на улице, когда за спиной вновь прозвучал голос зорькиного соседа:

— Эй, молодой человек, погодите!

Я обернулся. Из-за невысокого забора мне махал рукой Дмитрий Павлович. Подумав, что он все же решил отдать мне справку сразу, я вернулся.

— Простите, что поступил с вами так негостеприимно, — натянуто улыбнувшись, заявил мне «профессор». — Просто на сегодня я запланировал одно неотложное дело, очень срочное и важное.

Небо вновь перечеркнула молния. Длинная, разветвляющаяся угловатыми отростками лента, совершенно бесшумная. Вот она — мечта Теслы, несокрушимая природная сила, способная надвое разорвать небеса.

— Я вас не торопил, — сказал я, не сообразив, к чему идет разговор.

— Ваша рука. Она не в лучшем состоянии, но я могу обработать ее и наложить пару швов, в качестве компенсации, так сказать.

— Ладно, не помешает.

Я двинулся вслед за «профессором» к его дому, вошел. Оказавшись в светлом, чистом коридоре замялся, стоя на половике — от кроссовок в стороны потекли грязные ручьи.

— Разувайтесь. Вот тапки. Плащ повесьте в прихожей. Проходите, не стесняйтесь, — пригласил Дмитрий Павлович, дождавшись, пока я выполню предыдущие его инструкции. — Разулись? Тогда — за мной.

Внутри соседский дом оказался гораздо больше, чем казался снаружи. Из прихожей, следуя за хозяином, я попал в длинный коридор. Вдоль одной его стены шел высокий стеллаж, на другой виднелась череда запертых дверей. До самого потолка полки стеллажа были уставлены книгами, фотографиями, грамотами в золотых рамках. Над дверьми висели старинные картины и коллекционное холодное оружие. Я остановился, разглядывая клинки,

среди которых были даже огромный эспадон и индийская пата.

— Нравится? — с гордостью поинтересовался хозяин всего этого великолепия.

— Впечатляет, — честно признался я.

— Ценитель? — в голосе старика прозвучала ирония, но я сделал вид, что не заметил ее.

— Немного разбираюсь....

...Когда я был в седьмом классе, мои родители развелись. Отец ушел в другую семью, мать сначала запила, а потом ударилась в религию, потеряв всякий интерес к моей скромной персоне. Тогда, видимо волею судьбы, я решил найти себе занятие, в которое можно уйти с головой, спрятавшись от всех проблем, а заодно и выплеснуть накопившуюся обиду и злость. Так я попал в секцию кикбоксинга, где, спустя пару лет тренировок, меня присмотрел вербовщик и пристроил на подпольные бои для малолеток. В них я неплохо преуспел, нокрыленный чередой побед, не справился с чувством собственного величия. Здравый смысл подсказывал мне, что отправляться в поисках новых побед в Тайланд, на родину муай тая, не лучшая перспектива, но остановить меня не смог даже собственный рассудок. Что говорить дальше? Получив как следует от первого же тайца, я провалялся несколько недель в состоянии фарша, и на этом моя боевая карьера была закончена...

Потом в нашей семье появился отчим. Сначала я опасался его, и немудрено — огромный бородатый мужик, насквозь пропахший псиной и сигаретами. Дядя Гриша. Он работал егерем, жил за городом и имел собственное охотничье хозяйство. Его дом, стоящий в лесу, походил на обитель толкиеновского Беорна — там жили лошади, куры, козы и собаки. Приехав к отчиму впервые и увидав это все, я дар речи потерял. Еще больше удивился, когда обнаружил во дворе странных товарищей, одетых в средневековые доспехи. Оказалось, дядя Гриша выделил часть земли под полигон ролевикам и реконам. Я повадился ходить туда и наблюдать за тренировками мечников, и однажды ребята предложили мне попробовать. Понравилось. Не скажу, что я взялся за это занятие с прежним фанатизмом, где-то глубоко в душе остался опыт пережитой неудачи, но все же, тренировки пошли мне на пользу. Я обрел новых друзей, новое хобби и новую жизнь, в которой у меня снова были семья и дом...

...За коридором начиналась лестница, по которой мы поднялись на второй этаж и оказались в просторном помещении, похожем на кабинет врача.

— Садитесь, — Дмитрий Павлович кивнул мне на кресло, сам присел на стул рядом, опустив ниже на нос очки, внимательно осмотрел рану. — Да, дела. Сейчас я ее обработаю, — он взял пинцет, подцепил им кусок марли и окунул в стоящий на столе антисептик. — Юлий, негодник, как распорол! Я вам скажу, молодой человек, что такую рану следовало бы зашить.

— Пожалуй, — кивнул я, глядя, как сосед достает из стола согнутую дугой иголку.

— В обморок не упадете?

— Да нет, что вы, — улыбнулся я, — не первый раз шьюсь.

— Я так понял, что вам понравилась моя коллекция оружия?

— Впечатлило, — кивнул я, отслеживая взглядом, как Дмитрий Павлович поднимается и медленно направляется к большому белому шкафу, стоящему в углу комнаты.

— Тогда, в качестве небольшой компенсации за доставленные неудобства, могу я подарить вам вот это? — старик достал что-то с полки, положил на стол. Это был нож. — Не коллекционная вещь, конечно, но, поверьте, стоящая.

— Спасибо, я с удовольствием возьму ваш подарок, — воодушевленно поблагодарил я...

...И очнулся в полете. Пол появился резко, неожиданно, откуда-то сбоку и приложил меня со всей дури. Боль разлилась по телу, тупая, вязкая. Хуже всего, что голова перестала соображать, и оптический механизм в глазах расстроился так, что изображение начало трюиться и плавать. Каким-то чудом я заставил себя подняться и встретить врага парой точных тычков в корпус. К моей неудаче доспехи Киры держали удар хорошо. Единственное — он пошатнулся и отступил назад, открывшись для моей ноги. По старой памяти я врезал ему в солнце коленом, пригнул и дал по шее с локтя. На этом мое мимолетное преимущество закончилось. Управитель подцепил меня кулаком под челюсть, в полете перехватил пальцами за глотку и, добавив мощности силе притяжения, обрушил с высоты на пол.

Распластавшись спиной на камнях, встать на ноги я уже не мог. Да и какое там! На меня обрушился очередной град ударов. Не желая вновь расставаться с надежной землей, я закрыл руками голову, а коленом живот — хоть какое-то спасение. Надо сказать, в этот раз Кира не слишком усердствовал. Бил с пренебрежением, специально тормозя удар, чтобы я мог вдоволь им налюбоваться, рассмотреть всю красоту отточенных, ленивых движений.

Получив по голове, я инстинктивно откатился в сторону, затих, пытаюсь справиться с покореженной вестибуляркой. Кира медленно подошел, присел рядом, ухватил меня за волосы и развернул лицом к себе:

— Ты кто такой и какого демона тут творишь? Я же сказал тебе сразу — мордой в пол. И вот — ты лежишь. Зачем рыпался, а? — он посмотрел мне в глаза с нескрываемой брезгливостью. — Такие, как ты, должны слушаться с первого слова и выполнять команды, словно псы...

— С какого... — прохрипел я в ответ, судорожно пытаюсь собрать зрение в кучу и направить взгляд в глаза врагу.

— С такого, что ты — грязь под ногами, червяк, мышь. Я могу вогнать тебя под землю, а могу вознести к небесам, — он сжал перед моим носом кулак свободной руки с красноречивым хрустом. — Зачем сопротивляешься?

— Затем, что... сдаваться... не в моих правилах! — в конце фразы я добавил еще кое-что, не слишком приятное. Сказал тихо, но Кира, видимо, расслышал и, злобно прищурившись склонился ниже:

— Что сказал? — страшный взгляд, многообещающий, не сулящий ничего хорошего, кроме бездны будущей боли.

— Что слышал... — повторил я тише, заставляя Управителя опустить лицо еще ниже.

Это мой шанс, единственный, последний. Не победить, конечно, но хотя бы что-то сделать напоследок. Длинные удары Киры требуют размаха, разгона. Управитель хлещет конечностями, как хлыстом. Удар зарождается на концах пальцев ног и потом через все тело идет в кулак, то же с ногами. Значит, нужно лишить его возможности размахнуться...

Рывок и — щелк! Хватаю Киру зубами за морду, примерно в районе скулы. «Удар гиены, — шепчет из головы чей-то призрачный голос. — Гиена может убить человека одним точным укусом в лицо, заставив жертву умереть от болевого шока. Не для героев, конечно, приемчик, но если выхода нет, то сойдет и это»... На миг в памяти возникает темный зал, молотящие по грушам размытые фигуры, запах пота и искусственной кожи. Потом все исчезает.

Кира пытается сбросить меня, но я висну на нем, не давая размахнуться и ударить. Он рычит и мотает головой, прописывает мне по бокам несколько коротких тычков, потом упирает руки мне в живот и в горло и выталкивает в сторону. Я отлетаю на пару метров,

падаю на пол с куском человеческой щеки, намертво зажатым в зубах. Обливаясь кровью, Управитель идут в мою сторону, похоже, больше разговаривать он не собирается....

Неожиданно из-за спины Киры вылетает какой-то небольшой предмет, падает на пол между нами и лопается с оглушающим звуком. Через секунду все пространство заполняет ярко-оранжевый густой дым. И самое страшное, что дым этот невыносимо воняет. Я закашливаюсь, давлюсь рвотными позывами и жмурюсь от адской рези в глазах. Где-то рядом кашляет и ругается Кира, а потом кто-то или что-то хватает меня за ноги и волочет к выходу.

Глава 11. Повстанцы

— Надо же было додуматься до такого! Бросить в Киру бомбу-вонючку! Ты просто гений, Бри, слов нет, — из темноты раздался глухой бас.

— А как с ним еще справишься, Барни? Я же не идиот, чтобы напасть на него и открытую?

— А этот, похоже, идиот...

Справа от меня прозвучал тихий смех. Я открыл глаза и первое, что увидел, это земля, которая мерно раскачивалась в такт чьим-то шагам. Чуть повернул голову — вокруг подрагивала густая дымка тумана, топила в себе путь. Там и тут из этой молочно-белой мглы тянулись к дороге корявые щупальца окрестных деревьев. Меня, вскинув на плечи словно барана, нес здоровенный дядька.

— Смотри-ка, ожил наш смертничек, — великан остановился. Его спутник приблизился и заглянул мне в лицо:

— Эй, парень, ты как?

— Хреново, — честно признался я, сплевывая в пыль кровавый ком, и пристально разглядывая невысокого ушастого парнишку в зеленом капюшоне. — Где я?

— Ты на пути к нашему предводителю, — пафосно заявил мой собеседник. — Уверен, он наградит тебя за храбрость.

— Чего? — не понял я, вскинулся и тут же зашипел от пронизавшей тело боли. — Черт!

— У-у-у, бедолага! Похоже Тысячеглазый отшиб тебе память, ну, ничего, явимся в Яр, и наши лекари над тобой поколдуют...

— Да погоди ты, — я оборвал его пылкую речь на полужеле, — башка у меня, конечно, пострадала, но не окончательно. Какой предводитель? Какой Яр?

— Так, Бри, что-то мы с тобой напутали, — с сомнением пробасил здоровяк и свалил меня на землю. — Ты уверен, что это наш шпион?

— Эй, — ушастый присел около меня и комично нахмурил брови, — ты ведь один из шпионов нашего Дрейка?

— Типа того, — просипел я сквозь зубы, решив не посвящать своих новых знакомых в тонкости моего нахождения на приеме Совета. Я не знал, кто такой этот Дрейк, но был уверен — сейчас мне просто необходимо с ним встретиться.

— Поднимай его, Барни, не видишь, парню плохо. И научись уже доверять людям.

— Ладно тебе, Бри, — обиженно вздохнул гигант, скидывая меня на спину и заставляя сжать зубы от новой боли. — В нашем деле осторожность лишней не бывает, сам понимаешь...

Секретная дорога, почти незаметная и поэтому безопасная, привела нас к небольшому Дому. Настолько небольшому, что на его площади смогло уместиться лишь одно укрытие, а ветви буйно разросшихся у границы деревьев почти смыкались над ним.

Здоровяк Барни внес меня внутрь и не слишком бережно свалил на деревянный пол. Первое, что я увидел — ноги, обутое в окованные стальными шипами сапоги. Поднял голову и встретился глазами с человеком, который присел на корточки рядом. Крючконосый, с черными лохмами торчащих в стороны волос, он походил на хищную птицу и смотрел на меня весьма недружелюбно:

— Где вы его взяли, парни? Я первый раз этого типа вижу, — поинтересовался он сиплым, простуженным голосом.

— В здании Совета нашли. Там из-за него такая буча поднялась! Мы как раз мимо охранников прокрались, чтобы с вашим шпионом встретиться. Подошли к черному входу, а там уже Тысячеглазый караулит! И тут этот крендель как полоумный из перехода выскакивает, видит Киру, и вместо того чтобы деру дать, лезет с ним в драку! — вдохновенно замахал руками Бри. — Мы с Барни так рты и пооткрывали. Редко дурака увидишь, который сам так рьяно на неприятности нарывается. Пока смотрели да стояли, Кира этого пару раз подкинул да о землю шмякнул. Ну, думаем мы с Барни, убил! Уже деру дать хотели, а этот очнулся, да Кире в дыхло коленом-то как засадит, а потом за морду его...

— Уймись, Бри, — «коршун» осадил ушастого грозным взглядом. — Эй, ты, говорить можешь?

— Могу, — пробурчал я и попытался сесть.

— Ты чего в Совете делал?

— Мое дело.

— Как же, твое! — тут же возмутился Бри. — Ты там своих дел наделал, а в Совете вся охрана на уши встала, и, между прочим, сразу наших принялась вылавливать. Еще и черный ход засветил. Раньше туда никто не ходил — можно было практически белым днем по нему в Совет лазать, а тут — сам Кира вдруг туда прискакал!

— Я на выход случайно наткнулся, — отрезал я и сурово глянул на назойливого ушана. — Так что вы его сами засветили.

— Ладно, к чему теперь выяснять? — примирительно развел руками «коршун». — Мое имя — Дрейк, я предводитель повстанческих сил Изначальных городов, и ты, раз уж за тобой охотилась в Совете, мне скорее союзник, нежели враг.

— А вдруг он засланный? — тут же встрял Бри.

— Поживем увидим, — Дрейк метнул на соратника черный взгляд. — Ты ведь сам его сюда притащил? Тебе за него и отвечать.

Такое обстоятельство дел не слишком обрадовало Бри, но, по крайней мере, он замолчал. Хотя в глазах ушастого паренька застыло вопросительное недоверие. Да, получить по шее за беспечность он явно не хотел. Разглядев сомнения подчиненного, Дрейк сменил гнев на милость и успокаивающе хлопнул того по плечу.

— Успокойся. Я не думаю, что ради правдоподобности Кира стал бы лично дубасить шпиона под прикрытием.

— Вот и я так подумал, — тут же встрепенулся Бри, — прямо сразу так и понял!

— А ты что скажешь? — «коршун» вновь прошил меня взглядом, но в этих внимательных птичьих глазах уже не было предыдущего недоверия.

Я рассказал все, как было, с того момента, как мы еще в Дури заподозрили Управителя

Клиффорда в похищении людей и сговоре с кем-то из Совета. Слушая меня, Дрейк кивал, дескать, они тоже об этой проблеме знают и борются с ней, как могут. И про то, что заговор учинил Управитель Ольвион, повстанцы тоже в курсе.

— Тогда у меня для вас радостная новость, — я собрался обнадежить новых союзников. — Управитель Ольвион мертв, значит, у заговорщиков больше нет поддержки в Совете...

— С чего ты взял? — без особой радости прервал мою речь предводитель повстанцев.

— Его на моих глазах растерзала одна из жутких тварюг, запертых в подземелье.

— Уверен? — уныло переспросил меня Бри.

— На все сто.

Я стоял на своем, потому что мог поклясться — Ольвион погиб в зубах озверевшей химеры — это точно, на сто процентов. Жаль, свидетелей побоища рядом нет, кроме... Про Перепадаля я никому рассказывать пока не собирался. И про камень, полученный от него, тоже.

Решив развеять мою уверенность, Дрейк наконец пояснил возникшие сомнения.

— Я верю, что ты видел, как химера убила Ольвиона. Потому что сам наблюдал его смерть уже не раз. Проблема в том, что у господина Управителя есть одна очень нехорошая черта — он способен оживать после смерти...

Я нахмурился, переваривая слова повстанца. Вот значит как. А я-то уж решил, что своим сумбурным везением на приеме в Совете умудрился вот так вот сходу избавить мир от опасности в лице коварных похитителей человеческих душ. Как же, как же...

— Все непросто, — угадав мои мысли, кивнул Дрейк, — здесь все очень непросто....

Так я остался в Яре на лечение, которое, меня, надо сказать, на тот момент заботило мало. Гораздо больше меня волновала судьба друзей. Забинтованный в мумию я ночь не спал, все думал, сумели ли Люта с Адькой выбраться незаметными из здания Совета, что делают сейчас, пока я тут овощем валяюсь?

Мое беспокойство ушло, лишь когда люди Дрейка отправились в тущобы и отыскивали там Адьку с Лютой, чуть не перепутав их с настоящими Тайрой и ее пуделем.

А Азия... тут возникли проблемы, потому что в Яр она заявила самолично, и там ее не ждали. Избежать кровопролития получилось чудом, мне пришлось долго убеждать Дрейка в том, что нова на нашей стороне, но он, как мне показалось, так в это до конца и не поверил.

Повстанцев можно было понять — у Совета везде имелись уши, а новы как-никак подчинялись Великому Управителю Плего. Однако в скором времени Азия сумела заслужить доверие Дрейка и остальных.

Из-за того, что Бри, Барни и, что уж теперь отпираться, я засветили «шпионский» вход в Совет перед Кирой, к Яру слишком близко начали подходить шпионы Ольвиона и бойцы Тысячеглазого. Теперь по ведущей из Дома дороге ходить нужно было весьма осторожно, а лучше не ходить вообще, но такого не получалось — скрывшимся в Яре повстанцам требовалась провизия.

Почувяв приближение опасности, осторожный Дрейк принял решение уйти из Яра и на время оставить вылазки в Совет. Он не желал рисковать товарищами и решил переждать, пока утихнет «шпионская» шумиха.

Но от охоты на шпионов и других несознательных граждан Совет отказываться не спешил. Теперь по всем дорогам, словно свора гончих, ищущих зайца, носились воины из

гвардии Управителя Гидры, а с этими типами встречаться лишней раз не хотел никто. Мне с друзьями повезло, что не наткнулись на них раньше. Эти головорезы не гнушались ничем и почти все носили звериные лики. Я неспроста назвал их «гончими» — это было вовсе не сравнение: гвардейцы-Умеющие перекидывались в охотничьих собак и ловко преследовали любую, даже самую изворотливую и скрытную добычу.

Несмотря на чутье и расторопность, пронюхать про новое убежище Дрейка они все же не смогли. И немудрено, ведь это самое новое убежище было запрятано так, что сами повстанцы умудрились заплутать, отыскивая его после очередной вылазки.

Мы шли туда небольшими группами, чтобы не толпиться и не привлекать лишнего внимания. Меня, Азию, Адьку и Люту сопровождал ушастый Бри. Всю дорогу он болтал и сыпал заскорузлыми шутками, над которыми от души хохотал только Адька. Люта тоже изредка хихикала, правда, явно из вежливости.

Всю дорогу нас окружал редкий лиственный лес. Тропа, присыпанная листьями и землей, еле проглядывала под ногами.

— Пришли, — резко остановился Бри, моментально посерьезнев, точно забыл, как секунду назад рассказывал увлекательную историю, как Барни в таверне наступил на хвост Умеющему-ищейке из гидровой гвардии.

— Там? — Адька удивленно поднял уши, и даже на лапу свою больную оперся, благо, стараниями целителей Дрейка, она почти выздоровела, и со дня на день Умеющий готовился принять свой человеческий вид.

Я тоже посмотрел.

— Прошу, — Бри склонился в шутливом поклоне, — гас-с-спада!

Серое четырехэтажное здание без архитектурных изысков стояло посреди леса. Спросите, как такое возможно? Я сам не поверил, увидав его впервые. Замер на дороге, не желая стать невозвращенцем: от меня до сооружения клубились, окутывая древесные стволы, серебряные, голубые, розовые и сизые волны ягеля. Под сенью осин и берез этот лишайник смотрелся странно — я быстро сообразил в чем дело. Присел у края тропы, подобрав предварительно валявшуюся на пути ветку, ковырнул пышную невесомую губку. Под ягелем отчетливо блеснул камень.

— Потайная дорога? — тут же поинтересовался я.

— Неа, — мотнул ушами Бри, и хитро прищурился.

— Карман? — додумалась Азия.

— Н-е-е-е, — довольно раздалось в ответ.

— Большой карман! — обрадовался Адька. — Точно вам говорю!

— Не совсем, — погрозил ему пальцем Бри, — но близко.

— Может быть, Дом? — еле слышно произнесла Люта и потупила взор, решив, похоже, что ляпнула глупость.

— Точно! — к нашему общему удивлению подмигнул девушке ушастый повстанец.

— Да какой Дом! — сердито буркнул Адька, буравя его взглядом. — С дуба рухнул?

Он отпихнул меня в сторону и, развернувшись задом к обочине, отшвырнул задней ногой жирный кусок лишайника. Я чуть со смеху не покатылся от этого зрелища. Умеющий вел себя, ну, чисто как пес, решивший показать другому псу, кто тут главный. Походу Люту к Бри приревновал.

— Какой Дом! — повторил он снова еще раздраженнее. — Все Дома на земле стоят, а тут камни дорожные!

— А вот и Дом, — победоносно ухмыльнулся Бри. — Самый настоящий — потайной искусственный Дом!

Да уж, подобного я не встречал никогда, и остальные, похоже, тоже. Даже Адька, признав поражение, уныло махнул хвостом:

— Ничего себе построечка. Сообразили же...

— Это еще дед Дрейка придумал, головастый был мужик, — радостно пояснил Бри.

— Дед, — с сомнением переспросил я, — хочешь сказать, что повстанцы существуют уже несколько поколений?

— Да не, — отмахнулся ушастый, — дед его не повстанцем был, а... впрочем, не важно.

— Договаривай, раз начал, — я посмотрел ему в глаза, заставив отвести взгляд.

— Не буду. Сам у предводителя спрашивай, если так интересно. Я за тебя отвечать не хочу...

Продолжать расспрос я не стал — если что-то серьезное и важное — лучше узнать это из первых уст.

Постепенно в искусственный Дом перебралась вся команда Дрейка. Четырехэтажная постройка-убежище оказалась маловата для такого количества людей, несмотря на то, что помещений и комнат в ней имелось немало. Неуклюжее на первый взгляд здание при ближайшем рассмотрении оказалось довольно прочным: толстые стены, маленькие окна с железными ставнями, обширный подвал, имеющий несколько потайных выходов ведущих в разных направлениях. Оглядев один из них внимательно, я поразился — под землю вел туннель из черного камня, выходящий на поверхность уже в виде тропы.

— Говорят, искусственный Дом построил твой дед? Эти ходы тоже он соорудил? — поинтересовался я у стоящего рядом Дрейка, решив получить разъяснение из первых уст.

— Да. Все это великолепие — остатки его трудов.

— Как ему удалось добыть дорожный камень?

— Он нашел потайную дорогу, ведущую к спрятанной в лесах машине Механиков, способной производить дорожные камни из земли.

Я ушам своим не поверил:

— Быть не может! Значит, для производства человеческие жертвы вовсе не обязательны? Значит, столько людей погибло зря? — от ярости я сжал кулаки. — Где же теперь эта машина?

— Дед хранил ее местонахождение в тайне, и после его смерти отыскать ее никто так и не смог.

— Твой дед был исследователем, ученым? — отрешенно поинтересовался я, мысль о том, что наличие этой самой мифической машины могло бы изменить все последние события, заполнила мозг.

— Нет, разбойником. И отец тоже, пока не стал Великим Управителем.

— Джонни Фосса, вернее, Плега — это твой отец? — мгновенно придя в себя, я удивленно уставился на Дрейка.

— Формально — да. Но я не считаю этого человека своей родней, после всего, что он натворил. Он предал своих людей, убил деда и теперь хочет добраться до меня. Не успокоится, пока не сделает это рано или поздно, я знаю...

— Да ты пессимист, как я погляжу. Он ведь отец тебе все-таки, может, одумается? — я попытался разрядить обстановку, но попытка эта успеха не возымела.

— Не одумается. Управитель Плего — одержимый, — зло прищурился Дрейк, вглядываясь в темный проем потайного хода, перед которым мы с ним стояли. — Есть кое-что в этом мире... оно поражает умы людей, делая их безумцами, одержимыми властью своих идей. Дед называл это чудовище Музой.

— Музой? — переспросил я, решив, что ослышался. Откуда-то из глубин памяти всплыли нарисованные на вазах плосколицые женщины, обмотанные белыми тряпками, с арфами, дудками и перьями в руках. И никаких чудовищ!

— Я был мальчишкой тогда. Дед рассказывал, что Муза — это монстр, бродящий по мирам и выбирающий себе в жертву людей, увлеченных идеями. Муза поработает, обращает их души во тьму, убивает, а мертвые тела натягивает на себя, будто маскарадные костюмы.

— Занятная, видимо зверюга. Выходит, ты видел ее воочию?

— Не видел и надеюсь не увидеть. Ее видел дед, в тот самый день, когда отец предал нас и переметнулся на сторону Совета. Тогда отец потребовал у деда, чтобы тот показал ему путь к чудесной машине, но дед отказался. И отец обезумел, он бросился на деда с мечом и нанес ему смертельный удар, а потом, обретя силу демона, перебил почти всех своих людей. Пока он безумствовал, трое самых близких соратников деда схватили его и меня и принесли в это тайное убежище. Отец о нем, слава небу, не знал. И вот тогда, умирая, дед рассказал мне о монстре, поработившем отца, приказал забыть о существовании машины Механиков и никогда не искать ее, а еще, велел остерегаться людей со шрамами.

Пока я рос, о Музе не было слышно — в Совете царила тишь да гладь. Но недавно все изменилось — на окраинах стали пропадать люди, а Управители Совета, во главе с Плего, дружно закрыли на все глаза. Тогда я твердо решил разобраться с этой дрянью, будь она чем угодно — демоном, монстром, иномирной заразой или нездоровой одержимостью моего папаши. Мои люди стали следить за Советом, а по округе поползли слухи о повстанцах, решивших бороться с похитителями человеческих душ. Но эти слухи быстро прекратились — Плего с его непогрешимой репутацией пресек их на корню, заявив, что все это, лишь происки разбойников. Он начал облавы, и его цепные псы — Кира и Гидра заставили нас отступить.

Когда шумиха поутихла, и папаша ушел с головой в свои политические дела, мы вновь начали действовать, но теперь уже аккуратнее и тише. К моему разочарованию, шпионские вылазки в Совет результатов не дали — мои люди исправно докладывали о том, что Плего не ведет никаких тайных дел и к похищениям людей отношения не имеет. Но люди-то пропадали! И тогда мы выяснили, что за похищениями стоит вовсе не Плего, а кое-кто другой. Управитель Ольвион — серая мышь Совета, вот уж на кого сложно было подумать. Попытки обличить его успехом не увенчались — хитрый негодяй все выворачивал в собственную пользу. Тогда мы решили убить его, но и тут вышла оплошность — Ольвион восстал после смерти, и тогда я понял, что Муза покинула моего отца и отыскала себе новую жертву.

— Ясно, — пробормотал я, но честно говоря, мне ни черта не было ясно, наоборот, в голове все смешалось, теперь там мельтешили веселой гурьбой Управители, разбойники, демоны, дорожные камни, Механики и плосколицые тетки с арфами.

Глава 12. Муза

С каждым днем вокруг убежища становилось все беспокойнее, и мы всеми силами

готовились к приближающемуся штурму. Ищейки Совета сновали совсем рядом, пару раз проходили по тропе мимо искусственного дома и не замечали нас лишь стараниями местного мага Рюнка, который умудрялся напустить в лес непроглядного тумана.

Однако Дрейк себя надеждами не тешил: если за дело взялся Управитель Гидра — рано или поздно его гвардейцы прорвутся сюда и тогда придется дать бой. Именно поэтому все дружно готовились к предстоящей стычке, кто как мог.

Я решил посвятить все свое время тренировкам, и с утра до ночи торчал на небольшом плацу, находящимся на заднем дворе здания. Народ в команде Дрейка подобрался вполне дружелюбный и щедрый — для меня быстро отыскали доспех — кожаную броню со стальными вставками и вполне сносный койф из темного металла. Дали меч и копье — в общем, подарками я остался доволен несказанно. В особенности после того, как избавился от ужасно неудобного наряда помощника Тайры, в котором чувствовал себя полным дураком.

Камень Пути, который решено было до поры до времени не показывать никому, я всюду таскал с собой. Пару раз, укрывшись от чужих глаз (а это, поверьте, было не самой легкой задачей) я изучал Артефакт. Ну, как изучал — вертел так и эдак перед глазами. В те моменты я живо напоминал себе ту самую пресловутую мартышку, что с очками, ведь никакой великой пользы от легендарной вещицы я так и не извлек...

Медик у Дрейка оказался отменный. Полумаг-полузناхарь, он пару минут поколдовал над адькиной лапой, а потом решительно кивнул — перекидывайся, мол. Умеющий посмотрел на старика с недоверием, но подчинился авторитету и, спустя нелюбезные трансформации, обернулся человеком. Он даже сел от неожиданности на землю — совсем разучился ходить на своих двоих.

— Вот, — Люта, краснея и отворачиваясь, швырнула ему одежду.

Умеющий тут же спохватился, поспешно оделся и благодарно заулыбался, заставив бедную Люту взвизгнуть от испуга. По всей видимости, что-то пошло не так и теперь у Умеющего во рту неровным частыколом торчали во все стороны вперемешку человеческие и звериные зубы.

— Какой ужас! — Люта округлила глаза и с мольбой посмотрела на старого медика. — Он теперь всегда такой будет?

— Не бойся, девочка, — старик-медик хитро прищурил светлые, совсем выцветшие глаза, — это пройдет, но пару недель ему придется походить с такими вот зубами...

Несмотря на оказию, Адька был рад, что сумел, наконец, принять человеческий облик:

— Чего хихикаете? — сердито заворчал он на нас, пытаясь за обедом совладать с ложкой. — Посмотрел бы я на вас, умники такие...

Зрелище и вправду было забавное: мы, как всегда вчетвером, сидели у костра на круглых деревянных чурбаках и ели свежесваренную, несоленую, но отчего-то невероятно вкусную крупу. Вернее, мы с Лютой ели, Азия сидела, задумчиво глядя на огонь, а Адька мучился. Он пытался брать ложку одной рукой. Потом другой, потом двумя сразу — ничего не выходило: пальцы сами собой скрючивались и поджимались. После очередной неудачной попытки, когда ложка вывернулась из каши, подскочила и стукнула его по лбу, он вновь напустился на нас, оправдываясь, что руки привыкли быть лапами и теперь не слушаются хозяина...

После обеда, не желая тратить время даром, я отправился на плац и встретил там Хейма, самого сильного мечника из дрейковой команды. Попросившись к нему в спарринг, пропрыгал с мечом до позднего вечера, чем остался несказанно доволен — за последнее

время моя рука стала тверже, и движения отточились, стали плавнее, точнее и стремительнее.

В лагере Дрейка я обнаружил еще одного весьма интересного типа — старого шамана Уля. Этот седой, косматый старик почти ни с кем не говорил и все время сидел возле самой обочины, часами вглядываясь в лес. Отправившись после тренировки на ужин, я встретил его на пути, как всегда сидящего у кромки леса. Немигающими, желтыми, как у совы, глазами, он неотрывно пялился на молодую поросль ложного змеехвата. Я не нашел ничего лучше, чем поздороваться. К моему удивлению, Уль, не меняя позы, повернул голову на 180 градусов и, когда подбородок его оказался точно между лопатками, кивнул мне:

— И тебе доброго дня, чужак.

— Вы не первый, кто называет меня чужаком, — нахмурился я, — откуда вы знаете... или угадали?

— Гадать тут нечего. Я вижу потоки энергии этого мира, те самые, что пронизывают все сущее: каждый камень, каждую травинку, каждое дерево и каждое живое существо. В тебе они текут не так, как должно для жителя этих мест. Откуда ты пришел? — Уль смерил меня своими круглыми глазами-плошками и склонил на бок голову, еще больше став похожим на сову.

— Если бы я помнил, — с досадой ответил я.

— Не помнишь, значит, — шаман медленно повернулся, наконец-то его «свернутая» голова заняла по отношению к телу нужное положение. — А ты вспомнить-то пробовал?

— Не то чтобы пробовал, — честно признался я, — просто иногда я вижу что-то наподобие снов о прошлой жизни, но, очнувшись, ничего не могу вспомнить.

— Совсем ничего? Почему ты тогда так уверен, что грезы твои не вымысел, а именно воспоминания?

— Не знаю. Но это единственное, в чем я уверен. А еще — я совершенно не помню своего прошлого здесь: ни Дома, где родился и вырос, ни семьи, ни детства, ни друзей. Сколько ни пытался припоминать — все выходит к тому, что я вечно мотался по дорогам. Азия сказала, что новам после обращения стирают память, возможно со мной случилось что-то подобное...

— Память не карандаш и ее не так-то просто стереть. Ее можно спрятать, загнать в самые дальние глубины сознания, но не уничтожить совсем. Подойди сюда, — глаза шамана вспыхнули, как фонари, и я послушно сделал шаг навстречу шаману, — сядь и посмотри на меня.

Я сел на скрещенные ноги напротив Уля, уставился прямо ему в глаза. Неужели этот странный старик-сова сумеет мне чем-то помочь? Это было бы очень кстати...

Черные узкие зрачки шамана разошлись в стороны, округлились, скрыв желтизну радужек, а потом в их непроглядной тьме задвигались какие-то тени, картинки и силуэты. Чем четче они становились, тем яснее я понимал, что все увиденное мне знакомо, как дежа вю...

...- Спортсмен и оружием интересуетесь, — похвалил за чем-то Дмитрий Павлович, сосредоточенно оглядев меня с головы до ног. Он помолчал несколько секунд, раздумывая о чем-то, а потом добавил, понизив голос. — Все же я переживаю за вашу травму и чувствую себя виноватым. Позвольте мне перестраховаться, — он встал, достал из ящика шприц, — антибиотик...

— Это не обязательно, — отмахнулся я, — уверен, что перекиси и зеленки мне вполне

хватит.

— Нет уж, позвольте перебдеть, я же теперь в ответе за вашу судьбу. Закатайте рукав!

Старик так нервничал, что мне пришлось согласиться, чтобы его, ненароком, удар от переживаний не хватил. Что ж я, какого-то укола не переживу?

И тут, как говорят, сработала народная мудрость «не зарекайся»...

...Очнувшись, в первый миг осознания окружающей реальности я почему-то первым делом вспомнил всех переловленных мной в детстве лягушек и пересаженных в стеклянные банки. Наверное, на меня низошла кара за всех замученных, засушенных, забытых в банках земноводных, и я сам теперь на своей шкуре мог ощутить все, что чувствовали когда-то они...

Я сидел в колбовидной стеклянной капсуле, небольшой — даже в полный рост при желании не подняться. В голове гудело, руки и ноги почти не слушались. Да какого же черта тут вообще происходит?

— Эй! Какого хрена тут происходит? — я долбанул кулаком по стеклу, потом ногой — материал мягко погасил удар. Я понял, что орать бесполезно — по ту сторону стекла меня не услышат.

Из-за того, что колба была округлой, мир за ней исказился, и все происходящее больше и больше напоминало дурной сон.

Спустя миг в верхней части моей тюрьмы зашуршало, потом раздались хлюпающие звуки, и наконец до меня донесся сильно искаженный голос Дмитрия Павловича.

— Простите, что вовлекаю вас в свои дела без согласия, но, поверьте, дело необычайно важное.

— Я вам не подопытный кролик, — рявкнул я и вновь долбанул по стеклу рукой, уже не надеясь его разбить, а просто из злости. Надо ж было так вляпаться! И какого черта я потащился к этому зорькиному соседу. Сидел бы сейчас с ребятами, рубился в приставку...

А теперь, что? Сижу тут, как пойманная крыса, и слушаю невнятные извинения сбрендившего деда. Интересно, что он задумал? Вскипятит меня, зальет водой или газом затравит?

— Что вы хотите сделать?

— Еще раз простите меня, — прошипел в ответ динамик, — мой доброволец, давший согласие на эксперимент не выдержал перегрузок и попал в больницу. Времени искать нового человека у меня нет, поэтому я вынужден прибегнуть к вашей помощи, пусть и без обоюдного согласия.

Сколько высокопарных слов! Извиняется он! Вот урод. Я заметал взглядом по капсуле, пытаюсь предугадать то, что ждет меня в ближайшем будущем, но гадать не пришлось. «Чокнутый профессор» сам разъяснил мне свои планы.

— Я понимаю, что держать вас в неведении будет с моей стороны как минимум неэтично, поэтому я кратко поведаю вам суть моего опыта.

— Было бы неплохо, — саркастически пробурчал я, искренне надеясь, что разъяснения происходящего хоть как-то увеличат мой шанс на освобождение. — Валяйте...

— Пространственно-временная капсула, где вы сидите, перенесет вас в иной мир.

— Чего? — от неожиданности я долбанулся лбом о непробиваемое стекло. — Что за хрень вы несете? Какой еще иной мир? Вы тут у себя что, грибов переели? Я бы еще поверил в клонирование, зомбирование и биологическую три-дэ печать, но всякие там иные измерения — это уже слишком....

Я так и не услышал того, что сказал мне в ответ «профессор». В моих глазах начало темнеть, а пол уходит из-под ног.... Я отчаянно замотал головой....

... и встретился взглядом с «совиным» шаманом.

— Что это было? — прошептал в недоумении, шаря безумными глазами по стоящим за обочиной деревьям. — Что это?

— Ну, что, вспомнил теперь? — голос шамана вернул меня к реальности.

— Вспомнил...

Я продолжал сидеть на земле и обалдело таращить глаза на Уля. Картинка, возникшая в моем мозгу минуту назад, не давала покоя. Что это было? Какой-то старик, какой-то дом... капсула и плен... И самое странное, что я точно знал — увиденное не бред, не сон и не иллюзия. Это точно когда-то было со мной, в какой-то другой жизни, другой забытой реальности.

Я снова прокрутил в голове воспоминание. За него паровозом прицепились другие — я вспомнил, как сквозь стену ливня пробирался по пустой улице к дому старика. Его имя я тоже вспомнил — Дмитрий Павлович. Вспомнил отчетливо, как сидел с друзьями на соседней даче, как меня укусил пес. Вот попал, так попал...

Пока я приходил в себя от этой новости, в лагере началась шумиха, и я поспешил к остальным.

Возле убежища толпился народ. Дрейк отдавал распоряжения, войны спешно проверяли оружие и броню, маг Рюнк торопливо затягивал лес туманом.

— Нас обнаружили? — поинтересовался я у Азии, наткнувшись на нее возле главного входа.

— Да, — ответила она хмуро, и тут же поинтересовалась, заметив, видимо, мое обалделое выражение лица. — С тобой все в порядке?

— В полном, — ответил я, ловя себя на вранье, только рассказывать нове о своих внезапно всплывших воспоминаниях я не торопился — хватало дел и поважнее...

Из разведки вернулись Барни и Бри. Их мрачные лица не предвещали ничего хорошего.

— Они рядом. На пару явились — Ольвион и Гидра. Каждый приволок свою гвардию, — проворчал здоровяк Барни, а Бри тут же поддакнул ему:

— Точно! Притащились при полном параде — видать, за последнее время мы сумели их здорово впечатлить!

Потом они принялись наперебой рассказывать о том, что увидели.

— Чего гоношиться! — Дрейк жестом велел разведчикам замолчать. — Будь у них хоть тысячи воинов — сюда ведет лишь одна узкая тропа. На ней даже с большим числом особого перевеса не получишь. Но, Управители ведь не дураки — сами это понимают, а, значит, придумают что-то еще...

— Порталы, — предположил я. — Похитители использовали их в Дурном Доме. Раз за всем стоит Ольвион, то порталы — его рук дело!

— Даже если они откроют портал, все гвардейцы сразу через него не пролезут, — сосредоточенно произнес Дрейк. — Главное, чтобы не выпустили демонов.

— Не выпустят. Ольвион держит их в секрете, если остальные поймут, что демоны принадлежат Управителю Совета, его план с похищениями провалится.

— Будем надеяться на это, — без особого энтузиазма кивнул предводитель повстанцев, и по тону становилось ясно — настроен он не слишком оптимистично.

Гвардейцы Управителей подошли к убежищу быстро, но мы успели соорудить на тропе заслон из камней и бревен, под прикрытием которого засели арбалетчики.

Не доходя до заслона, гвардейцы остановились и, сомкнув ряды, выставили вперед левые руки в бронированных перчатках. На них стальными цветами раскрылись круглые телескопические щиты. За «стеной» укрылись стрелки, но штурмовать нас противник пока не торопился.

Несколько минут гвардейцы стояли, ожидая команды, которой не последовало. В сомкнутом ряду началось движение — воины пропустили вперед Управителя Ольвиона. Оказавшись перед заслоном, парламентар оказался полностью уязвимым, но этот факт его, видимо, не волновал совершенно. Примирительно подняв вверх руку, он заговорил:

— Мы, Управители Ольвион и Гидра, предлагаем разбойникам сдаться без боя. Совету не нужны бессмысленные жертвы. Если вы не окажете сопротивления, всех пленных я обещаю взять под личную защиту.

— Вот тварь, хочет загрести себе новую порцию людских душ, не напрягаясь, — буркнул Адька, толкая меня боком и злобно скаля зубы.

Не послушав совета медика — как можно больше времени находиться в людском виде, Умеющий, порядком отвыкнув от особенностей человеческого существования, поспешил принять форму зверя.

Мы все: я, Азия, Адька, Дрейк и его ближайшие помощники стояли позади заслона готовясь отразить атаку, когда она последует. Позади нас, уже на территории искусственного Дома, ждали остальные. Маг Рюнк уже окутал лес туманом, оставив в оговоренных местах специальные коридоры для своих.

— Мы не намерены сдаваться. Не думай, что сможешь одержать победу, не начиная боя, — громко объявил Дрейк. — Не недооценивай нас, Управитель Ольвион!

— Это ты, разбойник Дрейк, не переоценивай себя. Я в последний раз предлагаю сдаться. Когда начнется штурм, молить о пощаде будет поздно.

— Мы не сдадимся, — решительно ответил предводитель повстанцев, и все мы дружно разделили эту решимость.

Ольвион окинул присутствующих тяжелым мутным взглядом, потом произнес негромко и задумчиво:

— Ну, что ж, тогда пеняйте на себя!

Резким жестом руки он дал отмашку гвардейцам, и в его глазах полыхнули нечеловеческие алые огни.

Тогда я понял, о чем говорил Дрейк. Ольвион и впрямь одержимый да еще и бессмертный. После общения с шаманом и того жалкого обрывка воспоминаний, который мне удалось восстановить из небытия, меня терзали смутные сомнения, что этот неприятный тип со шрамом мне каким-то образом знаком. Его лицо я увидел впервые спасаясь из Совета. Но всю эту историю с Музой я будто уже когда-то где-то слышал. До боли знакомо. Значит, Ольвион как-то связан с моим прошлым. Значит, надо добраться до него во что бы то ни стало и расспросить о том о сем...

От Управителей стоило ждать сюрприза, и они оправдали ожидания. Естественно, штурмовать непроходимый заслон на узкой тропе они не стали. Засыпав нас дождем из арбалетных болтов, отступили назад. Нам пришлось укрыться за камнями и бревнами, чтобы не попасть под обстрел.

Сам собой напрашивался вывод — Ольвион все же использует порталы. Дрейк об этом

не сильно беспокоился — на территории искусственного дома хватало прикрытий и ловушек, а само здание могло послужить крепостью. Собственно, на случай штурма его и возводили.

Однако, все пошло не так, как мы того ждали. Вместо порталов противник применил приспособление, которое каждый из нас видел впервые: перекидные мосты, сооруженные из скованных цепями черных камней. Дюжие гвардейцы Гидры швырнули их прямо с тропы, вонзая мощными якорями в укрытые ягелем камни Дома. Арбалетчики противника открыли огонь, не давая повстанцам отцепить крюки, позволив своим штурмовикам беспрепятственно пройти по мостам.

Попав на нашу территорию, гвардейцы дружным скопом двинули вперед, но не тут то было — из-под кочек сизого ягеля, как грибы после дождя, им навстречу выбрались повстанцы. Ряды противников мгновенно сомкнулись, и тут уже прикрытия арбалетчиков стало бессмысленным — трудно стрелять, когда рискуешь попасть по своим.

Оставив у заслона Барни и Бри, мы во главе с Дрейком поспешили к стенам укрытия, чтобы поддержать остальных.

Прикрываясь щитом, я ринулся на гвардейцев Ольвиона — они попались мне первыми. «Старые знакомые» большой проблемы не составили, да уж, все свое «мастерство» они продемонстрировали еще в подвалах Совета. Другое дело люди Гидры. Сперва я обрадовался, не увидев среди них уже знакомых ищек-Умеющих, но пришедшие гвардейцы оказались тяжеловооруженными, с ног до головы упакованными в броню воинами. Кроме того они использовали телескопические щиты с острыми краями, которыми при случае можно было рубить противника, и телескопические копья, способные менять длину в зависимости от особенностей боя. Я видел такое оружие впервые и чудом увернулся, когда короткое копьё врага, позволившее подойти к нему почти вплотную, вдруг вытянулось и высекло искры, зацепив мой койф.

Отбившись от копейщиков, я стал искать глазами Ольвиона. Управитель лезть на рожон не спешил — стоял на тропе в относительной безопасности, а рядом с ним находился еще один человек. Незнакомец в алой броне с тяжелыми ножами за спиной. «А вот и Гидра, — догадался я. — Тоже в драку не лезет. Управители, что с них взять. Ладно, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе...»

Орудя мечом, я ринулся в сторону перекидных мостов, оставшихся в тылу обеих гвардий Совета. Чуть не пропустил удар пикой — спасибо Адьке. Умеющий появился из общей кутерьмы, прыжком сбил гвардейца и вцепился ему в горло. Где-то рядом свистел огромный меч Азии, окрашивая вражеской кровью светлую губку ягеля.

Гвардейцев осталась только треть. Этих последних, явно растерявших боевой дух, повстанцы оттеснили вплотную к мостам. Арбалетчики Совета дали залп, но повстанцы ответили из укрытия — и те стрельбу прекратили.

Тесня врага, я оказался напротив Ольвиона. Теперь нас разделял только перекидной мост, и в моем мозгу билась лишь одна мысль: «Только бы не сбежал!» Управитель бежать и не думал. Поймав мой мрачный взгляд, он снова зажег в глазах алый огонь. На секунду я заметил, как по его коже пробежала рябь, а потом на лице и руках сверкнули белые искры. Переглянувшись с Гидрой, Ольвион брезгливо осмотрел жалкие остатки своей армии и дал рукой короткую отмашку.

Позади него, среди стволов что-то задвигалось. Я разглядел огромные силуэты,

продвигающиеся по узкой тропе к Дому. Я узнал их — этих чудищ мне уже приходилось видеть однажды. Химеры. Но только там, в подземелье Совета, они были дикими и неуправляемыми, а теперь шли гуськом по тропе, покорные и молчаливые. Похоже, бессмертному Ольвиону все же удалось их приручить.

Я насчитал десять монстров.

Первая химера неуклюже вспрыгнула на мост, осторожно прошла по нему, поскрипывая суставами и выпуская в воздух клубы пара. За ней двинулась вторая, поднимая над лопатками поршни-усилители и дико вращая глазами, скрытыми за стеклами защиты. Остальные последовали примеру первых двух.

Химеры — противник слишком сильный, поэтому пришлось срочно отступить к убежищу. Я заметил, что повстанцы не торопятся прятаться внутрь, поэтому тоже остался перед входом, решив выяснить, чего ждут остальные. Долго гадать не пришлось. Стоило только первым паровым чудищам ступить на территорию Дома, земля под ними разверзлась, образовав глубокие черные колодцы. Двое монстров тут же ухнули в них с головой, третий успел зацепиться лапами за край, но земля сошла обратно, раздавив нижнюю часть химеры. Оставшаяся наверху голова бешено защелкала челюстями, выпустив из пасти черный дым. Похоже, живого в этих полувльвах-полумеханизмах осталось мало, и боли они не чувствовали.

Я, Адька и Дрейк стояли рядом с главным входом. Спасаясь от химер, часть повстанцев ушла внутрь убежища, часть скрылась за его стенами на заднем дворе.

— Что будем делать с остальными? — поинтересовался я у Дрейка. Его невозмутимое горбоносое лицо оставляло надежду, что сработавшие ловушки далеко не последние.

— Настало время выпускать дедова питомца, — прозвучало в ответ.

Питомца? Я слабо представлял, кто конкретно скрывается за этим словом, поэтому предположил, что речь идет о каком-то серьезном оружии и, надо сказать, не ошибся.

Когда наученные горьким опытом химеры успешно избежали новых открывшихся ям-ловушек и подошли к убежищу на близкое расстояние, под землей раздался натужный гул. Я пошатнулся, удержав равновесие — почва под ногами содрогнулась, словно кто-то большой заворочался внутри.

Химеры встали, как вкопанные, закрутили бессмысленно головами, а земля, тем временем, разверзлась вновь. Из нового колодца повалил густой белый пар, а потом к небу рванулось нечто огромное, вытянутое, поблескивающее круглыми пластинами металлической чешуи.

Паровой дракон! Такое я видел впервые — огромное механическое чудовище, в отличие от химер совсем не имеющее живой основы. Дракон оказался длинным и гибким. Он свивал кольца и резко распрямлялся, словно исполинская пружина, нанося химерам сокрушительные удары, от которых они разлетались в стороны, как кегли в боулинге. Две твари остались лежать, чадя дымом — от изначальной десятки осталась половина.

— Вот это зверюга! — вдохновенно восхитился Адька, — твой дед, что, Механик? Откуда у него такая штуковина?

— Механик, — неожиданно кивнул Дрейк, — по крайней мере, некоторые так говорили. Этого дракона он отыскал вместе с машиной, той самой, что производит дорожный камень...

Дослушать я не успел: химеры, которые были слишком неповоротливыми, чтобы угнаться за драконом Дрейка, ухитрились окружить своего механического врага и напасть

дружным скопом. Клубок из свистящих и скрипящих на разные лады чудовищ покотился к дверям убежища и распался в нескольких шагах от нас. В сторону покотилась оторванная химерья голова.

Дракон угрожающе щелкнул зубастыми челюстями. Он перестал стремительно виться, выпустил из брюха три пары лап и уперся ими в землю, превращаясь в мощную преграду между убежищем и своими врагами, которых теперь осталось всего четыре.

Вытянутое тело дракона принялось стремительно сжиматься: длинные пластины заползали друг на друга, длинная шея укоротилась и стала толстой, за головой раскрылся широкий капюшон-щит. За считанные секунды, дракон из проворного подобия змеи трансформировался в непробиваемый бронированный танк.

Химеры зашипели, выпустили пар, принялись ходить вокруг дракона, который по-бычьему пригнул к земле голову и выставил перед собой две пары длинных прямых рогов. Химеры встали с разных сторон, но одна из них, самая нетерпеливая, с яростным ревом бросилась вперед. Дракон подхватил ее на рога — повисшая туша плотно завязла на них и закрыла ему обзор.

Да уж, этим химерам товарищеские чувства точно были чужды — воспользовавшись гибелью сородича, три остальные ринулись вперед: одна повисла на шейном щите дракона, мешая ему стряхнуть с головы свою жертву. Две другие, обходя могучего врага с обеих сторон воспользовались заминкой и ринулись ко входу в убежище. Похоже, закованные в сталь химерьи головы годились не только для того, чтобы таранить ими противника — монстры неплохо работали командой и умели использовать стратегию...

Они приблизились мгновенно, окутав все вокруг клубами пара и временно лишив меня и остальных способности ясно видеть.

— Не дайте им войти, — прозвучал где-то рядом голос Дрейка и тут же утонул в белом мареве, — не пускайте внутрь здания!

Легко сказать — не пускайте! Когда огромная зубастая рожа появилась в полуметре от меня, я едва успел отскочить от лязгающих клыков чудовища. Адька нырнул химере под брюхо и вцепился зубами в незащищенное сталью живое тело. Откуда-то справа появился Барни с трофейным копьём в руках и всадил его твари в бок, втиснув острие между защитными пластинами. Воспользовавшись заминкой врага, я перевернул меч вниз острием и со всей силы ударил химеру между глаз. Тварь оглушительно завывала, попятилась, пытаясь ударами лап достать крутящегося под брюхом Умеющего, зашаталась и рухнула на бок, чуть не задавив Адьку.

Тот отпрянул в сторону и тут же припал к земле, прижав уши и отчаянно тряся головой. Две оставшиеся химеры дружно отступили — их отозвали и использовали, видимо, ультразвуковой свисток.

— Проклятый свист! Я чуть не оглох! — пожаловался Адька. — Что, трусы, пожалели своих котят? — грозно выкрикнул, обращаясь к стоящим по ту сторону мостов Управителям.

Умеющему никто не ответил. В воздухе повисла тишина, которую нарушил вязкий удар о землю — это дракон наконец-то сбросил тушу химеры с рогов.

В тот миг у меня мелькнула надежда, что механический дракон решил исход битвы в нашу пользу однозначно и бесповоротно, но это была лишь секундная мысль, которая моментально улетучилась, освободив место напряженному ожиданию.

Когда клубы пара рассеялись, на одном из мостов появилась фигура. Это был Ольвион. Он преспокойно перешел мост, ступил на территорию убежища, а потом остановился рядом

с остатками гвардейцев, сиротливо жмущихся к границам Дома.

— Послушай, Дрейк! — Управитель вскинул вверх руку, призывая к переговорам. В ответ на этот жест тут же защелкали взводимые арбалеты, но Ольвион без страха продолжил. — Я даю тебе последний шанс. Сдайся сам, а главное, отдай мне путника, что прячется в твоём убежище, тогда я оставлю твоих соратников живыми.

— Если ты пришел торговаться, то мой ответ однозначен и торгам не подлежит, — громогласно выкрикнул Дрейк. — Ты трус, Ольвион. Трус и хитрец — почуяв, что перевес сил на нашей стороне ты вздумал блефовать!

— Это не блеф, глупый мальчишка, или ты вздумал, будто Управляющим Совета сложно разобраться с заводной игрушкой твоего деда?

— Так разберись, Ольвион, покажи класс! — задорно усмехнулся Дрейк, кивая на застывшего, будто статуя дракона. — Или кишка тонка, а?

Управитель не ответил, послав предводителю повстанцев испепеляющий взгляд, он отошел в сторону, пропуская своего коллегу — Гидру. Тот вышел вперед, неторопливо вытягивая из ножен меч. Такого странного оружия мне не приходилось видеть раньше — широкое длинное лезвие не было целым, оно состояло из наползающих друг на друга колен с полукруглыми остриями на кромках.

Воины Дрейка молчали, с опаской глядя на приближающегося врага. О мече Гидры ходили легенды, большинство из которых приписывали ему магическую силу. Решив подбодрить своих, Дрейк снова выкрикнул:

— Давай, старик Гидра! Покажи, что можешь! Спляши с нашим механическим другом! Или тебе слабо?

Гидра не ответил. Его лицо не выражало совершенно ничего: ни злобы, ни страха, ни кровожадности. Выражение нельзя было назвать даже выражением спокойствия — это было абсолютное «ничего». Он, не спеша, как-то лениво подошел к оцетинившемуся дракону и остановился перед ним. Механический монстр выпустил в воздух клубы пара и угрожающе лязгнув броней — собрался трансформироваться: для противника-человека, легкого и быстрого, форма живого бульдозера была слишком неповоротливой. Однако не стоило недооценивать Гидру...

На трансформацию дракону хватило нескольких секунд, но Управитель оказался быстрее. Я даже не успел заметить, как алая фигура метнулась вперед и вверх. Сверкнули на солнце пластины странного меча, звякнула сталь, и дракон тяжело завалился на бок, потеряв сразу две левые конечности. Удар застал его на середине трансформации, когда стальное тело, не приняв окончательной формы, потеряло устойчивость и равновесие.

— Вот это демонская сила! — с нескрываемой завистью выдохнул Адька. — Такой драконище был, а этот, красный, его как змеюку порубил...

— Чтоб тебя, чертов Гидра! — разочарованно рыкнул Дрейк, скрипнув зубами и сжав кулаки.

— Похоже, помощь нужна твоему питомцу? — сказал ему я. — Надо остановить Управителя, пока он этого дракона в капусту не покромсал.

— Дракон не успевает за ним, надо выиграть время для трансформации, — согласился Дрейк, кивая своим. — Вперед, ребята, отгоним Гидру к его шавкам!...

Дрейк и еще пятеро бойцов ринулись напрямик, мы с Азией и Адькой обошли дракона с другого бока, а все это действие тут же прикрыли лучники, не позволив гвардейцам двинуться к Управителю на подмогу.

Как ни странно, наше дружное наступление Гидру не впечатлило. Прежде чем команда Дрейка подошла к нему вплотную, враг успел отрубить дракону еще одну ногу, а потом всадил меч в основание шеи. Повалил густой черный дым, вперемешку с белым паром, откуда-то из-под брони полыхнул огонь.

«Не потеряйте его из вида» — раздался из серой мглы голос Дрейка. От превращенного в груды металлического лома монстра отделилась фигура Гидры. Он тенью двинулся к бойцам Дрейка. Мы с Адькой в тот момент как раз успели обогнуть дракона и выйти к Управителю с тыла.

Почувяв, видимо, наше приближение, Гидра остановился на миг, вполоборота глянул себе за спину, а потом сделал резкий выпад. Я не сразу понял, чего он добивался, ведь Управитель находился слишком далеко, чтобы достать мечом меня или Умеющего.

— Берегись! — тут же среагировал Адька, резко прыгая в сторону и вверх.

В миллиметре от моего уха что-то лязгнуло и стремительно рассекло воздух. Прошло мимо куда-то за спину, а потом, ускоряясь, понеслось обратно. Мельтешение стальных пластин, растянувшихся в пространстве на тонком металлическом тросе. Черт, меч Гидры разомкнулся на части и стал подобием длинной цепи с насаженными на нее пластинами лезвий. Управитель взмахнул измененным оружием, как хлыстом, и смертоносная сталь с новой силой резанула воздух.

Было ясно, что даже оказавшись в кольце врагов, побежденным Управитель себя не ощутил. Трансформировав меч в стальной хлыст, способный рассечь все вокруг, Гидра будто играл с врагами, заставляя подступать и отскакивать, уворачиваясь от хлестких ударов. Самым дрянным оказалось то, что Управитель не оставлял возможности отступить обратно к убежищу. Подойти к себе вплотную он тоже не давал. Даже огромный меч Азии отскакивал от оружия Гидры, осыпая землю водопадом белых искр.

Пока Гидра «танцевал» с нами, кружа вокруг поверженной драконьей туши, остальные враги не теряли времени. Я понял это, когда со стороны мостов на помощь Гидре поползли здоровенные серые твари, похожие на широких, излишне мускулистых собак, закованных в знакомую уже алую броню.

Адька первым заметил «своих» и зарычал предупредительно:

— Там Умеющие!

— Вижу, — ответил ему Дрейк, стараясь удержать на лице выражение полного хладнокровия.

— Надо отступить!

— Не дадут! Пятиться Гидра не даст, а спину покажем — псы заедят, — мотнул головой предводитель повстанцев.

Я обернулся назад, со стороны убежища к нам двигалась подмога, но Умеющие Гидры оказались быстрее. Псы обошли Управителя и отгородили наш маленький отряд от вероятной помощи. Навскидку я насчитал около двадцати зверюг. Десять из них бросились на подмогу Гидре, а еще десять встали стеной, чтобы не пропустить к нам поддержку из убежища.

Кружа вокруг врага, я краем глаза взглянул на выжидающего в стороне Ольвиона. Резким размашистым движением он раскинул руки и пустил по ним белые огни, от яркости которых заслезились глаза. На концах пальцев Управителя собрались слепящие комки энергии, исходящие белыми вспышками молний. Потом эти молнии отошли от его пальцев и угловатыми росчерками потянулись в нашу сторону. Я моментально отследил цель — ею

оказался Дрейк.

— Берегись! — выкрикнул как можно громче, но было уже поздно.

Кривая молния рассыпалась бледными искрами над головой предводителя повстанцев, наполнив воздух взвесью невесомой блестящей пыли. На первый взгляд казалось, что пылинки эти Дрейка даже не достигли, но, секунду спустя, он замер вдруг с занесенным над головой оружием. Хлещущий во все стороны меч Гидры сверкнул в опасной близости, но я успел заметить, что Управитель в последний миг скорректировал направление своего чудовищного хлыста. Мне даже показалось, что на его бесстрастном лице появилась на миг понимающая ухмылка...

Гидра сдержал удар, и этот факт не остался незамеченным для Азии. Воспользовавшись предоставленной возможностью, нова скользнула к нему, размахнулась мечом, но сталь ее оружия разочарованно скрипнула, неожиданно отраженная мечом Дрейка. Оттеснив Азию, предводитель ринулся на своих.

— Ты чего, одурел? — непонимающе заорал Адька, и тут же отскочил в сторону — клинок Дрейка чуть не отсек ему ухо.

— С ним что-то не так! — хрипло прорычала Азия, прикрывая одного из атакованных повстанцев и вновь скрещивая меч с неадекватным соратником.

— Это Ольвион, — крикнул я друзьям, — Дрейк под его властью!

Умеющий поспешил на помощь нове, но меч Гидры заставил его отступить. Теперь он находился ближе всех к убежищу.

— Надо предупредить остальных, — крикнул я Адьке, — давай к убежищу, а этих мы как-нибудь задержим!

— Понял! — послушно рявкнул Умеющий, двигая в сторону бьющейся с его «сородичами» подмоги.

Гидра отследил его хищным взглядом, посылая в спину зверя сцепку свистящих лезвий. Предугадав его атаку, Адька, будто заяц, метнулся в сторону, резко изменив траекторию бега, и этим самым избежал удара.

Я вздохнул спокойно, но тут же переключился на врагов, против которых мы с Азией остались вдвоем. Все остальные соратники-повстанцы поверженные лежали на земле. Мы встали рядом, чтобы прикрывать друг друга. Вся надежда была на то, что Умеющих Гидры сомнут у убежища, и тогда к нам сможет подойти помощь. Да уж, я прекрасно понимал, что времени на все это потребуется несколько больше, чем, возможно, будет у нас здесь, рядом с Гидрой, псами и обезумевшим Дрейком.

— Он стал сильнее, — предупредила меня нова, кивая на предводителя повстанцев. — Что будем делать?

— Я уже понял, — ответил я. — Надо его вырубить, он ведь нам живым нужен.

— Давай попробуем, — без особого энтузиазма согласилась Азия, и тут же настороженно предупредила. — Смотри! Что это?

Воздух вокруг нас наполнился серебристыми искрами. Микроскопические частицы сыпались сверху, покрывая все кругом блестящей дымкой. Они словно уплотнили воздух, сделав его густым, как кисель. Двигаться стало трудно, все это напоминало дурацкий сон, в котором в самый проблемный момент ты начинаешь «вязнуть» в пространстве, как в болоте — чем больше дергаешься, тем сильнее увязаешь. Самым странным было то, что этот воздушный «загуститель» действовал не только на меня и нову, но и на Гидру с его псами. Общая картина напоминала кадры замедленной съемки, даже хлещущий меч завис прямо в

воздухе и напоминал теперь развитый ветром хвост воздушного змея.

Прямо напротив меня замер один из Умеющих-гвардейцев, его выпученные от непонимания происходящего глаза были покрыты плотным слоем сверкающей пыли. Я с трудом повернул голову, чтобы взглянуть в лицо новы — с ее глазами случилось то же самое. Сам я пока видел — полный порядок. Везение? Или что? Я отыскал глазами Ольвиона которому весь этот тот летучий порошок принадлежал.

Я не ошибся. Ольвион не спеша пошел, вернее поплыл в мою сторону, перетекая в клубках сверкающей дымки. Я потянул наверх руку с оружием, но движение получилось вымученным, воздух вокруг уплотнился до состояния мягкого масла.

— Не нужно лишних движений, — голос Ольвиона прозвучал в моей голове, при этом Управитель даже рта не раскрывал. — Наконец-то мы встретились лицом к лицу, — он остановился напротив меня, и я обнаружил, что его лицо, шея и руки искрят все тем же блестящим напылением. — Ты ведь явился в Совет за мной, так зачем сбежал? Хотя, я, честно говоря, ожидал большего. Неужели послать было больше некого? Или ты сам напросился на эту миссию?

...Мое настроение сложно было назвать веселым, но в тот момент меня чуть смех не пробрал. Истерический. У этого Ольвиона, что, мозгов совсем нет? Он уже второй раз принимает меня за кого-то другого. И если в первый раз меня объявили шпионом Дрейка (ладно, теперь я даже такому статусу вроде как соответствовал), то теперь я даже предполагать боялся, чьим пособником-наемником-шпионом-соратником, одним словом миссионером меня посчитали.

— Какую миссию? — медленно шевеля губами, решил докопаться до истины я. — Я попал сюда случайно не по своей воле.

— Да ну? — Ольвион вопросительно склонил голову. — Ты пытаешься меня обмануть? — стеклянные нечеловеческие глаза с черными провалами зрачков уставились на меня изучающе. — Не помнишь, зачем явился сюда?

— Все я помню. Меня забросили в ваш мир ради эксперимента, — заявил я начистоту. — Я не собирался ни за кем гоняться, но потом, посмотрев на то, что творится в Дурнодомье, понял, что просто обязан с тобой разобраться.

— Значит — это судьба, — рот Ольвиона перекосило в оскале-улыбке, щеки стали растягиваться, делая Управителя похожим на улыбающегося гремлина. — Даже забыв о своей миссии, ты продолжил искать меня. Я был не слишком внимателен и не сразу узнал тебя: тогда, в катакомбах Совета перепутал в суматохе с одной из дрейковых шавок, да и сбежал ты слишком быстро — еще и артефакт мой с собой умыкнул. Хитро. Не думаю, что ты знаешь, что с ним делать, наверняка решил выманить меня с его помощью...

— Допустим, — кивнул я с суровой утвердительностью, совершенно не представляя, в чью роль мне придется вживаться теперь. Эх, как же хреново не дружить с собственной памятью.

— Тебе это удалось, хотя, повторюсь, в судьбу я верю больше, чем в твою прозорливость. Но это не важно. Тебе никогда не одолеть меня. На что ты рассчитывал? Скажи?

— На удачу, — ответил я первое, что в голову пришло. Я даже не соврал, в наступившей ситуации удача была бы очень кстати.

— Удачу, — с усмешкой повторил за мной Управитель, — призрачная надежда всех обреченных...

Я судорожно соображал, как бы растянуть этот диалог, а заодно и пояснее понять, что за фокусы со всеобщим замиранием проводит Ольвион. Решив действовать на заявленную ранее удачу, я решил разболтать странного противника, надеясь, что он сам поведаст мне о себе.

— Думаешь, сможешь долго удерживать меня своей пыльцой, Ольвион? — спросил я задиристым голосом.

Я ждал, что оскорбленный Управитель сболтнет мне что-нибудь о суперсвойствах своей чудо-присыпки, но он неожиданно отреагировал не на вопрос, а на собственное имя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мерзкая кличка. К чему притворство: ты ведь знаешь, что шкура Ольвиона — лишь маскировка, а они, — лжеУправитель окинул взглядом «зависших» псов и Гидру, — сейчас ничего не услышат, не увидят и не вспомнят, когда отойдут.

— Может, тогда покажешь личико, Гюльчатая? — спросил я, понимая, что подобный замшелый юмор в данной ситуации совсем неуместен.

— Что ж, пожалуй, стоит. Мы уже забыли, как ощущается мир без протухшей маскировочной шкуры.

Преобразившись, Ольвион стал называть себя «мы», во множественном числе. Резким движением его пальцы цепко схватились за кожу на щеке и рывком стянули ее на сторону, словно кусок ткани. Под лицом Управителя оказалось еще одно, странное и уродливое, похожее на физиономию классического пришельца-гуманоида — с огромными глазами, безгубым ртом и полным отсутствием носа. Кожу его плотно покрывала заполонившая все блестящая пыль.

— Ну как? Нравится? — голова существа взметнулась над плечами на длинной, как у динозавра, шее с отчетливо проступающими позвонками, — Любуйся, пока еще жив, осознавай свою безнадежность.

— Ты и есть Муза, или моя информация относительно твоей личности неверна?

— Нет, все верно. В некоторых мирах нас зовут именно так. Так что можешь начинать трепетать.

— В моем мире Музами никого не запугаешь, — постарался улыбнуться я, но лицо почти не слушалось, застыв, как маска.

— Зря хорохоришься. Ты все еще наивно надеешься одолеть нас? Приглядиись, наша броня — бриллианты. Ее прочнее нет, поэтому победить нас невозможно — и пытаться глупо.

— Со всеми можно справиться, если знать — как, — я прищурился от ослепительного блеска драгоценной защиты невероятного существа.

— С этой надеждой ты похитил Камень Пути? Глупый шаг. Ты что, думал, он как-то поможет тебе? Наивное заблуждение. Механики создали великий Артефакт для управления дорогами и некоторыми из своих машин, но никак не для борьбы.

— Но тебе-то этот камешек нужен?

— Нужен, — стеклянные глаза жуткого собеседника блеснули алыми искрами, а голос зазвучал тихо и злобно. — Ты, что же, думал шантажировать меня? Меняться хотел? Так я тебе устрою мену...

Последняя фраза прозвучала угрожающе, и я напрягся, готовясь к плохому.

— Мы знаем, что камень нельзя отнять силой, ты должен отдать его сам..., - из смятых

складок кожи Ольвиона вытянулась многосуставчатая рука, костлявая и бесконечно длинная. Она потянулась к оцепеневшей Азии и ухватила нову за горло. — Так отдай же его, или крылатая девчонка умрет.

Я сжал зубы, понимая, что выбора у меня особого нет. Хотя, ладно, к чему вообще мне был этот камень? Лично мне от него особого прока не было, хотя, все это отговорки — за безделушкой так не охотятся. Но жизнь Азии бесспорно важнее любого артефакта, даже если он Артефакт с большой буквы.

— Оставь ее и «разбуди», — я медленно сунул руку запазуху. — Какие у меня гарантии?

— Наше слово...

Да уж, слово неведомой тварюжки — просто отличные гарантии, поэтому отдать Ольвиону и его «жилцу» Артефакт я не торопился.

— Ему можно верить?

— У тебя нет такой роскоши, как сомнение, — по-змеиному зашипела Муза. — Отдавай. И мы оставим вас в живых, пока что...

— Ладно, — я отошел на несколько шагов и положил камень на землю. — Отпусти ее.

Костлявые пальцы разжались. По телу Управителя прошли волны белых вспышек.

Убедившись, что Азия свободна, я двинулся к ней, пристально наблюдая за Музой, которая, как змея из кувшина, выбралась из тела Ольвиона и потянула тонкие руки к Артефакту, сиротливо лежащему на сиреневом ягеле.

— Уходим отсюда, скорее! — я потянул Азию за запястье, радуясь, что она зашевелилась и пришла в себя.

— А ну, постой-ка, — раздалось за спиной. — Мы были слишком милостивы с тобой и твоей подружкой. Мы даровали вам свободу и жизнь. Это слишком дорогая цена за старый камень.

К нам потянулись костлявые руки. Они казались бесконечно длинными и гибкими. Я попытался рубить их, Азия тоже, но все было тщетно. Через несколько секунд безрезультатной возни, мы уже болтались в воздухе, обвитые тощими конечностями чудовища.

— Сволочь, а еще слово давал, — злобно выругался я.

— Слово Музы, как брильянт — у него много граней. А слово есть слово — мы не будем вас убивать — пусть лес это сделает!

Глава 13. Невозвращение

Мы болтались в воздухе, а чудище, словно брильянтовый спрут, размахивало щупальцами, готовясь швырнуть нас с Азией за обочину.

Выбраться из захвата Музы реальным не представлялось? Я лихорадочно соображал, пытаюсь уложиться в те жалкие секунды, что остались до отправки «за борт».

Меч бесполезен — бриллиантовая броня врага практически совершенна, и от каждого удара лишь издевательски искрит. Пробить ее шансов нет, да что там пробить — даже поцарапать! Вот ведь дрянная тварюга, а еще Муза называется. Да уж, знали бы древние греки, как говорится...

Я взглянул на Азию — нове тоже приходилось несладко. На ее решительном обычно лице проступили ноты отчаяния. Еще бы, наша первая встреча с Азией чудом не закончилась ее невозвращением. Сам я такой радости не испытывал, но не сомневался, тот, кто одной ногой шагал за обочину, никогда не забудет об этом.

— Держись! — крикнул я ей. — Сопrotивляйся!

Я не рассчитывал на особый успех, но наша возня мешала Музе, ее уродливое лицо кривилось от злости, а по драгоценной шкуре проходили волны дрожи.

— С ней что-то не так! Она трясется, вся судорогами исходит! — донесся до меня сдавленный голос Азии. — Твои руки, Жила, смотри!

Я скосил глаз на собственные кисти. Правой рукой я все еще сжимал бесполезный меч, левой же впился в щупальце Музы. Как ни странно, ее броня под моими пальцами исходила ярким светом, и брильянтовая пыль как будто плавилась, растворялась и проникала мне в кожу.

— Черт! — я отдернул руку, пытаясь разглядеть сверкающие на ладони чужеродные частицы. Они обжигали до боли, вспыхивали, и проходили насквозь, заставляя руку светиться изнутри...

Скривив лицо в мерзкой гримасе, Муза распахнула рот, полный тонких, похожих на иглы, зубов и яростно зашипела. Звук набрал высоту, ввинчиваясь в сознание, оглушая и отрывая от реальности. И все же в этом вопле я отчетливо различил ноты боли.

Щупальце, обмотанное вокруг моей груди, сдавило сильнее. Я почувствовал, как затрещали ребра. Из расплющенных легких ушел почти весь воздух, и вздохнуть полной грудью не было возможности. Перед глазами растеклись темные круги...

— Значит больно тебе, зараза? Не нравится? — просипел я и, отбросив меч, ухватился за конечность монстра второй рукой. — А так?

Муза снова взвыла, как сирена. Хватка ослабла, и я скользнул к земле, в полуметре от которой снова завис, подцепленный за ногу — пока об освобождении никакой речи не шло. Мельком взглянув на врага, заметил, что на его расчудесной шкуре заалели два кровавых пятна — отпечатки моих ладоней.

Послав мне ненавидящий взгляд, тварь размахнулась и швырнула меня через обочину...

В тот миг я был уверен, что инстинктивный ужас взорвет мою голову изнутри, но этого не произошло. Холодный мозг лишь замедлил время, да и его не стал растрачивать на ненужные жизненные воспоминания, наоборот заставил сосредоточиться на настоящем.

Момент перехода через границу Дома и леса я почувствовал четко. Это напомнило переход из одной среды в другую, будто в воду ныряешь. На миг воздух стал густым и тягучим, как жидкость, а цвета неоновояркими, неестественными, но потом что-то переключилось в ощущениях, и все стало на свои места.

Я приземлился на темную почву, укрытую бурыми штрихами старой хвои. Тут же под мной появился светящийся квадрат: вспыхнул и разошелся в стороны сияющим ковром. Что это? Я судорожно вдохнул воздух — он пах резко. Запах походил на аромат специй смешанный с эфиром.

То, что происходило за обочиной, я мог разглядеть с трудом: между лесом и домом словно повесили мутное стекло, позволяющее различить лишь тени-очертания. Но даже через муть я прекрасно видел Музу. Сейчас она походила на здорового спрута, размахивающего по сторонам щупальцами. В одном из них все еще находилась нога. Ненадолго! Бросок — и Азия отправилась за мной следом, правда, тварь швырнула ее несколько левее. Оказавшись на земле, она застыла, словно парализованная — от ее крыльев и спины потянулись вверх струйки пара.

Что за хрень? Она испаряется?!

Я ринулся к ноге, с удивлением отметив, что световой «ковер» под моими ногами

перемещается вместе со мной. Когда я оказался рядом с Азией квадрат расширился: теперь мы вместе находились в его границах. Я тряхнул нову за плечи:

— Приди в себя! Давай же!

Азия медленно подняла голову. Ее лицо не выражало ничего. Из застывших безжизненных глаз сочились кровавые слезы и тут же высыхали, уносясь к небесам тонкими нитями белого пара. Постепенно пар истончился и пропал совсем. От крыльев он тоже больше не шел, но в них уже зияли дыры — перья и плоть исчезли, растворившись в воздухе. Процесс испарения остановился вовремя, похоже, причиной этому стал световой «ковер», защитивший меня, а теперь и нову.

Я снова попытался позвать ее, но в тот же миг за спиной раздался знакомый голос:

— Эти существа не переносят перехода.

— Что значит не переносят? — я обернулся, встречаясь взглядом с Перепадалем, которого уже и так узнал по голосу. Правда здесь, за гранью обочины, сфинкс-воин разговаривал вполне понятно, без путаницы в словах.

— Становясь невозвращенцами люди могут выживать в лесу какое-то время, а новы гибнут сразу. Этой нове повезло, Артефакт замедлил ее распад, но это лишь пока.

Услышав про Артефакт, я инстинктивно сунул руку за пазуху и тут же нащупал камень, который совсем недавно отдал Музе. Как так?

— Просто, — прочитав мои мысли, пояснил Перепадаль. — Камень Пути можно только отдать. Отдать по собственному желанию без принуждения. Чудовище вынудило тебя отдать Артефакт, и он вернулся обратно к тебе.

— Ясно, — кивнул я, радуясь, что не все потеряно и надежда на спасение еще есть.

В тот миг собственная шкура волновала меня меньше всего на свете. Я с замиранием сердца смотрел на Азию. Сначала казалось, что испарение прекратилось, но, приглядевшись, я понял, что тонкие, почти невидимые нити пара продолжают ввинчиваться в воздух, унося ввысь частицы тела новы.

— Ты знаешь, как нам вернуться в Дом или выйти на дорогу?

— Нет.

— Ты ведь смог пересечь обочину! — выкрикнул я непонимающе, но сфинкс вновь помотал головой.

— Я не могу ее пересечь, это тело — астральная копия моего истинного существа, бесплотный дух, который я умею посылать в любую точку земли — такова моя особенность, ведь я, как и ты, принадлежу не этому миру, я такой же как и ты пришелец.

— Мне от этого не легче, — буркнул я.

— То, что ты не существо этого мира спасло тебя от распада. Все люди и твари, рожденные здесь, погибают за обочиной, а ты не погибнешь, потому что в твоём теле находится вещество, сходное с дорожным камнем и не позволяющее лесу уничтожить тебя.

— Я рад. Только ей, — кивнул на Азию, — от этого не легче. Раз я не сдохну здесь, по крайней мере сразу, я должен вытащить ее отсюда.

Сфинкс уставился на меня и смотрел долго и задумчиво, решал, видимо, стоит ли говорить мне что-то или нет. Потом приблизился, став при этом почти прозрачным:

— Твой единственный шанс — найти человека, что живет в центре золотого тумана на острове из черных камней. Он не любит гостей и невозвращенцев обычно не жалуется, но для тебя, быть может, сделает исключение...

Я шел за Перепадалем, стараясь не отстать. Воин Пути мелькал среди деревьев, то исчезая, то появляясь вновь. Под ногами сиял четкий квадрат Артефакта, а над головой, высоко, за черными росчерками корявых веток проглядывало небо.

Окружающий лес выглядел спокойным, и редкие твари, рискнувшие встать на пути, поспешно сбегали, потревоженные ярким светом. Те, что не сбегали, тоже вели себя спокойно — они замирали и притворялись неживыми. Только один жирный шкварник, смиренно лежащий под ядовито-зеленым кустом с острыми резными листьями, резко дернулся при моем приближении, но, ткнувшись головой в световой квадрат, болезненно зашипел и спешно ретировался.

Судьба глупой твари волновала меня мало. Раз за разом я окидывал взглядом тело новы. Распад продолжался медленно и неумолимо. В один момент мне показалось, что нити пара исчезли, но приглядевшись внимательнее, я увидел, что на концах светлых перьев две витые паровые струи уверенно тянулись к небу.

Я крепче сжал зубы и пошел быстрее. Азия не подавала признаков сознания. Ее глаза оставались пустыми, как у куклы, а тело с каждым моим шагом становилось все легче. Сколько веса она уже потеряла? Я вспомнил, как при первой встрече мы с трудом подняли ее с Адькой вдвоем. «Потерпи, — мысленно попросил нову, — я тебя отсюда вытащу»...

Перепадаль шел дальше. Иногда он останавливался, раздумывая, куда повернуть. Ориентиров вокруг было не так чтобы сильно много. Деревья стояли ровными рядами и выглядели совершенно одинаковыми, повторялись, как узор.

Внезапно лес кончился, сменившись полем с высокой травой и редкими чахлыми кустами. Над полем золотистой дымкой колыхался туман, в котором двигались какие-то тени.

Я взглянул на Перепадаля. Он стал совсем прозрачным, почти невидимым, сказал не оборачиваясь.

— Дальше пойдешь сам. Остров в поле за туманом.

Я недоверчиво взглянул в золотую дымку. Перспектива продираться сквозь нее воодушевляла мало. Одна надежда на Артефакт, да и времени на раздумья нет. Единственный известный путь к призрачной надежде — какие уж тут раздумья!

— Что за твари там бродят? — на всякий случай поинтересовался я.

— Октоходы.

— Они тоже боятся Артефакта?

— Я не могу этого знать, — не слишком обнадеживающе ответил Перепадаль, — но другой дороги нет.

— Спасибо и на том, — кивнул я, наблюдая, как Воин Пути растворяется, рассеивается, оставив в воздухе темный след, какой видится поврежденным глазам при световом ожоге.

В груди неприятно защемило. Сама собой в мозг протиснула мерзкая мысль, что точно также растает в воздухе Азия, когда распад истончит ее тело окончательно. Эта мысль придала мне сил, и я почти бегом поспешил к туману. На миг остановился возле четкой клубящейся мглы, а потом решительно шагнул в нее.

Кожу тут же покрыла испарина — влажность вокруг была крайне высокой. Я невольно взглянул себе на руки и увидел, что они до сих пор покрыты «пылью» Музы. Крошечные частицы вьелись в кожу, ощущение — будто помял в ладонях стекловату.

Видимость приближалась к нулевой, я едва мог разглядеть траву под ногами, не помогал даже свет Артефакта. На острых блеклых листьях блестели тяжелые капли росы.

Рядом кто-то ворочался и издавал низкие басовитые звуки, то ли вздохи, то ли стоны. «Октоходы, чтоб их» — подумал я, надеясь, что встретиться с этими представителями местной фауны мне не посчастливится.

Спустя секунду тяжкий звук зазвучал над головой, из тумана вынырнула огромная тень, прошла мимо меня. Я успел разглядеть плотное круглое тело и беспорядочно мельтешащие ноги.

Октоход двигался совсем рядом, но то ли меня не заметил, то ли я ему не был интересен. Это не могло ни радовать. Передвигался он бесшумно, и я порадовался, что огромная тварь оказалась смирной. Будь этот осьминог-переросток хищником — смог бы подкрасться ко мне без особых проблем.

Туман сгустился сильнее, из-за чего пришлось совсем замедлиться. «Ковер» пробивался через золотистую толщу слабой подсветкой. Каждый шаг нес с собой неизвестность, под ногами то хрустело, то проваливалось, а один раз я и вовсе наступил на кого-то живого. С земли раздался обиженный визг и неразборчивое бормотание.

— Извини, приятель, — сказал я неизвестно кому и поспешил вперед, надеясь, что оскорбленный житель тумана не надумает дать мне сдачи.

Туман впереди потемнел. Сначала я решил, что навстречу движется очередной октоход, но потом понял, что приближаюсь к чему-то огромному и статичному. Спустя минуту чуть ли не носом уткнулся в стену. Присел — у основания преграды отчетливо виднелся черный камень. Я двинулся вдоль стены и вскоре добрался до проема. Разглядеть, что находится за ним, я не мог — туман, заползающий в дыру, выглядел особенно плотным.

— Эй! Есть тут кто? — спросил я без особых надежд.

В проеме что-то двинулось, приблизилось и замерло по ту сторону стены. В золотом мареве отчетливо прорисовалась человеческая фигура. Потом зазвучал голос, но разобрать того, что он произнес, было невозможно, звук шел будто из-под воды и скорее напоминал гудение и бульканье, а не человеческую речь.

На свой страх и риск я протянул руку в проход. Пальцы будто увязли в густом киселе. Я медленно двинулся вперед. Артефакт, спрятанный под одеждой, нагрелся и стал жечь кожу, предчувствуя переход. Когда я нырнул в проход, прижав к груди Азию, чьи-то руки схватили меня в вдернули внутрь...

Оказавшись по ту сторону стены, я все еще продолжал сжимать нову в руках. Оглядевшись вокруг, понял, что нахожусь в небольшом дворе, огороженном по кругу высокой каменной стеной.

Сквозь проход меня проталил незнакомец. Это оказался старик, невысокий, крепкий и совершенно седой. На нем были надеты рабочий балахон и фартук из рогожи. На круглом и буром, как картошка, носу сидели заношенные очки с толстыми линзами.

— Это кого же принесло в мою потаенную обитель? Смею предположить, юноша, что ты человек, а не какая-нибудь хитрая тварь, принявшая людской облик?

— Я человек, — поспешил успокоить его я, не желая, чтобы меня приняли за обернувшегося монстра.

— Да вижу, я, вижу, — улыбнулся сквозь бороду незнакомец. — Только человек может пройти сюда через лесную границу, октоходам и шкварникам этого не дано, даже блуждающие огоньки так не могут, да что там, даже хитрый оборотник вряд ли сумеет сюда просочиться.

— Это радует.

— А это кто у тебя на руках? Неужто нова?

— Нова, — кивнул я, — и ей срочно нужна медицинская помощь.

— Н-да, дела, — задумчиво вздохнул старик, разглядывая бездыханную Азию, — неси-ка ее вон туда, — он указал на неприметную постройку из камней и глины.

Жилище старика выглядело аскетично лишь снаружи. Внутри было чисто и светло — под выбеленным потолком горел большой газовый шар. Все стены скрывались за стеллажами на которых теснились книги и коробки с каким-то инструментом. На широком низком столе валялись свернутые листы с чертежами и записями.

Я аккуратно опустил Азию на стоящую у стола скамью. Внимательно приглядевшись с облегчением обнаружил, что пар от нее больше не идет. Нова и без того выглядела неважно: от крыльев остались жалкие лохмотья, а кожа на руках и ногах прорвалась местами, оголив тонкие провода усилителей.

— Вы можете ей помочь? — я требовательно посмотрел на старика.

— Посмотрим, что можно сделать. Эта нова сильно пострадала — ее крылья полностью разрушены, мышечная ткань повреждена, и большинство усилителей выведены из строя.

— Так помогите ей, вы ведь... Механик.

— С чего ты это взял, незваный гость? За такие слова я мог бы выдворить тебя обратно за стену к октоходам.

— Простите, если сказал вам нечто обидное.

— Обидное? Нет, не обидное. Просто ты напомнил мне о том, что я давно пытался забыть.

— Вы хотели забыть, что вы Механик?

— Не совсем, — ответил старик со вздохом и зашелся болезненным кашлем.

Дождавшись, когда он закончит, я вновь повторил вопрос, добавив в конце:

— Почему?

— Юноша-юноша, почему-то у вас принято считать, что Механики всемогущие — почти боги...

— Разве это не так? Вы ведь создали этот мир, все пути и Дома.

— Мы никогда не были господами мира, а напротив, верой и правдой служили ему.

— Вы создали Дома и дороги — всю систему, дающую людям возможность выживать в адском лесу. Зачем же забросили это дело? Начатые дела надо доводить до конца, иначе найдутся умники, способные обернуть все в собственную пользу.

— Золотые слова, нежданный гость. Человек — странное существо. Ему всегда мало того, что он имеет.

— Так что же вы сидите? Прячетесь тут за непролазной стеной? Не хотите вылезти из вашей дыры и явить людям силу Механиков?

— Нет. Наше время давно прошло, теперь люди должны справляться с проблемами.

— Вы готовы оставить человечество без помощи и поддержки? Разве это честно?

— Честно. Люди сами изгнали нас за лесную границу.

— Изгнали? — не поверил я. — Почему? Вы ведь создали Дома и дороги, защитите человечество от кровожадного леса.

— Не совсем так, мой гость. Не совсем так...

— То есть? — недоверчиво уточнил я.

— Несколько веков назад этот мир не был разделен на пути и лес. Существовало единое

пространство, в котором не водилось чудовищ и монстров, тех самых, что живут теперь за границами дорог.

— И что произошло? — поинтересовался я недоверчиво, не слишком понимая, к чему клонит загадочный собеседник.

— Проблема этого мира в том, что он слишком мал и тесен. Желая захватить как можно больше земли люди стали уничтожать лес, совершенно забыв, что без него невозможно равновесие, а значит и сама жизнь невозможна.

— То есть вы утверждаете, что не лес опасен для человека, а человек для леса? В такое трудно поверить.

— Трудно, — задумчиво улыбнувшись, кивнул старик, — но такова правда. Мы попытались защитить лес от людей, подарив ему новые формы жизни — живучие и сильные. Это оказалась плохая идея — лес заполонили чудовища, орды которых ринулись в города, уничтожая все на своем пути, и тогда мы приняли решение — отделить людей от леса.

— Вот оно что, — сказать, что я был поражен, значило в тот момент не сказать ничего. — Все это безусловно интересно, но меня сейчас больше волнует ее судьба, — я указал на нову.

— Тяжелый случай, — с видимым сочувствием покачал головой старый Механик. — Как я уже сказал, повреждений слишком много.

— После того, что услышал, я не поверю, что вы не сможете помочь ей!

— Иногда проще создать новое, чем восстановить утраченное, — устало вздохнул старик, — но никто не запретит мне попытаться. Новы сильные существа. Если отделить от нее все поврежденные части, посмотрим, что останется.

В полу обнаружился люк. Старик открыл его, нажал спрятанный под крышкой рычаг, выпуская во тьму узкие ступени раскладной лестницы.

— Прощу, — пригласил коротко, но я не спешил спускаться в неизвестность.

— Что там?

— Моя лаборатория. Я, конечно, давно ей не пользовался, но, как говорится, за неимением лучшего...

— Вы гарантируете, что она выживет?

— Таких гарантий я дать не могу.

Я решительно посмотрел на Механика.

— Если с ней что-то случится...

— Нет смысла угрожать мне, — перебил старик. — Я сделаю, что могу, независимо от твоих угроз, но гарантировать положительный результат не получится, как бы тебе того ни хотелось... Как бы мне ни хотелось того.

— Ладно, — кивнул я, крепче прижимая к себе Азию, — обещайте, что сделаете все возможное.

— Я обещаю. А теперь неси ее вниз.

Следом за Механиком я спустился в подвал. Под низким потолком вспыхнули чередой несколько больших газовых шаров, освещая белый пол и глянцевые светлые стены, вдоль которых тянулись закрытые стеллажи с многочисленными отсеками. Посреди лаборатории находился огромный стол, похожий на операционный, только в несколько раз больше. На таком при желании можно было разместить человек пять.

— Клади ее сюда, — по-хозяйски распорядился старик, кивая на этот самый стол.

Я осторожно опустил Азию, поразившись, какой она стала легкой. Слишком легкой, невесомой. Я даже не почувствовал, стало ли легче от того, что она теперь не на моих руках.

Оказавшись на твердой плоской поверхности, нова судорожно вздохнула и принялась хватать ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Потом она замерла, недвижимая, как статуя. Если бы не слабые движения груди, можно было решить, что она умерла.

— Делайте что-нибудь, скорее! — крикнул я старику.

Он не торопясь оглядел нову, потом, пробормотав свое многозначительное «н-да-а», почесал голову и молча указал мне на дверь.

— Даже не думайте! Я остаюсь.

— Нет. Я привык работать один. Тем более, что ситуация серьезная, а я уже давно не практиковался в подобных делах. Если хочешь, чтобы твоя подруга осталась в живых — не мешай.

— Ладно, — нехотя согласился я, — но я буду рядом.

Последние слова прозвучали грозно, но старый Механик лишь устало вздохнул.

Я вышел во двор и сел, привалившись к стене жилой постройки. Ожидание — дрянное занятие. А еще дряннее, если ожидаешь чего-то важного. Если результат этого самого ожидания зависит не от тебя, и на кону стоит чья-то жизнь. Хреново. Хреново ощущать себя беспомощным, когда хочешь помочь. А еще хреново не доверять тому, от чьей легкой руки зависит жизнь важного для тебя человека...

Что остается? Надеяться? Что-то не очень хорошо это у меня выходило. И пусть я никогда не был пессимистом, где-то в глубине души меня терзал страх, что с Азией может случиться что-то... Черт, я даже думать об этом не хотел, снова и снова загоняя дурные мысли в подсознание. Я твердил себе «ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО». Твердил до тех пор, пока сам не поверил в это.

Искренне уверовав в удачу старого Механика (да, кстати, он же почти бог в конце концов), я решил подумать о том, о чем надо было подумать уже давно, но все как-то времени не находилось — погони, тренировки, битвы, так сказать! Мои старые воспоминания.

Прокрутив в голове все, что я вспомнил за последнее время, я восстановил довольно четкий кусок своей прошлой жизни. Четкий, но слишком короткий — я с друзьями еду на дачу, там меня кусает собака, я иду к ее хозяину и он, без моего согласия, закидывает меня сюда.... Не густо, конечно, но уже что-то. А самое главное — я четко осознаю, что «тот» мир, вовсе не иллюзия. Я помню его в деталях, я знаю эти детали, прекрасно понимаю, что они значат, ведь я сталкивался с ними сотни раз — приставки, телефоны, автомобили, телевизоры... А еще, в «том» мире нет и никогда не было Домов и дорог. И лес — это просто лес — куча растущих вместе деревьев...

Ладони кольнуло, и на миг мне показалось, что под кожей вновь блеснуло белым. Это ощущение не покидало меня с момента, когда я «ожег» касанием Музу.

Я уставился на свои руки: ничего в них особенного вроде — загрубевшая от мозолей кожа, местами стертая, местами задубевшая. Магии в этих руках не водилось отродясь.... Но как-то же я эту тварь ухватил?

Я посмотрел на жилище Механика. Никто не выходил оттуда уже несколько часов. Чертово ожидание! Я взглянул на небо — все время моего пребывания в этом оазисе оно ни разу не изменило своего цвета. Матово-серое, ни дневное, ни ночное, ни утреннее, ни

вечернее. Какое-то никакое. Казалось, что за этим небом, укрытым плотными, непроницаемыми облаками, вовсе не существует солнца.

За ожиданием я не заметил, как уснул. Просто вырубился в один прекрасный миг. Некоторое время я грезил наяву. Мне казалось, что каменные стены острова раздвинулись, попуская внутрь огромного октохода. Монстр прошел мимо меня и, сжавшись до размеров собаки, нырнул в жилище старика.

Я моментально очнулся, закрутил головой, соображая, что просто задремал и никаких октоходов рядом, по крайней мере с моей стороны ограждения, нет. На всякий случай я подошел к стене и провел по ней рукой. Ладонь вновь неприятно защемило, и я убрал руку, почувствовав затылком взгляд в спину.

— Что с Азией? — спросил, обернувшись на старика.

Механик выбрался, наконец, из своего подземелья, и стоял теперь, щуря от скудного света близорукие глаза.

— Она жива.

Этого мне было достаточно. Жива! Это главное. Самое главное сейчас....

Азия лежала внизу на столе. Ее лицо осунулось, а вокруг глаз пролегли густые черные тени. Кожа новы приобрела болезненный синий оттенок, и вены проступили сквозь нее замысловатым узором. Да уж, выглядела Азия неважно.

Основная часть ее тела скрывалась под белой простыней, по красным пятнам на которой я догадывался, что операцию ей пришлось перенести нелегкую.

— Она спит, — заметив на моем лице недоверие, пояснил Механик. — Я сделал все возможное. Придется ждать несколько дней, прежде чем можно будет сделать какой-либо положительный прогноз.

Нет ничего хуже закрытого пространства. Чувствуешь себя, как паук в банке, как хомяк в клетке, как таракан в спичечном коробке. И вот ходишь из угла в угол, маешься...

Я не ходил — бегал кругами, вокруг жилища. Тренировка — всегда полезное занятие, и время убивает как ничто другое. Однако одним бегом я решил не ограничиваться. Несмотря на то, что старый Механик не особенно жаждал беседовать со мной, я кое-как разговорил его и попросил рассказать о старинных машинах: лифтах, подъемниках, паромобилях — всем, что мне удалось встречать на пути. Потом, не особо рассчитывая на успех, поинтересовался насчет той самой машины, о которой рассказывал Дрейк.

Услыхав про нее, старый Механик покачал головой и развел руками, дескать, машина была, но куда она делась теперь — одному небу известно. Как-то неуверенно он это сказал, явно недоговорил что-то. Да и мне не очень-то верилось, что старик, неплохо осведомленный (как я понял из нашего диалога) о том, что по сей день происходит на дорогах и в Домах, ничего не знает о таком важном механизме. Создание дорожных камней — это вам не шутка. Это как минимум мировое господство...

Я снова попросил Механика рассказать мне о машине, если он все-таки что-то знает про нее, но он лишь повторил вновь:

— Одному небу известно — где она.

— Значит, она существует? Это точно?

— Могу подтвердить лишь то, что такая машина существовала, но потом была утеряна, или спрятана.

— Вы слышали о повстанцах и их предводителе Дрейке? Он говорит, что его дед

отыскал чудомашину, но потом вновь спрятал.

— То что спрятано человеком, всегда под силу найти другому, — задумчиво пробормотал Механик, — ну, по крайней мере, так говорят....

Глава 14. Последний Механик

Механика звали Сириусом. Свою фамилию он не назвал, представился одним именем. Этот престарелый отшельник жил на острове давно. Он пришел сюда много лет назад и, обнаружив посреди туманного поля кусок заваленной булыжником земли, построил себе жилье и обнес его стеной. Дорожные камни он принес с собой и укрепил ими стену.

Как оказалось, у старого Механика был свой ходячий дом, такой же, как у бродившего по болоту Илая. Он показал мне остатки древней машины, брошенной за границей острова. Приехав на ней сюда, Сириус твердо решил, что остров станет его пристанищем до конца жизни.

Ничего о других Механиках он не знал. Говорил, что почти всю сознательную жизнь провел один в пути. Как я понял, его ходячий дом был гораздо совершеннее того, что посчастливилось мне посетить. Судя по рассказам старика, машина была крутая, жаль, что теперь она превратилась в бесполезную кучу лома.

Я дошел до нее, используя Артефакт, но ничего полезного для себя не обнаружил. Вернувшись к Сириусу, сидящему в лаборатории рядом со спящей Азией, спросил, по какому принципу машина передвигалась. Выслушав мое предположение о встроенных в «ноги» дорожных камнях, Механик лишь усмехнулся:

— Голь на выдумки хитра, но нет. Для передвижения я использовал упрочняющий камень.

— Что? — переспросил я.

— Упрочняющий камень, такой же, как у тебя, — кивнул на туман Механик.

— Артефакт что ли? — озвучил я догадку.

— Он самый.

— Я получил его, как Камень Пути — могучий Артефакт, дающий возможность передвигаться по лесу независимо от дорог.

— Это лишь одно из его свойств, надо сказать, не самое важное.

— Что же может быть важнее?

— Для тебя может быть и ничего. Но мы использовали уплотняющие камни, чтобы придавать особую прочность различным материалам, а еще, чтобы отличать своих от чужих.

— Как это?

— А ты разве не слышал легенду про то, что Камень Пути подчиняется только Механикам?

— Не слышал, — честно признался я, уточнив, — я слышал, будто его хранят Воины Пути, а еще, что его нельзя отобрать силой.

— Это лишь части правды.

— То есть?

— Послушай меня, молодой человек. Все те, кого вы называете Механиками и Воинами Пути — это пришельцы из других миров, существа по сути чуждые миру этому. Попав сюда однажды, мы образовали сообщество, в которое вошли люди и нелюди — самые разные создания из самых невероятных земель. Какое-то время мы жили единой общиной,

раздумывая, что делать дальше. Мы провожали в небытие стариков и принимали в свои ряды новых пришельцев. Мы знали и умели многое, но никак не могли решить одного — что нам следует делать в этом мире. К общему решению мы так и не пришли, и наша община раскололась. Так появились Механики, те, кто решил принести в этот мир науку и прогресс и Воины Пути, те, кто отправился в путешествие по дорогам Нового мира, желая отыскать путь домой...

— Что было потом?

— Потом? Постепенно все порталы, ведущие в новый мир, закрылись, а что было дальше, ты знаешь — последние Механики разделили Новый мир на лес и дороги, я ведь уже говорил тебе об этом.

— Говорили, — задумчиво кивнул я, пытаюсь рассортировать по полочкам все услышанное.

Теперь меня мучил один вопрос, и я не замедлил задать его:

— Выходит я такой е как вы?

— Выходит так, — уклончиво произнес Сириус. — Твой камень тому в подтверждение.

— Ясно, — кивнул я, раскладывая в голове все имеющиеся части ментальной головоломки, решив подумать обо всем этом на досуге.

Интересная история вышла. Механики, Воины Пути, и все они по сути такие же как и я попаданцы. Но сейчас это не главное. Главное — Муза — враг номер один. Итак, что у нас имеется: уплотняющий камень и жуткий монстр, охотящаяся за ним. У твари броня из самого прочного материала в мире. Значит, надо думать, что камень-Артефакт нужен ей для лесных путешествий — и тут все ясно, ведь судя по воспоминаниям Дрейка, наша Муза охотится за спрятанной в лесах машиной Механиков. Машиной, создающей дорожные камни, кажется, из земли?

Зачем они ей, камни эти? Ей что, дорог мало? Конечно, дороги — это власть.... Для какого-нибудь захолустного Управителя, типа нашего старого друга Клиффорда, да. Но никак не для бессмертного непробиваемого существа, умеющего морально поработать людей и принимать любые личины. Нет, что-то тут не то, слишком уж коряво все и поверхностно...

Оставив Сириуса и наблюдать за состоянием новы, я вышел из подземелья и остановился перед стеной, глядя на черные камни в ее основании. Охота Музы не давала мне покоя. Зачем ей машина...

Мысли плясами в голове и сквозь них то и дело проблескивали яркие всполохи идей. Они, как мухи, кружили совсем рядом, но поймать их слету мне никак не удавалось. Дорожный камень и брильянтовая броня, дорожный камень и бриллиант... Я снова внимательно присмотрелся к большим черным булыжникам, на которых покоилась стена, и в голове как молния высветилось на миг единственное слово — «углерод».

Если дорожный камень — это модификация углерода, например, какая-то разновидность графита, то при определенных условиях из него можно получить алмаз. Не этого ли добывается Муза, ведь после последней нашей встречи ее идеальная броня несколько прохудилась.

Может я вовсе не первый, кто сумел нанести ей подобные увечья? Вот она и ищет теперь, чем залатать свою драгоценную шкуру. И если машина механиков производит графит из находящегося в земле углерода, то, возможно, она может преобразовывать его и в алмазы. С помощью какого-нибудь Артефакта, например...

Стоп! Я разочарованно помотал сам себе головой. Нет, это уже какая-то средневековая алхимия с философскими камнями получается. А, хотя... Камень Пути ведь по словам Механика может уплотнять материю. А что надо для получения алмаза? Насколько помню, необходимо создать огромное давление. И если мы уплотним металл, из которого состоит машина, она сможет выдержать любое давление, и ее не разорвет на куски... Вот оно значит, что....

Желая проверить догадку, я вновь поспешил к Механику, но он не стал со мной беседовать, указав на спящую Азию:

— Следи за ней, а я пойду наверх, нужно отыскать там кое-какие лекарства.

Азия спала на послеоперационной кровати-каталке. Спала крепко, совершенно неподвижно, так, что даже дыхание не было заметно глазу. Я сел на стул рядом и стал наблюдать за ней, пытаюсь отыскать в бездыханном на первый взгляд теле признаки жизни.

Бледное лицо, посиневшие губы, волосы, рассыпанные по подушке светлыми гибкими змеями. Тонкая простыня красноречиво обволакивает все изгибы тела. И даже беглому взгляду заметно, что тело новы сильно изменилось, стало уже, меньше и худощавее. Исчезли гипертрофированные мышцы, будто здулись, подобно надувным шарам.

Сидя подле нее я думал, как она переживет эти физические изменения, решив со своей стороны сделать все возможное, чтобы поддержать ее.

В памяти возникло уродливое, нечеловеческое лицо Музы, ее блистающие щупальца, завивающиеся в воздухе кольцами. «Не помнишь, зачем явился сюда?» — странный вопрос, даже при моем привычном склерозе. Что эта тварь знает про меня такого, чего я сам не ведаю? Почему Муза уверена, что я пришел в Совет за ней? И о какой миссии все-таки шла речь? Что-то подсказывало мне, что это была не очередная путаница с дрейковыми разведчиками. Муза говорила уверенно и конкретно, да и не похожа она на того, кто часто заблуждается...

Оторвав меня от размышлений, Азия пошевелилась. Потом раскрыла глаза на несколько секунд, прошептала что-то беззвучно и вновь провалилась в небытие....

И все же она отошла после операции достаточно быстро — через пару дней уже стояла на ногах. Пусть не слишком уверенно, но все же стояла. Говорить нова начала не сразу, еще несколько дней молчала, но в глазах ее серела какая-то жуткая, опустошительная тоска.

Я хотел бы сказать ей что-то одобряющее, но что тут скажешь? Врать, глядя в глаза, про то, что все будет круто, раны заживут, а утерянные крылья материализуются из воздуха, как-то не хотелось.

На четвертый день выздоровления нова заговорила. Она попросила у Сириуса воды и пила долго и жадно. Напившись, стала расспрашивать о последних событиях. Я рассказал обо всем — начиная с невозвращения и заканчивая операцией.

Азия держалась молодцом. Она всячески дела вид, что с ней ничего не произошло, и только тоскливый больной взгляд выдавал ее истинное состояние. Мне хотелось подбодрить ее, но первые попытки чуть не возымели обратный эффект.

Слава богу, она хотя бы согласилась выйти на свет из сириусова подземелья.

— Я чувствую себя ущербной калекой, — сказала тихо, когда мы стояли во дворе, перед входом в постройку, и смотрели, как в поднимающемся над стеной тумане медленно бродят огромные октоходы.

— Да брось, Азия. Быть обычным человеком не так уж и плохо. Ты ведь и сама не сразу стала новой, была когда-то просто девушкой, — я попытался ободрить ее.

— Я этого не помню. Ни одна нова не помнит своего человеческого существования. Может, его и не было вовсе? Может, это просто выдумка, будто нов делают из людей? — глаза Азии горестно сверкнули.

— Именно из людей и делают, — не согласился я. — Спроси у Сириуса. Он — Механик, и подтвердит наверняка.

— Какая теперь разница... Теперь все кончено.

— Ничего не кончено. Ты жива и здорова, значит, надо идти дальше с тем, что имеешь.

— Что толку идти? Я даже меч свой поднять не смогу. Идти вперед, значит, искать новые приключения, сражаться. Разве нет?

— Да, — утвердительно кивнул я, — только, чтобы сражаться, вовсе не обязательно махать твоим мечом. Подумай, из всей нашей команды никто кроме тебя твой меч даже поднять не сможет, — вспомнив, как мы с Адькой тащили по очереди тяжеленное оружие, исправился, — если и поднимем, то промахать им долго точно не сумеем. И сражаемся ведь как-то...

— Тебе не понять, Жила, — Азия посмотрела на меня задумчиво и грустно. — Новы привязаны к своему оружию — это необъяснимая связь.

— Забудь о ней. Забудь о том, что ты нова — это в прошлом. Думай о том, что теперь ты свободна.

— От чего свободна?

— От службы Великому Управителю, например.

— Что в этом хорошего?

— Что хорошего?! Ты еще спрашиваешь! Все время до этого ты боролась плечом к плечу с теми, кто искал свободу — с ополчением в Дурнодомье, а потом с повстанцами Дрейка. Нет ничего важнее свободы.

— В этом мире не может быть свободы. Он слишком мал для нее — крошечные островки Домов, да нити дорог, куда ни пойдешь — везде будет либо тупик, либо знакомый путь, которым ты уже ходил.

— Не везде, Азия. Вспомни про Тракты Изменений, что постоянно перерисовывают карту местности, вспомни про окраины, такие, до которых еще никто не доходил, попробуй взглянуть за горизонт... Не зря Плега отправил меня и других путников на поиски новых путей.

— Все равно мир тесен, а новых дорог мало...

И тут меня понесло:

— Значит, мы построим их — новые дороги! Отыщем машину Механиков и построим. А по поводу меча не волнуйся, он тебе не понадобится.

Подобного картинного пафоса я и сам от себя не ожидал, но пылкая речь кажется возымела на депрессирующую нову положительный эффект, хоть она и пыталась всячески это не показывать:

— Не слишком обнадеживающая новость, — Азия чуть заметно улыбнулась, не сдержавшись.

— Есть много оружия и помимо твоего меча, а еще у тебя есть ноги и кулаки, и, если хочешь, я научу тебя правильно с ними обращаться.

Решив продемонстрировать собственную решимость, я двинул с правой по стене постройки. В момент соприкосновения кожу обожгло, и по коже прошла волна серебристых искр.

— Что за... — я уставился на собственный кулак, глядя как на костяшках красноречиво поблескивает знакомая брильянтовая пыль. — Откуда она здесь?

Азия подошла и аккуратно коснулась моей руки, перевернула ее ладонью вниз и провела пальцем по коже. Ее прикосновение оказалось обжигающе холодным.

— Она теперь в твоих руках, прямо в коже.

— Броня Музы, — догадался я, — так вот что вышло! Прикоснувшись к бриллиантовой броне, я ассимилировал ее. Часть защиты чудовища перешла ко мне.

Глава 15. Шагоход

Я решил не затягивать с поисками создающей дорожные камни машины и на следующее утро собрался пойти в лес.

Проснулся рано и хотел уйти по-тихому. Благо в надземной части сириусова жилища я кантовался один. Азия большую часть времени находилась в специальной капсуле, помогающей ее ранам скорее зажить.

Сириус, кажется, вовсе не спал. По крайней мере я его спящим не видел. Он все время делал что-то в своей лаборатории.

Выбравшись на улицу, я подошел к проему в стене, густо затянутому туманом. Его белое полотно выглядело плотным и непроницаемым. Я при желании не смог бы разглядеть, что происходит сейчас по ту сторону стены. Туман почти полностью гасил звуки. Через белую толщу пробивались иногда тоскливые поскрипывания октоходов и тут же растворялись в небытии.

При приближении к границе Дома Артефакт начал слабо светиться. Под ногами вновь образовался световой квадрат, но пока что он был едва заметен. Стоило предположить, что полную силу уплотняющий камень наберет уже в лесу за обочиной.

Пока я всматривался туман, со спины бесшумно подошел старик-Механик.

— Решил все-таки отыскать машину? — спросил он скептически. — Ну-ну.

— Есть какие-то проблемы?

— Не то, чтобы проблемы, только я не советовал бы тебе долго бродить по лесу вот так, без защиты.

— Разве камень не защитит меня? — уточнил я.

— Защитит, но не от всего, — Сириус махнул рукой, указывая через стену. — Ты пришел сюда со стороны Изначальных Домов, а вокруг них лес слабый. Живность в нем мелкая, редкая и пуганая.

— Мелкая, — я помолчал несколько секунд, прислушиваясь к отдаленному глухому голосу октохода. — А эти как?

— Октоходы? Они мало интересуются людьми, да и вообще всем, что попадает на их территорию со стороны дорог и Домов, зато не переносят большую часть других лесных тварей.

— Теперь ясно, чем обоснован выбор местоположения острова. Октоходы охраняют его, как сторожевые псы, — предположил я и угадал.

— Вроде того. Главное, что здесь тихо и спокойно, в каком-то смысле этого слова. Но речь не об этом. Ты, кажется, хотел знать, чем опасен лес?

— Это было бы полезно.

— Так вот, тот факт, что ты добрался в открытую до сюда с помощью одного лишь

уплотняющего камня — счастливая случайность. Я ведь показывал тебе ходячий дом — шагоход, на котором сам когда-то путешествовал. Знай, для длительного передвижения по лесу тебе понадобится нечто подобное.

— Ничего подобного у меня нет. Значит, придется обходиться тем, что есть.

— Не придется, — старик хитро улыбнулся, глядя на меня сквозь толстые линзы очков. — Я помогу тебе.

— Как?

— Мы попробуем отремонтировать шагоход.

Как говорится, сказано-сделано. Воспользовавшись уплотняющим камнем, я и Сириус вышли из-за стены и двинулись сквозь туман к изломанной «туше» шагохода.

Он лежал в тумане, похожий на холм или груды гигантских валунов. Возле него голенастыми высокими тенями стояли два октохода, но увидав приближающихся людей, они недовольно загудели и не спеша побрели прочь.

Возни с ремонтом оказалось немерено. Провозились мы, наверное, неделю, а может и больше. Основную работу делал Сириус, а я помогал ему по принципу «принеси-подай». По возможности я как мог вникал в процесс, стараясь запомнить все тонкости и особенности ходячей машины.

Спустя восемь дней шагоход обрел жизнь и смог подняться на ноги. Ног этих у него имелось шесть. Внешним видом обновленный механизм напоминал среднего октохода, он даже двигался похоже — медленно и плавно, чуть поскрипывая и гудя.

Уловив сходство, я придумал кое-что и поделился мыслью с Сириусом. Идея заключалась в том, чтобы замаскировать ходячую машину под октохода. Механику идея понравилась.

Побродив в тумане, я отыскал тушу погибшего монстра. Судя по страшным ранам на его теле, становилось понятно, что гигантский зверь стал жертвой какого-то еще более жуткого чудища. Ноги бедолаги были перекусаны пополам, а на теле виднелись следы, похожие на следы присосок.

Вооружившись несколькими видами резаков, пилой и топором, я снял с октохода кожу и оттараканил ее на остров. Шкура своими свойствами напоминала резину. После обработки дубильным раствором она немного села, но эластичность сохранила.

На законный вопрос — чьей же жертвой стал несчастный октоход, Сириус нахмурился и предположил, что монстра убила гигантская пиявка — неприятная тварь, живущая под землей. Я видел такую однажды на картинке — в памяти возникло длинное чудище с двумя головами — каждая на своем конце тела. Две головы — две пасти. В одной крепкие зубы, способные переломить как прут даже твердую кость октохода, в другой присоска и тонкий хоботок, чтобы вытягивать соки из тела жертвы. По сравнению с таким монстром даже огромные шкварники котятками покажутся...

Пришлось приложить немало усилий, чтобы обтянуть октоходовой кожей ходячую машину Сириуса. Но результат превзошел ожидания — теперь шагоход здорово походил на живое существо. От настоящего октохода его отличало только меньшее количество движущих конечностей. Плюс ко всему, в машине обнаружилось несколько колдовских артефактов, создающих магическую защиту и морок невидимости.

Теперь дело было за малым — научиться управлять всем предоставленным великолепием. Все тонкости передвижения на шагоходе мне в подробностях объяснил

Сириус. Управление оказалось не слишком сложным — умная машина могла двигаться на автопилоте, а вот за паровым котлом нужно было следить крайне внимательно.

Итак, я был полностью готов к поиску тайной машины. Готов и морально и технически, не хватало лишь одного — хоть каких-то намеков на местоположение искомого. Вернее кое-какой намек имелся — убежище, построенное дедом Дрейка. Ведь добирался же он как-то до преобразователя? Значит, путь где-то был? И скорее всего он вел из искусственного Дома. Откуда еще?

На словах и в догадках все выглядело ясно, но жизненные реалии намекали на обратное. Если Муза со всеми ее приспешниками и магами до сих пор не отыскала преобразователь, значит, не все так просто, как кажется... Ладно. Все равно проще разобраться на месте, чем прикидывать и предполагать издалека. Да и загостился я у Сириуса, пора и честь знать.

Узнав, что я собираюсь покинуть остров старого Механика, Азия просияла. Улыбка впервые за долгое время озарила ее лицо, что несказанно радовало.

— С крыльями или без крыльев — я должна сражаться, — заявила она Сириусу, потребовав снабдить ее оружием.

Старый Механик только руками развел:

— Я человек мирный, все, что имелось на шагоходе сейчас лежит на складе в лаборатории, но там вряд ли найдется что-нибудь для тебя.

— Покажите. Я без оружия, как без рук, — настаивала Азия, и Сириус сдался.

На складе отыскалась пара покореженных мечей и копий. Их вид привел Азию в уныние.

— Это не мечи — ножи кухонные! — с досадой бросила она, в надежде глядя на Механика. — Неужели на всем острове не найдется ни одного достойного клинка?

— Есть один, — нехотя признался старик.

Он подошел к большому стальному ящику и, открыв замок, вынул из него широкие короткие ножны.

— Можно взглянуть, — даже не видя содержимого, Азия затаила дыхание.

Сириус передал ей ножны, в которых оказался короткий клинок с составным лезвием. Подобное оружие имелось у Гидры — его знаменитый меч, способный превращаться в хлыст.

— Откуда он у вас? — тут же поинтересовался я, и Азия, видимо, хотела спросить то же самое.

— Это мой меч. Я сам его сделал.

— Вы сделали только один такой? — уточнил я.

— К сожалению, не один. Много лет назад я имел неосторожность передать такой же меч одному человеку, о чем потом пожалел...

Загрузив в шагоход все необходимое, мы с Азией попрощались с Сириусом и по памяти двинули в сторону искусственного Дома Дрейка. Нужно было попытаться отыскать путь к преобразователю, а также выяснить, чем закончилась битва, что произошло с остальными. В особенности меня беспокоило то, что случилось с Лютой и Адькой.

Я не питал особых иллюзий, просто искренне надеялся, что повстанцы все же сумели отбиться от Музы, но когда шагоход остановился возле знакомой тропы надежды мои тут же рухнули.

Первое, что я увидел — полуразобранный заслон из камней и бревен, за которым стояли

наши стрелки. Перекидных мостов на прежнем месте не оказалось. Противники забрали их — еще бы, раскидываться лишней раз драгоценным черным камнем Муза-Ольвион похоже не собирался.

Я включил магическую защиту, заставив огромную машину подогнуть ноги и улечься брюхом на губку ягеля, возле самой лесной границы. Маскировка сработала моментально — шагочод затянуло туманом, который уплотнился вокруг него, придав механизму вид старого замшелого валуна.

Открылся люк и через обочину перекинулся узкий трап. Мы перебрались по нему на укрытые мхом камни потайного Дома.

— Здесь никого нет, — внимательно прислушавшись к тишине, сообщила Азия. Все разрушено.

— Вижу, — кивнул я, разглядывая развороченные потайные ямы-ловушки и виднеющиеся впереди руины — все, что осталось от четырехэтажной постройки убежища.

Я бегло огляделся — ни одного тела вокруг видно не было, к счастью, а может и нет. Помнится во время дозора в Дурном Доме происходило также — враги утаскивали всех, кого могли. Узнавался почерк Ольвиона, или Музы, прячущейся в его шкуре.

Осторожно, стараясь вести себя максимально тихо, я обыскал Дом, вернее то, что от него осталось. Азия осталась недалеко от спрятанного шагочода — наблюдать за тропой. Не больно-то ей хотелось на стреме стоять, но все же согласилась. Дело ответственное, да и доверия к этим развороченным, перевернутым с ног на голову развалинам ни у меня, ни у нее особого не возникало.

Шаг за шагом, медленно, аккуратно, я обошел ямы и даже заглянул в одну из них. На дне валялся арбалет измазанный пятнами темной крови и куски изорванной одежды. На укрепленных досками стенках ямы виднелись несколько отпечатков ладоней, тоже кровавых. Похоже раненного повстанца тащили отсюда силой, и он сопротивлялся как мог.

Я еще несколько ям осмотрел, потом добрел до убежища. Его гвардейцы разворошили основательно. Как говорится, камня на камне не оставили, причем буквально. Теперь вместо постройки осталась куча кирпичей, грязи, пыли, поломанной мебели, кусков дерева, черепицы — в общем, целая гора строительного мусора. Тайные переходы под ней если и уцелели — попасть в них с этой стороны не представлялось возможным.

Решив проверить выходы, я дошел до них, замаскированных у самой обочины. Все выходы завалили битым кирпичом. Все отыскали и скорее всего проверили. Точно проверили.

Пока думал, за спиной раздался оклик Азии. Я вскинул голову, занервничал, но тут же успокоил сам себя, будь что серьезное — кричать открыто бы не стала.

Оказалось серьезное. Серьезное, но в нашу пользу. Открылась одна из потайных ям. Счастливая яма, каким-то чудом гвардейцы Управителей ее не отыскали. Почему — не знаю, ведь разнюхали даже подземные ходы, а тут пропустили. Хорошо, что пропустили...

Из ямы потихоньку вылез Бри. Я сразу узнал его ушастую башку. Он выбрался и устался на Азию. Сообразил, видимо, что своя, но изменилась она здорово, чтобы с первого взгляда узнать.

Я окликнул его:

— Эй, Бри! Свои.

— Жила? — повстанец ошарашено устался на меня, будто на призрака.

— Да я это, я, не привидение.

Он напрягся, приняхиваясь и присматриваясь, словно пес, потом нахмурился:

— И правда ты. Плохо дело.

— Не ожидал, Бри, — покачал головой я, — Я-то вот лично рад тебя видеть...

— Плохо, что передо мной уже невозвращенцы по Домам бродят, как неприкаянные, — пояснил он, — видать, от голода мозги скрутило.

— Не скрутило, — успокоил его я, — я во время битвы в лес попал, а теперь вернулся.

— Не может быть, — не верил Бри.

— Может. Это правда я. И Азия, — я кивнул на свою спутницу.

Повстанец с надеждой обернулся на бывшую нову и опять нахмурил брови.

— Не похожа она. Где крылья? Мускулы? Другая она. Что-то не так здесь.

— Вылезай, Бри, мне надо много тебе рассказать.

Решив, что прятаться в яме смысла уже нет никакого, ушастый повстанец с обреченным видом выбрался наружу. Я ужаснулся его худобе — он и раньше не отличался габаритами, а теперь и вовсе высох. Чем он вообще здесь питался все это время?

Тем временем Бри подошел ко мне, протянул руку, толкая в плечо. Убедившись, что перед ним не морок, вытаращил глаза от изумления:

— Значит, Дрейк соврал что ли?

— Насчет чего соврал? — тут же уточнил я.

— Он сказал, что во время битвы тебя и Азию вышвырнули за обочину.

— Не соврал, так и было. Тварь, с которой мы сражались, это сделала.

— Да, Гидра та еще тварь, — понимающе закивал Бри. — Да и Ольвион тоже тварюга подлая! Как-то умудрился захватить Дрейка. Если бы не это — мы бы отбились от гвардейцев. Даже от Гидры бы отбились! Но разве могли мы бросить предводителя? Мы сдались, хоть Дрейк и был против. Он засомневался было в таком решении, но потом Ольвион сказал ему что-то, и он передумал. Сам велел нам сдаться. Уже потом, когда гвардейцы нас разоружали, Дрейк сказал, что Управитель грозился повыбрасывать нас всех за обочину. А еще Дрейк сказал, что Ольвиона нам не победить...

— А почему не победить, он уточнил? — поинтересовался я, пытаюсь выстроить в голове подробную картину того, что происходило после того, как я покинул поле боя.

— Нет, — печально помотал головой Бри. — Но сказал он это с полной уверенностью в голосе. Дрейк уже знал наверняка, что Ольвион нас одолеет, и глаза у него стали в тот момент какие-то пустые, неживые что ли, будто кто-то воли его лишил и веры в победу.

— Ольвион и лишил, — с досадой проворчал я. — И всех в плен забрал, так?

— Всех. Только мне посчастливилось улизнуть, пока пленных через мосты на тропу выводили — я в потайную яму нырнул. И не нашли, хоть все убежище и разрушили. Яма счастливая оказалась.

— И долго ты в ней сидел?

— Долго, я уже дни устал считать.

— А почему не ушел?

— А как тут уйдешь? За остатками завала, чуть дальше по тропе ворота поставили и часовых. Сюда еще несколько раз гидрины ищейки заглядывали, все вынюхивали что-то на развалинах.

— Как же ты выжил? — поразился я. — Что ел?

— Ягель ел. Вон тот, бесцветный, видишь? — повстанец указал мне на чуть заметные пучки мха, проглядывающие вокруг серого валуна. — Еще у нас пара тайников имелась, их,

конечно, переворошили, но продукты не взяли, а так, поразбросали больше, да попортили. Вот я за ними ночью выбирался и сюда, себе в яму стаскивал.

— Ты молодец, — я искренне восхитился находчивостью Бри. — Значит, нас уже трое — почти отряд.

— Все равно не пойму, как вы-то здесь оказались, да еще и так запросто мимо часовых прошли. Вы же не дрались с ними — возню бы я услышал.

— Мы по лесу пришли, — ответил я и, не желая доводить измученного долгосрочным сидением в яме Бри до очередного приступа полного непонимания, разъяснил. — Мы с Азией приехали на шагоходе — машине Механиков, способной передвигаться по той стороне обочины. Так что давай-ка, Бри, собирай свои манатки, если они у тебя здесь еще остались, и едем подальше отсюда, чтобы в спокойной обстановке продумать план дальнейших действий...

Бри не нужно было долго упрашивать. Он подхватил со дна ямы мешок с припасами — в тот момент они представляли для него наиважнейшую ценность, поэтому расставаться с ними он не собирался ни за какие коврижки, и двинул за мной к стоящей у обочины Азии.

Когда с шагохода сбросили морок, Бри от удивления чуть челюсть не потерял. Ничего подобного видеть ему не приходилось. По его словам, в сравнение с этой машиной не шел даже паровой дракон. Ведь дракон, он хоть и дракон, а все равно по лесу бегать не может.

Я сел за штурвал, Азия и Бри расположились позади на креслах, и мы двинули в чащу. Там, на безопасном расстоянии от тропы и Дома остановились и принялись за насущные дела. Сперва накормили Бри и обработали его раны, потом расселись по местам и стали раздумывать, что делать. Пока суть да дело — рассказали старому приятелю про истинную сущность Ольвиона.

— Эта Муза — страшное существо, настоящее проклятье, — возмущался Бри, не переставая жевать припасенные еще в Доме Механика долгохранящиеся пресные лепешки. — И слабых мест у нее будто нет.

— Это только на первый взгляд, — уверенно прищурила глаза Азия. — Жила дотронулся до ее щупальца и оставил на нем раны...

— И прихватил себе часть брони из бриллианта, — добавил я.

— И в невозвращении выжить умудрился, и броню прихватил, и обратно из-за обочины. Ответь, откуда ты такой везучий взялся, а то я ума не приложу? — развел руками Бри.

Я ничего не ответил, подумав о том, что первый раз вспомнил за последнее время про свое прошлое. В этом мире я всего лишь гость и всегда им был. Хотя, гость ведь в любой момент может развернуться и отправиться восвояси? А вот я не могу. Пока не могу, а может и не «пока», может я здесь навсегда?

— Скажи как есть, — Азия требовательно посмотрела на меня.

Я не сомневался, она точно знала мои мысли, отчетливо ощущая сомнения и опасения. Что ж, таиться смысла нет.

— Я не из вашего мира.

— Да ладно? — Бри округлил глаза и чуть не уронил на пол кусок недожеванной лепешки. — А ты знала? — он тут же перевел взор на Азию.

— Знала, с самой первой встречи...

Вот она — непосредственность Бри. Он даже сомневаться не стал — поверил на слово. Я бы засомневался, если б какой-то тип начал мне втирать, что он иномирнин...или иномирец... или кто там по правилам великого и могучего должен быть?

С другой стороны — ситуация у нас не та, чтобы обманывать да шутить. И вообще, думать нам надо было не о том, кто откуда и как пришел, а что делать дальше — как выручать попавших в плен друзей.

Думали долго, опять же то и дело прерываясь на еду. Бедняга Бри так оголодал, что каждые пять минут просил что-нибудь еще пожевать. Азия предупредила его, что после длительного голодания объедаться смерти подобно, но Бри заявил, что готов умереть за хлебную крошку, и что ей, Азии, его сейчас не понять.

Азия хмыкнула и, пораздумав, нашла решение проблемы — нарезала маленькими кусочками хлебный ломоть. Теперь при каждой просьбе Бри, она выдавала ему один крохотный хлебный кусочек.

Все же еда на повестке дня была не самой важной вещью. Лично меня больше всего волновала судьба Адьки и Люты, да и остальных повстанцев тоже. Кроме них меня волновал Дрейк — что с его мозгами? Они до сих пор под властью Музы, или ему удалось отбиться от ее чар? Знать бы наверняка...

А еще, как узнать, где Ольвион прячет похищенных людей? Где находится его база по добыче черного камня из пленных? Может все в том же подвале Совета? А может еще где? Как эта добыча происходит, думать не хотелось, но знать, сколько времени занимает процесс, и какой срок есть у нас в запасе было бы конечно очень кстати.

Проблему поиска помог решить Бри. Оказалось, что у него и его друга-здоровяка Барни имелись при себе специальные магические амулеты, позволяющие отслеживать местонахождение друг друга. Сперва я усомнился в надежности подобных штучек-дрючек. Не верилось, что осторожный, хитрый Ольвион, а тем более Гидра умудряется не заметить подобную ерундовину, да еще и оставить ее пленникам. С другой стороны, чего им бояться? Что для них какая-то маленькая магическая безделушка, да и кому теперь передавать с помощью нее сигналы — всех ведь схватили!

Я отрицательно помотал головой сам себе, вернее своим обнадеживающим размышлениям. Нет, не стоит недооценивать врагов и восторженно надеяться, что, дескать, что-то они вдруг пропустили. Не дураки они, и лишней осторожностью не побрезгают...

— Это не простой амулет, — видя, что я засомневался, ударился в объяснения Бри. — Это разбойничья метка — старинная хитрость.

Не говоря ни слова больше, повстанец закатал штанину на левой ноге и указал на круглый шрам, находящийся прямо под коленкой.

— Что это?

— Он и есть. Амулет, — торжественно заявил Бри. — Давным-давно их маги делали из кусков кожи, на которых вырезали фигуры тайной связи. Амулеты эти очень ценились, и один хитрый вор, не желая при встрече с гвардейцами лишиться такой ценной вещи, попросил мага вырезать тайную связь прямо на собственной коже.

— Хитро, — согласился я. — Тогда стоит попробовать....

Сеанс связи с Барни выглядел странно. Бри уселся на пол, закрыл глаза, поджал к груди колени и плотно обхватил их руками, прижимая ладонями метку амулета. Он сидел так минут пять, потом резко сбросил руки и вскочил, болезненно шипя. Причиной этому стал шрам на ноге, который сильно покраснел и раздулся.

— Связь блокируют. Боятся, гады, будто знают, что мы своих ищем.

— Хреново, если знают, — покачал головой я, мрачно раздумывая о том, действительно ли Ольвион прознал о том, что кто-то из повстанцев остался на свободе.

К счастью, мои сомнения развеяла Азия. Она коснулась ладонью щрама Бри, и отрицательно покачала головой.

— Блок есть, но его создает не маг, не человек.

— То есть? — мы с Бри уставились на нее вопросительно.

— Это мощная магическая блокировка, такая есть только в Изначальных Домах, а вернее в одном — Доме Совета.

— Значит все-таки подвал! — сделал вывод я.

Слава небу, в наших поисках наметилась определенность. Подобно старому коту, Ольвион не собирался менять своего местоположения, и пленных повстанцев наверняка упрятал в свой любимый подвал. Видел я эти катакомбы Совета — в таких можно упрятать целую армию, и никто не узнает, а уж использовать подземелье в качестве тюрьмы, та к это и вовсе прямое назначение. Ну что ж, подвал, так подвал — будем искать!

Глава 17. Смена власти

О машине Механикав — первоначальной цели вылазки я не забыл. Первым делом обыскал искусственный Дом вдоль и поперек. Потом, погрузившись в шагоход, мы все вместе объехали его кругом по лесу. Отследив все пути и подземные выходы, убедились, что ни один из них к потайной машине не ведет.

Решив пока больше на безрезультатные поиски время не растрчивать, мы выдвинулись в сторону Изначального Дома. Шагоход прикрыли густым туманом — и в путь.

Близко к дорогам старались не приближаться — привлекать лишнее внимание было ни к чему. Все это конечно делалось по принципу перебдеть, так как вряд ли кто-то из ольвионовых гвардейцев, густо расставленных на всех ведущих в «столицу» путях, стал бы в чем-то подозревать бродящую за обочиной тварь. Единственное, что могло смутить внимательного наблюдателя, это то, что обычно октоходы не разгуливали вблизи Домов и дорог. Так что туман был обоснован.

Место для «высадки» выбирали долго и придирчиво. Сначала Бри предложил высадиться на какой-нибудь тропинке, прилегающей к основному пути. Подумав, я не согласился. На любой из дорог, пока мы будем находиться на территории Дома, нас смогут отрезать от машины, просто перекрыв путь наружу.

Мысль, высадиться прямо на границе Изначального Дома одобрили все. Только где высаживаться? Нужно ведь так, чтоб не привлечь лишнего внимания? В глаза, так сказать, не броситься? И тут же в памяти всплыла гостиница в трущобах, та самая, где когда-то мы еще вчетвером коротали время по соседству с привередливой Тайрой.

Помнится, что переулочек, в котором находился «Постоялый двор дядюшки Филиаса», выходил прямо к границе, и лес там был густой, тянул ветви к самой обочине, а это значит, что лучшего места для нашего десанта не придумаешь!

Я направил шагоход в обход Изначального Дома. Стараясь держаться на расстоянии, подъехал к трущобам и остановил машину. Нужно было дождаться темноты.

Когда солнце нехотя скатилось за горизонт, вокруг начала пробуждаться жизнь, и лес стал наполняться светом.

Во тьме загорелись холодными фосфорическими узорами спины прибывших из чащи шкварников. Замерцали под ветвями блуждающие огоньки. От этого буйства стало не по

себе. Грела лишь одна мысль — у шагохода прочная броня и толстые стальные стенки, так что ни одна ползучая гадина при всем желании не пролезет внутрь.

Подобравшись к границе Дома вплотную, шагоход выбросил «трап» и застыл, готовый скрыться под мороком камня.

Я перебрался через границу, в знакомый тупиковый переулок, остановился, прислушиваясь к окружающим звукам. Тишина напрягала. Подозрительная тишь для этого района. Будто вымерли все...

Дав знак Азии и Бри пока оставаться на месте, я прокрался по переулку вперед, стараясь держаться в тени построек.

Темные окна первых этажей казались пустыми провалами, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить толстые шторы, задернутые наглухо. В одном окне я все же заметил движение, кто-то смотрел на улицу едва заметно отодвинув край занавески. Ага! Значит, люди тут есть, просто прячутся. И кто же это их так напугал, интересно? Уж не наш ли приятель Ольвион? Или теперь его следует называть Музой?

Вывернув из переулка на извилистую узкую улочку, я вновь осмотрелся — та же тишь да гладь, те же задернутые занавески, плотно запертые двери и никого.

Я вернулся за Азией и Бри. Взяв нехитрые пожитки, мы замаскировали шагоход и потихоньку-полегоньку двинули выяснять, что к чему. Привычный к роли разведчика, Бри бесшумно ушел вперед, а Азия напряглась, остановилась с мучительным выражением на лице.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Голова пухнет от шума.

— Какого еще шума? Здесь тишина, как на кладбище, нет, даже как в библиотеке.

— Когда все молчат и думают одновременно, шум от мыслей, как на базаре, — объяснила Азия.

— Ты до сих пор читаешь мысли? — удивился я.

— Я их всегда читала, до того, как стала новой. Это моё. Мой дар. Я потому новой и стала, что умела в чужие головы залезать и чужое прошлое разглядывать.

— Ясно. Значит, не показалось мне — народ весь по жилищам попрятался и носу не кажет?

— Все здесь, — кивнула Азия, — сидят и боятся.

— Чего боятся-то, не видишь?

— Боятся, что за ними придут. Они ждут...

Не договорив, Азия чутко вскинула голову и посмотрела в сторону улицы.

— Идут? — понял я.

— Да.

Мы спешно нырнули в темную арку одной из построек. Скрывшись за стопкой пустых ящиков, притаились в ожидании. Спустя несколько секунд в начале переулка раздались шаги, вернее не шаги, а дробное частое цоканье.

— Явились, песьи рожи, — неожиданный шепот прозвучал у меня прямо над ухом.

Вернулся Бри. И сделал это, надо отдать ему должное, совершенно бесшумно и незаметно.

— Гидровы Умеющие? — уточнил я у разведчика.

— Они, родимые, шкуры б им посдирать!

Мы замерли за ящиками и просидели там, не двигаясь несколько минут. Когда звуки в

переулке стихли, путь решили продолжить.

Спустя несколько спешных перебежек, мы оказались под знакомой вывеской «Постоялый двор дядюшки Филиаса». Я уже сделал шаг вперед, чтобы двинуть дальше, но так и замер на месте, услышав, как за одним из окон первого этажа едва заметно колыхнулась штора. В темноте мелькнуло лицо, а потом входная дверь отворилась с тихим шорохом.

Хозяина гостиницы — краснолицего толстяка, я узнал сразу.

— Заходите, быстро! — тихо пригласил он.

Приглашать дважды нас пришлось. Оглядевшись, чтобы не оказалось случайных свидетелей, мы прошли внутрь.

Оказавшись в полной темноте, я напрягся, но, спустя секунду, темноту пробил тусклый свет одинокой свечи. Ее держал Филиас. В слабом освещении его круглое лицо казалось темно-бордовым, на стене за спиной плясала расплывчатая бесформенная тень.

— Вы выбрали не лучшее время для прогулки, — с чуть заметной иронией произнес он.

— И не лучшее место, полагаю, — предположил я в ответ.

— Точно подмечено, — медленно кивнул хозяин гостиницы, — по улицам рыскают ищейки, а им лучше не попадаться.

— И в такое время вы рискнули пустить к себе незнакомцев? — вырвался у меня возглас удивления.

— Почему незнакомцев? — хозяин взглянул на Бри, а тот в свою очередь пояснил:

— Этот человек — один из осведомителей Дрейка, раньше он был на стороне повстанцев...

— ... и сейчас на ней остался, — закончил фразу толстяк.

— Хорошая новость, — кивнул я, протягивая руку в знак запоздалого приветствия...

Давно я не был в Изначальном Доме, оказывается. Многое тут изменилось. С чьей легкой руки — додуматься не сложно.

Филиас поведал нам о проделках Музы много всего интересного. Как выяснилось, уже много дней Изначальный Дом находился под властью Ольвиона. По словам хозяина гостиницы после штурма убежища повстанцев Управитель вернулся сюда и сверг Великого Управителя Плего. На законный вопрос — как ему удалось это сделать, ответ оказался предсказуемым, по крайней мере для меня.

— Когда Управитель Ольвион вернулся из похода, он привез пленных повстанцев и их командира Дрейка. Собрав на площади большую часть жителей Дома, Ольвион объявил Плего предателем и сказал, что тот тайно содействует повстанцам.

— И ему поверили на слово? — тут же засомневался я.

— В том-то и дело, что не на слово! — развел руками Филиас. — Факт предательства подтвердил Дрейк.

— Зачем Дрейку предавать отца? — вставила реплику Азия.

— Наш предводитель не мог оклеветать Плего, пусть и считал его противником, а я точно знаю — Великий Управитель с нами не сотрудничал, — с пылом вступился за честь соратника Бри.

— Я бы не стал спорить с тобой, если бы сам не видел, вот этими вот глазами, как командир повстанцев обвинял Великого Управителя на площади перед всем честным людом, — положил руку на сердце Филиас.

— Не может быть, не верю! — мотнул головой Бри.

— Когда мы отбивали от химер дракона, Муза сумела взять под контроль Дрейка, так же как тебя, Азия, — наконец-то настала моя очередь высказаться по спорному вопросу. — Не забывайте все, эта тварь может поработать умы людей, а потом повелевать ими. Значит, Дрейк обвинил Плего не по доброй воле, а потому, что так было нужно нашему врагу.

— В это я поверю, — горестно кивнул Бри, а Азия взволновано спросила.

— Вы знаете, что стало с пленными?

— Говорят, их упекли в катакомбы Совета, — ответил Филиас.

— Знакомое место.

— Точно, — тряхнул ушами Бри, — дом родной!

На душе стало немного легче. Что ж, судя по всему, друзья живы и находятся в подземелье, там, где мне один раз уже посчастливилось побывать. Адька, Люта, как вы там? А Дрейк? Интересно, он до сих пор под властью монстра, и не примеряется ли хитрое чудище теперь к его шкуре? Черт! О таком даже думать не хотелось...

Тем временем Филиас продолжил докладывать обстановку. После того, как сняли Плего и взяли в плен повстанцев, пару дней в Доме царила эйфория. Но она быстро прошла, и ей на смену пришел террор. Среди бела дня с улиц стали пропадать люди. Кто и для каких целей их ворует — гадать не пришлось — черным по белому вырисовывалась знакомая схема, в которой теперь не хватало только демонов и сияния. Теперь все было официально и, так сказать, по велению и распоряжению нового Великого Управителя (сами понимаете кого).

Схема, которую он обозначил, оказалась простой и безупречной. Похищения мирных жителей, по его словам, были делом рук оставшихся якобы на свободе повстанцев. Для их изобличения и ликвидации Ольвион объявил «охоту на ведьм».

Предполагаемых повстанцев теперь хватали среди бела дня без суда и следствия и утаскивали в неизвестном направлении. Теперь под подозрение мог попасть каждый мирный житель Изначального Дома. И попадал — если имел неосторожность попасться на глаза гвардейцам Ольвиона или Гидры.

Именно поэтому Дом и «вымер». Теперь перепуганные жители предпочитали сидеть по своим жилищам и носа не казать на улицу. И если в центре местных светских завсегдатаев еще не трогали по старой памяти и дружбе, то в трущобах ищейки устроили настоящую охоту...

До чего же эта Муза — хитрая тварь! Хитрая и расторопная. Быстро смекнула, что Артефакт после обмена вернулся ко мне, и тут же решила действовать по прежнему плану. Вновь решила добывать дорожный камень из людей — пусть опасно, зато проверено и почти надежно. Тем более что похищения можно теперь валить хоть на повстанцев, хоть на Плего. Дрейк что нужно подтвердит, а если не Дрейк, то кто угодно из его людей. Уж если сам предводитель не устоял перед силой Музы, остальным это вряд ли удастся.

А вот с Плего ведь тварь не совладала. Поработила, охмурила, но он очнулся как-то от ее чар. Жаль теперь эта способность ему не поможет — Великий Управитель свергнут, и Музе он скорее всего уже не нужен, тем более, что во власти теперь его сын.

Я нахмурился, главное сейчас — не терять времени. Кто знает, долго ли пленников продержат в подземелье Совета? Не пустят ли первыми на производство черных камней? Не должны. С имеющимся способом добычи, или нет, для получения бриллиантов Музе необходим преобразователь. Повстанцы единственные, кто был связан с бесценной машиной. Вдруг кто-то из них что-то утаил про ее местоположения?

Я выдохнул, отвлекаясь от мыслей и переглядываясь с Бри, который в тот момент активно обсуждал примерное распределение сил с Азией и Филиасом. Уж больно последние размышления походили на банальное самоуспокоение. Хорошо, мол, все будет, не запаривайся...

— Раз такие дела, надо бы прогуляться на разведку и пронюхать, что к чему, — внимательно выслушав Филиаса, предложил Бри. — Пока своими глазами не посмотрим, трудно строить какие-то планы.

Я кивнул, соглашаясь с неоспоримостью такой идеи. Слова словами, а свои глаза как-то надежнее.

— Ты с нами? — спросил я Азию, искренне надеясь, что она останется в гостинице.

— Не с вами. Пойду по своим делам прогуляюсь, — прищурилась она и тут же разъяснила. — Хочу отыскать кого-то из нов. Нужно выяснить, сумел ли Ольвион их подчинить, ведь новы служат только законному Великому Управителю.

— А как же Плего? Он попал на троне не совсем честно, но новы признали его? — поинтересовался я.

— У Плего сильная воля, — пояснила Азия.

— Муза тоже далеко не слаба.

— Нов впечатляет сила человеческого духа, а Муза пользуется не ей. Подлая тварь чарует, дурманит, туманит мозги, но дело тут не в воле.

— Значит, шанс есть. Где ты будешь искать своих крылатых сослуживиц?

— По краям Дома стоят четыре башни, новы обитают в них. Если мне повезет, я доберусь до ближайшей и все выясню.

— Отлично, — взбодрился Бри, — мы пока изучим обстановку на улицах, а потом встретимся и будем делиться впечатлениями.

— Нет, — решил я. — Пойдем все вместе к башне. Делиться опасно — больше риска угодить в лапы врага, а такое для нас сейчас непозволительно.

— Хорошо, — не стал спорить ушастый повстанец, — к башне, так к башне, а по дороге посмотрим «достопримечательности».

— Значит, идем.

— Погодите, — вступил в беседу толстяк Филиас. — Сейчас вечер — на улицах станет опасно. Ищейки станут рыскать по трюцобам с наступлением темноты. Если делать вылазку — то ранним утром, на рассвете...

Никто не стал спорить с Филиасом — тут уж ему виднее. Ночью по идее надо было выспаться, но как-то не очень получилось. Напряженная вышла ночка.

Когда сквозь щели в тяжелых ставнях гостиницы перестали пробиваться последние лучи закатного солнца, за окном появились первые гости.

Припав глазом к специальной смотровой прорези, я внимательно наблюдал, как мимо гостиницы пробежали рысью четверо гравдейцев-Умеющих в песьих ипостасях. Двигались они зигзагами, то и дело приближаясь к плотно запертым дверям и обнюхивая их настойчиво и выжидающе. Видимо думали — ни рискнет ли кто высунуться, но таких дураков, слава небесам, в этом квартале не нашлось.

Ищейки обшарили улицу вдоль и поперек, доскакали до тупика и двинулись назад.

На обратном пути, минуя гостиницу, одна из них принялась и приблизилась к крыльцу. Вторая двинула за ней и, встав на задние лапы возле окна, принялась царапать когтями стену.

— Учуяли, демонские отродья, — еле слышно пробормотал Филиас.

Выглядел он крайне встревожено: волосы на висках слиплись от пота, а по красному лбу текла наискось извилистая струйка пота.

— Может, уйдут? — понадеялся Бри.

— Будем надеяться, — Филиас вытер лоб припасенным в кармане штанов платком.

Но ищейки не уходили. Собравшись на крыльце вчетвером, они принялись злобно рычать, шипеть и скрести когтями дверь. Мерзкий звук, ощущение такое, будто когтистые жесткие лапы царапают твои внутренности.

Мы молча ждали, держа оружие наготове.

Псы еще некоторое время поскреблись, потом снаружи раздалась возня и болезненное злое шипение. Судя по звукам, один из псов решил перекинуться человеком.

Прошла минута, и в дверь раздался громкий стук.

— Отпирайте! — потребовал глухой, похожий на собачий лай, голос. — Мы знаем, что вы внутри, повстанцы!

Никто из нас не подал голоса в ответ, но пес никак не унимался.

— Открывайте! — требовал он. — Вы обвиняетесь в похищении людей.

С нашей стороны ответа вновь не прозвучало.

— Вы обвиняетесь, — раздалось вновь тем же раздраженным тоном, — в пособничестве врагам Великого Управителя.

— Ну, это хотя бы честное обвинение, — буркнул я себе под нос, рассчитывая, что пес меня не услышит, но он услышал.

— Если вы не откроете, мы начнем ломать дверь, — протявкали сурово, без особой надежды на наше послушание.

— Давай! — поддразнил его Филиас, — Только зубы не сломай — дверь у меня надежная, дубовая. Это тебе не центр — трущобы, тут все жилища, как крепости.

Умеющий прорычал в ответ что-то невнятное, а потом со стороны переулка послышался топот и гул. Эти звуки рождали неприятные предчувствия и выглядели знакомыми.

Я прижался глазом к щели, разглядывая то, что двигалось на подмогу ищейкам Гидры. Когда оно достигло поля зрения — выругался. Демон! Как же это слово было сейчас уместно — и не в качестве ругательства. Просто по дороге к гостинице спешили наши старые знакомые, те самые, с которыми я когда-то провел ни один незабываемый дозор.

— Что будем делать? — с надеждой поинтересовался Бри.

— То, что обычно — надерем вражине задницу, — криво ухмыльнулся я, прикидывая, как нам выполнить задуманное поэффективнее и с наименьшими жертвами.

— Пусть нам помогает темнота, — заговорщески прошептал Филиас.

Темнота и вправду помогла. Когда Умеющие во главе с демоном принялись ломать дверь, хозяин гостиницы не стал дожидаться, когда они окончательно разгромят его имущество, и отпер засов. Дверь открылась внутрь, и первый Умеющий кувырком ввалился в комнату.

Его тут же встретил Бри и рубанул мечом, заставив с яростным рыком попятиться назад. Этот Умеющий оказался простым Псом, а вот двое остальных были уже Полупсами, чем не замедлили воспользоваться.

Я даже заметить не успел, как рядом с моим лицом из мрака распахнулась оскаленная пасть вставшего на дыбы хищника. Хитрый гад воспользовался мороком — не стоит забывать, что Полузвери умеют его весьма неплохо наводить. Как выяснилось, они еще и

колдовать могут...

Это я осознал, когда, ударив Полупса в грудь коленом и сбив его на пол с траектории прыжка, чуть не пропустил посланный мне в голову огненный шар. Его «выплюнул» из пасти второй Умеющий.

— Колдовать вздумали? Врешь, не выйдет! — хрипло прорычал откуда-то слева Филиас.

После его слов пол предательски дрогнул и пошел волнами. В воздухе вновь сверкнул фаербол и, попав в висящие на стене полки с посудой, обрушил их с оглушительным звоном. На обломках расколотых досок тут же заплясали рыжие языки пламени. Подкормленные спиртом из разбившейся бутылки, они быстро разрослись, протягиваясь по сторонам алыми трепещущими гривами.

Теперь можно было разглядеть всех. Азию и Бри, замерших над двумя поверженными Умеющими, Филиаса, протянувшего руки к лоханке с водой, меня, последнего Умеющего и демона.

Смекнув, что его сторона теперь в меньшинстве, Полупес попятился к выходу и, проскользнув задом в дверной проем, растворился с мороком где-то на улице.

Демон остался последним противником в этой стремительной схватке, но, похоже, сражаться собрался до конца. Долго он не простоял — рухнул вскоре под градом дружных ударов, которых наша команда для него не пожалела.

Мы наскоро потушили огонь, и Филиас поспешно увел нас в помещение, скрытое под полом гостиницы. Да уж, любят местные прятаться и работать в подвалах! Только из одного подвала вылезли, как в другой попали. Правда в этом подвале не скрывалось никаких тайных жилищ или лабораторий. Это было небольшое темное помещение, обшитое деревом. Тут, расставленные на бесконечных полках, хранились припасы Филиаса, которые он использовал, готовя еду своим постояльцам.

— Здесь оставаться нельзя, — предупредил он, отпирая большим резным ключом небольшую дверь, войти в которую получалось, лишь согнувшись в три погибели или на корточках.

За дверью обнаружился склад с оружием. Да уж, в этом подвале можно было нашествие демонов пережить в сытости и твердой уверенности, что пробраться сюда сможет далеко не каждый, и не каждый пожелает этого. Правда, хозяин подобного мнения не разделял.

Набрав что можно из оружия и доспеха, мы, пройдя насквозь оружейный склад, оказались за очередной дверью. Перед нами открылся темный коридор, ведущий под землю — потайной ход. Нечто подобное я уже видел в доме старухи Рябины.

— Демоновы псы и демоновы демоны, — запинаясь из-за неуклюжести получившейся фразы, выругался Бри. — Покоя от них нет, спокойно подумать не дадут!

— Это их работа! — ответил я. — А подумать нам теперь вряд ли вообще дадут, как и отдохнуть — хвостом пристанут.

— Ничего, — обнадежил Филиас, — от любого хвоста уйти можно, тем более с таким проводником, как я. Я ведь трущебы, как свои пять пальцев знаю, а управительские гвардейцы сюда только после смены власти зачастили.

Он не соврал. Длинный темный ход вывел нас на другой конец трущоб, который оказался еще менее привлекателен чем тот, где мы совершили высадку. Приличных жилищ тут не было совсем, да что там жилищ! Постройки, в которых ютились местные жители не оценил бы даже домашний скот. Бродячие псы не оценили бы, предпочтя остаться на улице, чем ютиться в подобных халупах.

В сколоченной из кривых темных досок бытовке мы разместились с трудом. Крошечное помещение осветил газовый шар. Скорее даже шарик — его свет не дотягивал до углов и растворялся возле стен. Хорошо освещался только большой круглый стол в центре единственной комнаты.

В этом уютном, тесном месте мы провели совет, на котором было решено главное — нужно попытаться проникнуть в катакомбы Совета, чтобы освободить соратников и друзей.

Задача предстояла не из легких. Казалось бы, что могут трое против целой армии магов и профессиональных бойцов? А с другой стороны, чего этим троим мешает? Ведь до сих пор на с не обнаружили, значит, время пока есть, и есть кое-какие наработки по поводу того, как проникнуть в уже знакомые в общем то катакомбы.

Я знал только два пути в Совет — главный и тот, по которому когда-то выбирался из здания, как помнится, не слишком удачно. К счастью Бри назвал еще один ход, который вел с противоположной стороны. Но в прошлом его охраняли новы. Если Великий Управитель, которому они служили, свергнут, охраняется ли ход сейчас?

Смысла гадать не было — следовало дожидаться Азию, которая вскоре вернулась с новостями. Отыскав нашу нору с помощью своей телепатии, она тихо постучалась в хлипкую дверь. Филиас впустил ее.

— Все новы заперты в башнях и «заморожены», — удручающе произнесла девушка.

— Не слишком ободряющая новость, хотя вполне ожидаемая, — буркнул Бри, и с ним нельзя было согласиться.

— Новы — слишком большая опасность для Ольвиона, поэтому он убрал их первыми, иначе свергнуть Плего ему бы вряд ли удалось, — согласился я, — выходит, пока рассчитывать на их помощь не стоит.

Да уж, новость вышла нерадостная, хотя с другой стороны — вполне ожидаемая. Не следовало недооценивать врага, допустив мысль, что он оставит у себя за спиной могучую армию Управителя Плего. Значит, ждать подмогу больше неоткуда и действовать придется малыми силами.

Глава 18. Снова в Совет

Бри знал здание Совета, как свои пять пальцев. Когда-то он был одним из гвардейцев Управителя Фловеуса, но потом, когда в Совет просочилась Муза и начала вести собственную игру, он покинул ряды официальной гвардии и подался в ополчение. Теперь знания Бри о всех тайных входах и выходах неприступного здания должны были сыграть нам на руку.

Бри назвал три основных прохода, которыми пользовались шпионы повстанцев, но, после разведывательных вылазок стало ясно, что все они непригодны. Два из них замуровали, а возле третьего поставили охрану.

Честно признаться, этот факт здорово разочаровал меня. Я искренне надеялся, что хотя бы один из ходов окажется пригодным для нашей операции. На третий, последний, надеялся всей душой. Если бы там стояли гвардейцы Ольвиона... Но нет, вместо них там оказались люди Гидры и старый знакомый — некромант, с которым мы бились еще в дозоре Дурного Дома. Вот уж кого я ожидал встретить меньше всего.

Бри предложил воспользоваться припасенной запасливый Филиасом магической дымовой шашкой, он с нашим «другом» в бою прежде не встречался — пришлось поведать

ему об орде зомби, которую некромант призывает по первой же тревоге, и идея подобного прорыва тут же отпала.

Мы вернулись в трущобы к Филиасу и поделились с ним разочаровывающей новостью. Толстяк понимающе покачал головой и почесал затылок:

— Есть еще один проход, — сказал он наконец нехотя, — вернее, раньше был. Он вел из трущоб и был проложен под землей.

— Что ж вы раньше молчали? — спросил я, а Бри тут же усомнился:

— Не может быть, что такой ход есть! Я знаю все крысиные норы, ведущие в Совет, но про путь из трущоб никогда не слышал.

— Им никто давно не пользовался, — стоял на своем хозяин гостиницы.

— Так откуда вы про него знаете? — не верил Бри.

— Из надежного источника, — криво усмехнулся Филиас, — в былые времена моя гостиница славилась своим сервисом, а на месте трущоб находился один из самых дорогих кварталов Изначального Дома.

— Теперь я верю во все это еще меньше, — хмыкнул Бри, отмахиваясь от толстяка. — С чего бы этому захолустью быть дорогим кварталом, почему теперь сюда даже бродячие псы лишний раз не суются?

— Дослушай-ка меня, молодой человек! — приструнил его Филиас. — Во времена моей молодости здесь кипела жизнь. Моя гостиница приносила неплохой доход, и сервис в ней был лучше, чем нынче. Тогда сам Управитель Фловеус был молод и легкомыслен. В тайне от жены он каждую неделю заказывал лучший номер, чтобы встретиться там с красоткой-певичкой из местной оперы. Репутация для Управителя — дело первостепенное, поэтому он велел соорудить подземный переход, ведущий к самой окраине Дома.

— Ну-ну, — сердито проворчал Бри, — все равно вы заливаете! В переход я еще поверю, но про крутой район врать было вовсе не обязательно...

— Ты дослушай-ка сперва, а уж потом выводы делай! — погрозил пальцем Филиас. — Проход Фловеусу соорудили, но сделали это не слишком умело. Рабочие, пока копали, наткнулись на логово подземных тварей, живущих под Домом и те, растревоженные, заполнили проход и даже выбрались на улицы. Чудища оказались прожорливыми и сильными, благо над землей существовать почти не могли, но всеобщей паники хватило, чтобы большинство жителей в спешке покинули район.

Сам Фловеус, боясь огласки, объявил эти места закрытыми и непригодными для проживания. Большинство богатых жильцов разъехались отсюда, а те, у кого средств не нашлось, остались и проживали в страхе дальше. Так богатый квартал стал трущобами.

— Похоже на правду, — не стал спорить я, а недоверчивый Бри продолжил упорствовать:

— Куда же тогда делись монстры из тайного туннеля? А? Что скажите? Я ни раз бывал в трущобах, можно сказать, знаю их вдоль и поперек, но никакой забочинной живности я тут не встречал.

— Монстры ушли из Дома — они, как и все существа леса не могут долго существовать по эту сторону обочины, — объяснил Филиас.

— Предлагаете воспользоваться этим туннелем? — прервал я сомнения Бри.

— Как вариант, — пожал плечами Филиас.

— Тогда, стоит попробовать!

Вход в туннель крылся на самом краю Дома, там где трущобы граничили с лесом. Место это выглядело не слишком привлекательно — бугрящаяся, словно застывшие волны, земля. Уродливый горб, поросший жухлой грязно-серой травой с темным провалом посреди. Вокруг — развалины каких-то заброшенных построек — сразу ясно, что место дурное, гиблое.

Я подошел к дыре и заглянул в нее. Из-под земли пахнуло затхлым воздухом, плесенью и грибными спорами.

Оглянувшись на друзей, я поймал тревожный взгляд Азии. Ей явно не хотелось лезть в эту недружелюбную темноту — просто попытка для новы, привыкшей к небесному простору.

Бри, который пользовался подземными ходами чаще остальных, выглядел довольным.
— По крайней мере лесом тут не пахнет, — кивнул он Филиасу. — Я бы учуял любых тварей, притаившихся там. А сейчас все спокойно — можно лезть.

— Успокоил, — резюмировал я, — время не ждет. Филиас, вы с нами?

— Нет. Я остаюсь.

— Договорились. Кто-то в любом случае должен будет остаться по эту сторону баррикад...

Когда за спиной сгустился мрак, его разорвал яркий свет карманного газового шарика. Я шел впереди, отслеживая взглядом мельтешение теней на земляных стенах хода.

Азия двигалась следом, а замыкал шествие Бри. Он то и дело тянул носом воздух, мотал головой и фыркал, поведением своим напоминая обеспокоенного зверя.

— Все в порядке, Бри? — негромко поинтересовался я.

— Здесь странный запах. Чем дальше, тем сильнее. Пахнет тухлятиной.

— Лучше наткнуться на падаль, чем на кого-нибудь живого, — подметил я.

— Точно, — усмехнулся Бри в ответ.

Азия тревожно повела плечами, словно птица, желающая взлететь, она не явно не разделяла общего позитива. Ее взгляд тонул в темноте, а ноздри напряженно трепетали.

— Сюда что-то движется, — сказала она наконец.

— Не может быть, — принялся спорить Бри. — Моему нюху завидуют даже ищейки. Умеющие я бы почуял если...

Договорить он не успел. Из темноты на нас выпрыгнуло нечто огромное и склизкое. Какая-то здоровенная черная тварь, похожая на длинноногого тощего ящера. Очень отчетливо я заметил одно — в голове монстра торчал обломок копья, засаженный глубоко в глазницу. Несколько арбалетных болтов торчали из загривка.

— Зомби? — огорошено выкрикнул Бри, прыгая в сторону и ловко уворачиваясь от гнилой зубастой пасти.

— Зомби-подземный монстр! — уточнил я, размахиваясь мечом, и всадил клинок в оказавшийся рядом черный загривок. — Был!

— Там еще! — предупредила Азия, вытягивая в сторону темного прохода руку с зажатым клинком. — Они бегут сюда...

Черные твари навалились скопом. Их было штук пять или шесть, и все они оказались нежитью. Не стоило недооценивать противника, думая, что они так запросто оставят неприкрытым даже этот позабытый ход.

Раздумывать о собственных просчетах было некогда. Ящеры-зомби не оставляли времени на праздные размышления. Вонючие зубастые пасти шелкали то и дело совсем рядом, но острые клинки решили все в нашу пользу. И, надо сказать, что Азия управлялась со

своим новым оружием невероятно ловко. Вскоре враги сообразили, что добыча из нас не самая сговорчивая, и отступили, растворились в подземной тьме длинного коридора.

Идти пришлось долго. Газовый фонарь светил совсем слабо, едва осиливая пару квадратных метров под ногами и кусок земляного потолка. Я заметил, что путь пошел под уклон, сначала немного, а потом круто, вскоре под ногами прорезались ступени и коридор закрутился винтом. В кольце света стали различимы очертания плоского потолка и люка в нем.

— Кажется пришли, — прислушался к тишине Бри, — слышите?

Я наострил уши. Сверху доносился приглушенный звук льющейся воды и человеческие голоса.

— Какие наши дальнейшие действия? — шепотом поинтересовался повстанец.

— Заходим, — решительно ответил ему, — только тихо...

Забравшись на верхнюю ступеньку, я уперся плечами в крышку люка и плавно приподнял. Хорошо, что деревянная оказалась, а то бы так бесшумно не вышло, а так получилось приоткрыть щель и заглянуть в помещение над подземным туннелем. Взгляду открылся кусок золотого с разводами кафеля и мраморный тюльпан чьего-то пафосного умывальника. Возле него стоял человек в длинном хитоне — на своем уровне я мог разглядеть полы его одеяния и ноги в домашних туфлях из белой замши.

Момент для проникновения в эту самую ванную комнату был не самым лучшим. Решив подождать, пока человек покинет помещение, я медленно опустил крышку люка и хотел уже вернуться к друзьям, но в тот самый момент из глубины туннеля донесся приглушенный топот множества ног.

— Вот дерьмо! Их тут десяток! — тут же выкрикнул Бри. — Снова эти зомбоящеры!

— Ничего, отобьемся! — отстранила его Азия и, распустив пластины меча, стегнула кишашую подземной нежитью тьму. Твари недовольно завывали, а меч-хлыст вернулся хозяйке покрытый ошметками чешуйчатых вонючих тел.

— Ага, не нравится? — обрадовался Бри, вонзая клинок в подвернувшуюся под руку тварь. — Да сколько ж вас тут...

Бри ошибся. Ящеров оказалось не десять. Далеко не десять! Их было штук двадцать пять, а то и вовсе три десятка. Ширина коридора не позволяла им напасть скопом — нам от этого было полегче, но ненадолго, ведь на место поверженных зомбарей тут же вставали новые. Казалось, что проклятые твари не кончатся никогда, но они кончились.

Я ударил здорового ящера с полуразложившейся мордой, и за ним никто не появился, только коридор зиял, будто черная дыра.

— Неужто все? — выдохнул Бри. — Эх, я только разошелся!

Ушастый старался держаться бодряком, но не выходило — его ноги шатались от усталости и напряжения, в результате чего Бри тяжело плюхнулся задом на землю и, ссутулившись, уперся руками с двух сторон от себя.

— Ты как? — с тревогой поинтересовалась Азия.

— Нормально, запыхался только немного — загоняли меня эти гады чешуйчатые...

Я прислушался к наступившей тишине. В тот момент ее нарушало лишь тяжкое дыхание Бри и еще один звук. Отдаленный гул, который шел из глубин подземелья. Постепенно в этом звуке стал различим топот множества бегущих конечностей. Дунул ветер, принес с собой запах залежалой падали, мерзкий и спертый.

— Еще идут, — Бри тяжело поднялся, оперся на клинок, выжидая глядя в туннель. —

Ну что, второй раунд?

— Их там сотни, — спокойным, холодным тоном произнесла Азия, но в глубине ее невозмутимого голоса я отчетливо различил ноты волнения.

— Надо выходить на свет из этой дыры, — решил я, вновь направляясь к люку. — С такой ордой втроем нам не справиться.

Спорить никто не стал, какой смысл спорить с очевидным? Итак, не теряя времени, я медленно приоткрыл люк. С крышкой на голове повернувшись вокруг своей оси, хозяина ванной комнаты я не обнаружил. Отлично, самое то для вылазки!

Аккуратно отложив на сторону люк, я вылез из подземелья и протянул руки Азии и Бри. Спустя секунду она уже стояли рядом со мной, на блистающем золотым напылением кафеле.

— И как мне расценивать ваш визит? — прогремело из-за спины.

Я резко обернулся, но не увидел ничего. Судорожно завертелась Азия, а Бри принялся сосредоточенно нюхать воздух.

— Не советую производить лишних движений, — повторил невидимка.

— Где вы? — наверное мой вопрос прозвучал странно, ведь какой дурак станет обнаруживать свое местоположение таким вот незванным гостям, но в тот момент сильно беспокоил открытый люк, — я должен закрыть этот ход и чем быстрее, тем лучше. В противном случае нам грозит серьезная опасность, и вам тоже.

В круглом отверстии люка, похожем на черный огромный пятак, тьма уже плотнела и двигалась. В комнату поползли струи мерзкой вони, а потом один из зомбоящеров, видимо самый бойкий, сунул свою зубастую длинную рожу.

Раздался громкий звук, похожий на хлопок, и тварь испуганно нырнула обратно. В тот же момент моего бока коснулся невидимый клинок, но я не растерялся и, почувствовав, как начинаю покрываться бриллиантовой броней кулаки, резким движением схватил таинственное лезвие. Надавил, и оно сжалось, смялось в моей ладони, будто кусок толстой фольги. Вот она — сила Музы, даже жалкие крохи ее могущества позволяют комкать сталь, как бумагу...

— Я бы не стал на твоём месте так делать, — тихий голос зазвучал совсем рядом и в шею красноречиво уперся другой клинок.

Я даже не успел пошевелиться, только подумал, и нажим стал сильнее:

— Я же сказал, не стоит, — настойчиво повторил невидимка. — Закройте люк, — обратился он к моим спутникам, — подземная нежить слишком настойчива сегодня, моих сил не хватит, чтобы отогнать их.

Бри упрашивать не пришлось. Он спешно закрыл выход и встал на крышку сверху для пущей надежности.

— Итак, теперь я могу поинтересоваться, кто вы и что тут забыли? — вопрошал голос. — На приспешников Ольвиона вы не похожи, но все же?

— Хотите знать, зачем мы пришли, уберите нож.

Предложение вышло риторическим, так как почувствовав, что невидимка отвлекся, я резким движением отстранился, освободив шею от угрозы приставленного клинка.

— Управитель Фловеус, полагаю? — предположила Азия, буравя глазами пустоту. — Становиться невидимым ваш дар, но я знаю, где вы находитесь.

— Как определила? — воздух в центре комнате пошел рябью, напомнив знойное марево в жаркую погоду.

— По энергетическому потоку, его не скрыть иллюзиями.

— Хорошо.

Пространство дрогнуло, выпуская из небытия человека, одетого в уже виденный мною белый хитон. Управитель щурился, разглядывая нас в монокль, и все его лицо при этом покрывали морщины, светлыми канавами пересекающие загорелую до меди кожу.

— Управитель Фловеус, мы не враги вам, — сказал я, глядя в близорукие, выцветшие глаза человека-невидимки.

— Я рассчитываю на это, — немного грустно улыбнулся он. — Не знаю, зачем вы сюда явились, только, попав в эту комнату, вы стали такими же пленниками, как я.

— То есть? — удивился Бри.

— Раньше здесь были мои покои, но после переворота Ольвиона они превратились в тюрьму, которую охраняют весьма искусно.

— Если невидимка не смог сбежать из-под присмотра, значит все серьезно, — прикинул степень проблемы я.

— Это не основная причина, — лицо Фловеуса озарила печальная улыбка, — что толку бежать, если за дверью тюрьмы тебя ожидают враги? К тому же Ольвион объявил, что в случае побега одного из Управителей всех остальных будет ждать жестокая расправа.

— А ваша гвардия?

— У меня, как и у Луки с Бенедикто, не самые сильные бойцы — их смяли в первые же минуты мятежа.

— Что с остальными Управителями?

— Кира и Гидра — на стороне врага, Бенедикт и Лука сдались, Плего в плену, а я пытался сопротивляться, но потерпел неудачу. Гвардия Ольвиона хоть и не была самой мощной, но с поддержкой Гидры стала непобедимой. Противостоять этому союзу мог бы только Кира, но и он присоединился к мятежу.

— Ясно, — хмуро кивнул я, оценивая обстановку и прикидывая варианты дальнейших действий. — Где сейчас Ольвион, известно?

— Слуги донесли мне, — Фловеус приблизился и понизил голос до шепота, — что, захватив Совет, он уединился в бывших полкоях Плего, не пускает никого и отдает приказы своим сподручным из-за закрытых дверей.

Глава 19. Решающий шаг

Новообретенный союзник в Совете — неплохая компенсация за последние «достижения» Музы. Один из Управителей на нашей стороне — это уже что-то, это уже много. И пусть Фловеус не слишком-то верит в способности собственной гвардии — гвардия есть гвардия, все не «трое в поле», как выходило у нас изначально.

Пусть Фловеусу и не повезло с личным составом, слуги у него оказались весьма и весьма преданными. С момента смены власти они, не подавая вида и не вызывая подозрений, шпионили и доносили своему Управителю на предавшую совет тройцу. По их сведениям выходило, что плененные в убежище повстанцы действительно находятся здесь, в подвалах огромного здания.

— Есть шанс освободить их? — спросил я у одного из информаторов, когда тот под конвоем явился в покои с большой корзиной еды. Да уж, паек у Управителей Совета даже в худшие дни отменный! Только сейчас нам всем тут точно не до еды...

— Если сумеете справиться с гвардейцами Киры, — почти беззвучно ответил посланец,

косясь на дверь, за которой согласно правилам остались дежурить два воина Ольвиона. Даже сейчас при радикальной смене властей, они неукоснительно выполняли правило — не входить в управительские покои без приглашения, даже не смотря на то, что Управитель — пленник.

Кира... Мне живо вспомнились его нечеловеческие, убийственные удары. Сразу стало как-то не по себе, но сомнения быстро сменились злым азартом, от которого кулаки полыхнули искрами — теперь и у меня есть свое «веское слово»!

— Идти в открытую чревато, — покачал головой Фловеус. — Накинь морок, ты ведь маг, — он обратился ко мне, взглянув на искристую рябь, пробежавшую по коже на тыльных сторонах ладоней.

— Не маг...

Не могу сказать точно, разочаровал я его или насторожен, но Управитель недоверчиво смерил меня взглядом и расспрашивать более по теме рода моих занятий не стал...

Времени на раздумья в запасе не имелось. Рискую в любой момент быть обнаруженными, мы понимали, что дальнейшая стратегия будет разрабатываться по единственному принципу «пан или пропал». Пожалуй, стоило попробовать пробиться напрямую — чем черт не шутит — но Фловеус предложил простое решение — маскировка.

Во что, а вернее в кого маскироваться — в слуг само собой. Для выполнения этого нехитрого плана в жизнь, пришлось ждать до следующей «еды».

Верный информатор, доставщик еды по совместительству (звали его Ойд), раздобыл два костюма лакеев и платье горничной для Азии. Я кое-как натянул на себя узковатый в плечах камзол — да уж, в таком не развернешься и не размахнешься особо. Азия и Бри скептически переглянулись и фыркнули — ну и видок.

Путь в подземелье начался с короткой стычки. Пришлось разобраться с конвоирами Ойда — их здорово удивил тот факт, что вместо одного слуги из надежно охраняемых покоев пленного Управителя вывалила целая толпа вооруженных... лакеев? Да еще и абсолютно безбашенная горничная с оружием в руках.

Спустя секунду оба гварда лежали на полу туго спеленутые покрывалами из спальни Фловеуса. Можно сказать, что проход вниз открылся. Двинув потихоньку вперед, мы наткнулись на пару обходчиков, и тех повергла участь конвоиров — связывание по рукам и ногам припасенными на долгий путь веревками, кляп во рту и длительный отдых в темных закоулках Совета, где-то в районе бочки с декоративными олеандрами.

Дальше старались идти тише. Риск привлечь лишнее внимание грозил крахом для всего непростого мероприятия.

Пока мы крались по бесконечному лабиринту коридоров, я вспоминал, как попал в катакомбы, следуя за скитальцем. Тогда наш путь начинался из главного зала. Другой дороги я не знал.

По долгу службы Азия ориентировалась в «официальном» Совете лучше остальных. Она быстро привела нас в зал для приемов. Теперь он пустовал — веселиться в наступившей ситуации оказалось не кому и не к чему.... Поэтому в гигантском зале из людей присутствовали лишь портреты Управителей и одиноко торчащая статуя Плега. Вернее, уже не его — приставную голову сняли, но на новую пока заменить не успели.

Как можно осторожнее пересекая зал, мы вышли к винтовой лестнице и, пройдя ее до конца, нырнули в «кротовый» коридор. Теперь он вовсе не был таким уж «кротовым» — вдоль потолка горели четыре параллельные цепи газовых шаров. Присутствующих пока не

наблюдалось. Прикинув шансы быть обнаруженными или обнаружить новый путь — двинули вперед по уже знакомому.

Старые знакомые братцы-корнеплоды попались нам уже за аркой. Там, где в сумрачном зале сидели по клеткам химеры и пленный Перепадаль.

Миновав арку я первым налетел на здоровенного собакодемона, который с грозным ревом прыгнул вперед и тут же зацепился нижней челюстью за мой кулак. Зверюга меня не впечатлила: одно дело, когда принимаешь ее «адовость», за чистую монету и совсем иное, когда прекрасно знаешь, из какого «пюре» она слеплена... ну, и бриллиантовые кулаки, само собой...

В общем, не повезло бедной псине, как не повезло еще двум бесам и демону, с которыми расправились Азия и Бри.

Врагов не осталось. Я замер, прислушиваясь к тишине, взглядевшись в клетки понял, что химер в них нет: либо они все до одной погибли во время штурма дрейкова убежища, либо тех, что остались, Ольвион перепрятал в другое место. Да и какая разница? Разве за ними я сюда пришел?

Пройдя вдоль ряда с клетками, я обнаружил, что последняя в ряду замурована и зачарована, как говорится, от души. Тюремщики постарались — за прутьями безупречной гладью возвышалось «магическое зеркало» — специальный щит, отбивающий любые атакующие заклинания и достаточно прочный физически, чтобы устоять под натиском грубой силы.

— Там, — решительно указала на клетку Азия, — я чувствую — они там!

Зеркальный щит — это вам ни хухры-мухры! С ним так просто не сладишь. Стальные прутья я еще мог бы раскромсать брильянтовыми кулаками, но против магии они не годились.

— Что будем делать? — поинтересовался Бри, с сомнение рассматривая собственное отражение, перечеркнутое частоколом решетки. — Тут нужен маг.

— Добудем его, — решил я, — иначе дверца не откроется...

Свершить задуманное я так и не успел. Одна из пустующих химерьих клеток открылась и из нее толпой посыпали вооруженные воины. Судя по черной форме гадать, кому они служат, не приходилось. Досадно... Хотя стоило ожидать, что не все входы, ведущие в этот подвал, столь очевидны.

— Именем Великого Управителя, вы арестованы, — грянуло сверху. — Не двигайся! — последняя фраза была адресована мне.

Я и не двигался. Замер, как вкопанный, поспешно оценивая обстановку. Несколько десятков гвардейцев — полбеда, во главе с Кирой — а вот это уже полный абзац.

Сам Управитель стоял на крыше той самой клетки, из которой прибыли его бойцы. В глубине ее чернел темной дырой проход. Ясно. Караулил значит, охранял, знал, что за пленниками придут. А раз это знал Кира, значит, еще лучше об этом догадывался Ольвион, догадывался и боялся...

— Связать их и в клетку! — Кира спрыгнул на пол и прошелся перед рядами застывших гвардейцев. Заметив, как схватилась за рукоять меча Азия, лениво махнул рукой. — Не советую.

— Эй, погоди! Ты хотя бы выслушай! — поинтересовался я, пятясь к друзьям и подавая им знак, не вмешиваться в дальнейший разговор.

— И не подумаю.

— Тогда давай один на один! Только я и ты!

— У меня нет времени на подобные глупости, — тут же поморщился Кира, но в глазах его уже сверкнул огонь азарта.

— Предлагаю тебе поединок, — настойчиво повторил я. — Если я выиграю — ты меня выслушаешь.

— Выиграешь? Ты? — Кира насмешливо поднял брови и расхохотался. — Ну, попробуй!

Он сделал знак гвардейцам, и те расширили круг. Азия и Бри остались стоять в первом ряду, а я вновь встретился взглядом с Кирой. Управитель смотрел уверенно: по роже видно — и мысли о проигрыше не допускает. Быстро он забыл мою отчаянную атаку в предыдущей стычке, а шрам-то вон он на полморды алеет. Зря ты, парень, так самоуверен, будь ты хоть трижды Управитель...

Ярость подступила к горлу твердым комом и по рукам заметались искры, от этого кожу ожгло, будто осколками битого стекла. Мой первый бой с Кирой прошел не лучшим образом, но сейчас мне это не казалось особенной проблемой. Тогда я был слабее и неувереннее, действовал на авось и плыл по течению. А что сейчас? Разве сейчас что-то поменялось? Стоит проверить!

Я сбросил с пояса ножны и швырнул их в сторону.

— А я уж думал, ты забыл про то, что у тебя есть кулаки, — усмехнулся Кира.

— Лучше б ты мне о них не напоминал, — буркнул я себе под нос, сдерживая проступающую броню. Нет, не сейчас! Сначала проверю, на что способен сам, без музовых прибабасов. — Поехали!..

Ну вот и понеслось! Кира все тот же, что и раньше — при скорости и при броне. Двуглавый пес на его груди ухмыляется обеими пастями, а кольцо глаз таращится десятком зрачков бессмысленно и злобно.

Вспомнив прошлую неудачу, решаю не лезть на рожон и отдаю право первого удара противнику. Он нетривиален, вместо стандартных рук, сходу делает стремительную подсечку. А я уж и не надеялся на такую удачу. Этот удар — просто подарок. Вот оно, долгожданное открытое колено...

Понимаю, что вы этот заход совершить задуманное не успею, я на пробу чуть цепляю врага по колену ногой, делая вид, что перепрыгнул подсечку. Делаю это намеренно неуклюже — пусть думает, что я тяжел на подъем, и чиркнул его случайно, типа высоты не добрал, ага.

Кира не уделяет должного внимания моим переживаниям. Его, похоже, расстроил тот факт, что он не сбил меня первым ударом. Ведь почти же получилось! Он не сомневается в победе, поэтому мой отскок его дико не порадовал, так же как и пара следующих уворотов от хука и прямого в голову. Тут уж я не тянул — удары в мою башку летели страшные, как говорится — от всей души! Попади хоть один — исход оказался бы печальным. Совсем печальным.

Я прекрасно помнил о невероятной скорости Киры и, сосредоточившись на ней, даже не вспоминал о его силе. В тот момент моей единственной задачей было не попасть под удар. Просто не попасть. Своих я почти не наносил, делая лишь схематичные намеки на удары, половину из которых приходилось смазывать и уводить в сторону не завершая.

Управителя злила эта игра. Он прекрасно осознавал, что я чего-то выжидаю, и его бесило непонимание причины моих небрежных атак. Постоянные увороты, тут все ясно — ему достаточно просто коснуться меня, чуть-чуть подцепить — сила удара такова, что ее

хватит, чтобы сбить меня с ног или хорошо пошатнуть даже легоньким зацепом.

Но теперь я был слишком, просто раздражающе внимателен. Кулаки разъяренного Киры со свистом полосовали воздух. Я не ставил блоков, крутился и вертелся, как бешеная обезьяна, измотался уже прилично и готов был вывалить от усталости язык. «Ну, вспоминай! Давай же! Подсечку — и я лягу! Вспомни, как плохо я умею прыгать! Ну...» И Кира вспомнил. Он ведь само собой приметил мой неловкий прыжок в начале боя.

Я отследил его ногу еще на замахе и прыгнул чуть раньше, чем следовало. Точно в тот момент, когда инерция уже не позволила Кире остановить стремительный мощный выпад. И я всем весом приземлился ему на ногу, круша стопами незащищенное доспехом колено...

Мой расчет оказался верным — удар выбил Киру из равновесия, подтягивая поврежденную ногу, он хотел отойти в сторону, но я дал ему хорошую подсечку, заставить плюхнуться пузом на пол, а сам сел сверху.

— Грязный прием, — прорычал он, но победу мою все же признал. — Ладно, считай, что ты выиграл.

— Ну, что, готов теперь меня выслушать?

Я отпустил противника и отошел в сторону. Поверженный Управитель послал мне полный ненависти взгляд, но все же кивнул — договор есть договор.

— Ольвион — самозванец, — сообщил я, но Киру эта информация не сильно-то потрясла.

— Мне плевать на Ольвиона, — заявил он, — я служу Плего.

— Хреново служишь, раз пропустил тот момент, когда он перестал быть Великим Управителем...

— О чем ты болтаешь? — глаза Киры сурово вспыхнули.

— Пока ты со своей гвардией прохлаждался в подземелье, в Совете произошел переворот и Ольвион, а вернее та тварь, что им прикидывается, теперь и есть Великий Управитель...

В общем, Кире пришлось меня выслушать. Сначала рассказ про Музу и ее коварные планы вызывал у него лишь усмешки, но когда дело дошло до катакомб, Управитель поумерил свой скептицизм. Оказалось, что аккурат перед сменой власти Плего лично отдал ему приказ зачистить подземелье от бесчинствующих монстров, которые якобы попали в здание по тайным ходам, проложенным, само собой, повстанцами Дрейка. Гвардейцы Киры во главе с самим Кирой отправились в подвал и обнаружили там паровых химер диких и неуправляемых настолько, что никаких диалогов со зверюгами не вышло — пришлось уничтожать. После зачистки явился Гидра с приказом от Плего о продолжении патрулирования подвала и об охране пленных повстанцев, которых в этот же подвал и поместили.

Вот как! То есть выходило, что переворот был совершен еще до штурма тайного убежища. Дела!

По окончанию разъяснений Кира еще колебался, но, подумав, решил:

— Ты выиграл бой, но это всего лишь случайность. Нелепая удача! — он хищно оскалил зубы, покосившись на своих людей. — У меня тут целая гвардия. Я открою клетку с заключенными, но если с их стороны последует хоть одно резкое движение, хоть один намек на непослушание — прикажу убить всех, и никакие договоры больше не пройдут!

— Хорошо, — кивнул я.

Кира подошел к зеркальной клетке, сделал в воздухе несколько пассов и отпрянул в

сторону. Черная гладь пошла трещинами, запульсировала и рассыпалась на сотню черепков. Решетка осталась, и из-за нее тут же загудел хор недовольных голосов.

Я прислушался — различил голоса Адьки, Люты и Дрейка. Живы! И кажется вполне здоровы! Отстранив Управителя, я бросился к решетке и попытался ее сломать. Брильянты блеснули гневными искрами, но металл не поддался — в нем еще хватало защитной магии, чтобы оградить ограждение от подобного рода вандализма.

Кира хмуро оглядел ожидающих пленников:

— Эй, вы, кто-то из вас сражался с неким монстром, именуемом Музой, там, на камнях разбойничьего Дома?

Повстанцы ответили ему молчанием, даже не к месту разговорчивый Адька предпочел промолчать. Дрейк, сильно израненный и какой-то потерянный, вцепился руками в стальные прутья и приник к ним бледным из-за недостатка воздуха лицом:

— Я сражался с Ольвионом, одержимым Музой.

— Разбойник! Как ты понял, что Управитель одержим? С чего взял это? — не поверил Кира, продолжив допрос.

— Он был безумен и творил странную магию! — выкрикнул в лицо Кире Дрейк, но того подобная эмоциональность убедила мало.

— Так что, воочию легендарного монстра никто не видел? — Управитель требовательно уставился на меня.

— Я видел, — прозвучало в ответ из глубины клетки. — Я сражался с ним много лет назад и одолел, но Муза — жуткое чудовище, вернулась из небытия и сумела захватить власть в Совете.

Увидев говорящего, Кира моментально поменялся в лице.

— Управитель Плега?

Я и сам удивился! Вгляделся внимательно в темноту за спинами плененных друзей. Там, внутри камеры имелась еще одна решетка, и за ней скрывался человек. Я не видел его, но, как и Кира, узнал по голосу. Каждый путник, что слушает на площади напутствие Великого Управителя, запоминает его навсегда. Станный феномен, а может обычная магия. Кто уж тут разберет?

Плега, а это реально оказался он, хватило пары слов, чтобы расставить все на свои места. Кира больше не сомневался и не спорил. Все пленники были немедленно освобождены и вооружены, ибо каждый из них стремился поквитаться с коварной Музой и ее сообщниками.

Так наша лихая боевая тройка разрослась до размеров небольшой армии, в которую вошли освобожденные друзья, повстанцы во главе с Дрейком, Управитель Кира с его гвардией и сам Великий Управитель Плега. Вот уж кого я не ждал встретить в подземелье.

Честно сказать, я был уверен, что Муза убила Плега. Даже спросил его об этом по пути из катакомб. Ответ оказался прост — все дело в новях. Они, как известно, подчиняются лишь истинному, законному Великому Управителю — тому, чью кандидатуру выбрали люди и одобрил Совет. С этим у Музы вышла загвоздка. Нов пришлось усыпить на максимально возможный срок «тяжелым» заклинанием, а половину (большую) Управителей Совета арестовать прямо в покоях.

Но все эти меры — вещь временная. Великий должен присягать публично перед жителями Изначального Дома в присутствии всех своих коллег по цеху и одновременно

принимать присягу от гвардии нов, принимая их «из рук в руки» от предыдущего Управителя, то бишь от Плего. От живого Плего. Если бы Великий действительно оказался предателем, новы бы автоматически перестали ему подчиняться, но в нашем-то случае его оклеветали, так что у позарившегося на власть в совете чудища план не так уж и «по маслу» шел...

Так или иначе, Плего остался жив, и в этом случае жизнь — условие временное, но необходимое. Муза, конечно, менять шкуры, как перчатки, умеет, но вот сидеть в двух одновременно необучена. Да и стащить кожу у Джонни Фоссы выходило не так то просто! Будь на его месте кто послабохарактернее — да, но не в его случае...

В общем, пока Муза решала организационные вопросы своего возвеличивания, у нашей новоиспеченной команды появилась фора, чтобы с ней разобраться. Никто из нас пренебрегать возможностью не собирался.

Было решено тайно освободить остальных Управителей и общей гвардией разобраться с врагом. Хватит ли этих сил против Музы? Эх... Лично меня тут терзали некоторые сомнения. В предстоящей схватке с монстром я рассчитывал только на себя. Маги магами, воины воинами, но, арсенал, равноценный вражескому — бриллиантовая броня, из всех имелся только у меня одного.

Кроме непробиваемой хитрой твари по Совету разгуливали ищейки и бойцы Гидры, с ним самим во главе. Эти товарищи также представляли нехилую проблемку. Гвардия Гидры считалась одной из лучших, а дружба с Музой придала ей дополнительных сил. Конечно воины Киры тоже были неслабыми и в лучшие времена с гидровыми равнялись, но времена эти самые прошли.

Судя по штурму убежища, за последнее время личная гвардия Гидры нелегально разрослась втрое, если не впятеро. Такой дисбаланс сил был официально недопустим — личные войска Управителей должны были находиться в равновесии, но эту традицию, похоже, позабыли еще до Беато. Это касалось качества, а вот количество личного состава всегда регулировалось особым законом — у всех Управителей Совета должно быть одинаковое число людей... Досадно, что под предлогом особой бдительности и общего мирного наплевательства Управитель Гидра данный закон обошел.

Первым делом было решено зачистить подвал. Работали быстро и тихо. Первым делом перекрыли выходы, чтобы никто из гвардейцев не смог сообщить об освобождении пленников.

Особого сопротивления мы не встретили. При виде Великого Управителя гвардейцы впадали в ступор, не зная, как реагировать на его появление. Пока они тормозили, их повязали и отправили на отдых в уютные клетки. Пусть посидят до поры до времени. Конечно, выступить против Плего они не решатся, но кто знает, какие еще фокусы выкинет Муза — мастер манипулирования. Не хотелось бы потом получить удар в спину.

— Вам нужно срочно выбираться из подвала и выходить к людям. Они должны знать, что вы живы, и никого не предавали, — обратился я к Плего.

— Муза приложит все силы, чтобы не дать нам сделать это, — нахмурился Великий Управитель.

Я задумался. У нас неплохой отряд — есть что противопоставить хитрой твари. Если разделимся — есть шанс прорваться. А потом вернемся с подмогой и прикончим гадину в ее гнезде. Эх, только так ли это легко, как на словах? Ладно, действовать, так действовать...

Люди Киры рассыпались по сторонам, проверяя и зачищая проходы. Сам Управитель остался вместе с Пlegо, в качестве личной охраны. Кто-то из гвардейцев то и дело притаскивал «языка», но во всех случаях это были гвардейцы Ольвиона. Вскоре нашу вылазку обнаружили люди Фловеуса и пообещали сообщить пленному Управителю об освобождении из подвала. Цепная реакция была запущена. В том, что верные слуги разнесут радостную новость остальным пленным Управителям не сомневался никто.

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь, да и второй союзник Музы — Гидра, невнимательностью и разгильдяйством не страдал.

Первую партию гвардейцев мы встретили на выходе в «кротовый» коридор. Умеющие Полузвери атаковали дружно и быстро. Их было немного — видимо те, кто оказался ближе всех к подвалу, но действовали они с точным расчетом сходу «проредить» бойцов Киры. На самого Киру, Пlegо и Дрейка прибывшие гвардейцы даже не нацеливались.

Бой завязался возле самого выхода, лишив нас возможности пройти в коридор. Пока Полупсов смяли, времени прошло не слишком много, но вполне достаточно для того, чтобы к ним на подмогу пришли новые отряды. Следом за гидровыми, явились люди Ольвиона. Не то чтобы они сильно кого-то напугали, но «кротовый» коридор забили намертво, образовав живую пробку.

— Нам тут не выйти! — крикнул я остальным, отбивая атаку ближайшего Полупса.

В отличие от предыдущих, этот на магию не скупился и пулял огненными шарами от всех щедрот.

— Отступаем! — раздался за спиной голос Пlegо. — Пойдем другой дорогой!

Дружно навалившись, мы потеснили противников в коридор, а потом старый знакомый — маг из отряда Дрейка, «повесил» туман вязкий и такой плотный, что я, будучи крайним, сам угодил в него и на секунду застыл в плотной белой мгле. Потом меня рванули за руку, и я встретился глазами с Азией.

— Не отставай, — сказала она тихо, спеша за остальными.

— Нужно прикрыть тыл, чтобы ищейки не сунулись, — объяснил я свое замешательство.

— Ей не нужны ищейки, — в голосе новы прозвучала тревога. — Она знает, где мы из-за этого... — холодная ладонь коснулась моей руки. — Мы слишком близко — Муза чувствует тебя и ждет...

— Черт, — я выругался. Хреново сам того не зная быть маяком для врага. Выходит, пока я рядом никто не будет в безопасности. Вот черт!

Я остановился резко, прислушиваясь к собственным ощущениям. Сначала не заметил ничего, но потом откуда-то из головы, изнутри сперва тихо, а потом по нарастающей зазвучал злобный шипящий голос. «Я чувю тебя, знаю где ты, — шептал он, — я контролирую каждый твой шаг, а еще я знаю где твои друзья и буду убивать их одного за другим, пока ты не явишься ко мне и не вернешь того что взял!»

По спине скользнули гадкие мурашки. Нет! Что угодно, только не друзья! Только не они... «Я приду к тебе, — поспешно ответил я врагу решительной мыслью, приду и сражусь с тобой и тогда уж пеняй на себя»...

Весь этот ментальный диалог пролетел стремительно, за это время даже плотный туман не успел поредеть.

— Надо уходить, — вновь поторопила Азия.

— Я не пойду, — ответил я, останавливаясь на краю тумана, который уже двигался, будто кипел, разгоняемый прорывающимися сквозь него воинами.

— Не дури, — она поняла мои намерения, и в глазах ее засветилась тревога. — Оставь Музу Плего и его соратникам.

— Она звала меня, значит, ее противником должен стать я, тем более, эта блестящая сволочь еще должна мне помочь вспомнить кое-что важное, — я дотронулся ладонью до холодной щеки девушки. — Уходи с остальными.

— Нет...

— Я сказал — уходи, — пришлось добавить голосу твердости. — Если судьба так распорядилась, значит, так тому и быть!

— Жила...

— Ты в меня веришь? Ты мне веришь? — я не знал уже, что говорить, поэтому просто поцеловал ее...

Это был предпоследний аргумент. Времени на большее не осталось, сквозь туман уже рвались Полупсы Гидры. Скрепя сердце я хладнокровно отстранил Азию, высвободил руку из ее цепких пальцев и нырнул в белый кисель навстречу врагам. Там, проскользнув мимо ослепленных колдовской дымкой гвардейцев, я скрутил одного и, оглушив, оттащил в сторону.

Действовал по классике просто и проверено: переодевшись в гвардейскую форму, я затесался в ряды и без проблем выбрался в «кротовый» коридор. Там тоже кишели гвардейцы. Пробраться через их ряды не представлялось возможным, пришлось бы двигаться «против течения», что вызвало бы лишние подозрения.

Пока я думал да прикидывал, в помещение потекли клубы колдовского тумана. Сообразив, что толкаться вслепую смысла нет, гвардейцы повернули назад к лестнице, что оказалось весьма кстати для меня.

— Давайте, живее! Обойдем их сверху через кухни, а потом встретим с другой стороны катакомб! — грубым, лающим голосом рявкнул остальным главный Полупес-Умеющий. — Эй, вы, — поторопил он воинов Ольвиона, — шевелитесь живее! Мятежники не должны уйти.

Вместе с гвардейцами я поднялся в зал приемов, а там, незаметно отстал, притаившись за огромной вазой, стоящей у стены возле выхода. По словам всезнающего Бри именно из этого помещения можно было попасть в покои Великого Управителя, но ход, ведущий туда, был замаскирован, и даже пронырливый повстанец не знал, откуда он ведет.

Времени в запасе было мало, и я стал судорожно обшаривать все подозрительные места: ниши, статуи, мебель и даже висящие на стенах портреты.

Я обшарил почти ползала, когда тишину нарушило движение. Что-то скрипнуло в полу, под ногами загудело, а из-под безголовой статуи бывшего Плего повалили клубы густого пара. Гигантская фигура дрогнула и пошла вверх. Ее постамент приподнялся над полом, выпуская из-под него кабину парового лифта. Похоже, больше вход мне искать не придется — меня самого нашли!

— Мы не сомневались, что ты нас услышишь, мы ждали тебя, чтобы закончить начатое, — прозвучавший голос был мне прекрасно знаком, человек, а вернее то, что до поры до времени натянуло на себя людскую шкуру — тоже.

— На твоём месте я бы так не радовался, — предупредил я, пропуская сквозь кожу

броню.

— Думаешь одолеть меня моим же оружием? — тусклые глаза Ольвиона осмотрели меня с ног до головы. — Наивно это.

— Но попробовать-то стоит? Как думаешь? — поинтересовался я, не отводя взгляда.

Муза не ответила ничего. Наверное, обдумывала что-то, по ней, а вернее по безжизненному, иссиня-бледному лицу Управителя было сложно что-то понять. И все же я заметил, как под мертвенной тусклой кожей ходят темные тени, движутся, бугря ее части тела могучего чудовища, заточенного в хрупкую, тесную тюрьму из костей и плоти. Интересно, о чем этот монстр думает, что взвешивает, почему не атакует?

Ответ на вопрос пришел сразу — прямому нападению Муза предпочла диалог. Пока. Я спорить не стал — юлит, значит, опасается, значит, расценивает, как серьезного противника, а это, в свою очередь, означает, что у меня есть неплохие шансы одержать победу — главное, не упустить своих возможностей и шансов.

Муза все это прекрасно понимала и сама, поэтому решила задобрить, отвести глаза уговорами:

— Перед тем, как сразимся, ответь, человек, зачем тебе нужна эта битва? — голос монстра стал спокойным и почти дружелюбным, почти человеческим, настоящим, искренним. — Посмотри на нас? Так ли мы плохи? Разве не мы дали тебе силу? Разве не мы подняли из небытия? Посмотри на себя, путник! Кем бы был ты, не отправься ты за нами в погоню? Не отрицай, это мы дали тебе все — силу, надежду, друзей. Мы — твоё божество, твоя Муза, твоё вдохновение. Пока есть мы, тебе есть зачем жить, зачем идти дальше. Кем ты станешь, если мы перестанем тебя вдохновлять?

Слова Музы и вправду звучали уверенно и убедительно, но я ждал от нее подобного, поэтому твердо зубрил главное правило такого общения — не верь словам врага, даже если они покажутся правдой.

— Не мути воду и зубы мне не заговаривай! Думаешь, если я не помню своего прошлого, то мои мозги можно списать со счетов?

— А что такого важного в твоём прошлом? — мягко пропела Муза, и глаза ее опасно сверкнули красными огнями.

— Это я хочу спросить у тебя. Разве не твои слова — будто меня подослали убить тебя?

— А ты что же, этого не желаешь? — тело Ольвиона содрогнулось, тварь внутри него больше не могла сдерживаться, похоже, все это напускное спокойствие давалось ей непросто.

— Очень желаю, — не спуская глаз с противника, согласился я. — Только это мой собственный выбор, а не чья-то там наводка. Я попал в этот мир случайно и долго жил в беспомощности. Я и сейчас не помню первых дней, проведенных здесь, зато в мельчайших подробностях помню последний день там, и того человека, что отправил меня сюда без каких-либо объяснений...

После этих слов лицо Ольвиона перекосила жуткая гримаса. По идее это была улыбка, но улыбался не несчастный Управитель, а сидящая внутри него Муза. Лыбилась во всю пасть, зараза! И чем это так ее мои слова обрадовали?

— Вот как! — обрадовалась тварь, заставив тело Ольвиона сложить руки на груди. — Мы думали об этом... мы на это надеялись... — пробурчала себе под нос, но тут же осеклась и добавила с настойчивостью. — Мы расскажем тебе одну важную вещь. Очень важную. То, что ты на самом деле забыл.

— Вот как? С чего бы такая забота?

— Мы не враги тебе, поверь. Мы ведь с тобой из одного мира, даже броня, что передалась тебе — не трофеем врагу, а дар другу, брату. Мы ведь пришли сюда из одного мира, но тебя здесь поработили, лишили разума, памяти, воспоминаний, заставили гоняться за нами, как одержимого. Все это сделал Великий Управитель Плего — злодей, что лишает путников части их души...

— Хватит! — я не стал дослушивать.

Да. Все вышесказанное выглядело весьма логично и даже походило на правду, но в этом-то и была суть проблемы. Такие как Муза не говорят правду, значит, причина моего беспомыслия в другом, и уж точно не Плего в этом виноват... Но что же тогда? Я еще раз прокрутил в голове последнее воспоминание. Капсула и меня отправляют сюда без суда и следствия, без объяснения причин, без моего согласия... только это как будто не все, как будто было еще что-то... что-то несказанно, неопишимо важное... что-то...

— Ты упрям, путник, а спорить с упрямцем я больше не буду...

Голос Музы резко изменился, засочился ненавистью и ядом. Наконец-то истинное лицо напоказ — надоело уже это сюсюканье и игра в добреньких и заботливых друзей. После подобных слов чувствуешь себя идиотом, ага. Ты тут такой бегаешь, прыгаешь, гоняешься за чудищем-злодеищем, а оно, выходит, на самом-то деле белое и пушистое все такое, а ты, выходит, дурак и недотепа — не разобрался «ху из ху», так сказать...

Пол под ногами дрогнул. Я ожидал, что, как и в первой драке, управительская шкура треснет по швам и из нее вылезет наша доблестная осьминожка, да только не тут-то было! Ольвион резко попятился к лифту, а через пару шагов зарыбал и растворился в воздухе. Вот черт — это же морок! Совсем простая магическая «пшикалка» — пыхнула в воздухе и разлетелась, будто ее и не было.

Все произошло стремительно, и мне пришлось применять тактику мангуста — отскакивать от врага, бьющего в спину, не теряя времени на то, чтобы развернуться к нему лицом. Рискованно, но времени на то, чтобы развернуться уже не было.

Нельзя сказать, чтобы тактика не сработала, просто враг атаковал с четырех сторон сразу. Гадина сидела где-то в полу прямо подо мной, а теперь выпустила щупальца, окружая и не давая возможности выдержать дистанцию. Быстро сориентировавшись, я выскользнул из нацеленного на мои ноги захвата, а потом, встретил удар мощной извивающейся в воздухе конечности бриллиантовым кулаком.

И понеслась! Я крутился волчком, отбивался и уворачивался от мощнейших ударов, прыгал в стороны и вверх, бил изо всех сил. Я отдавал себе отчет, что этот бой может стать для меня последним — сила у врага была огромная, но сдаваться раньше времени я не планировал.

В этот раз Муза скинула свою маскировочную «накидку» почти полностью. Ее шкура слепила глаза — сплошной брильянт, лишь кое-где запятнанный кусками ткани и опметками человеческой кожи — всем тем, что еще осталось от тела несчастного Управителя. И теперь Муза красовалась, разворачиваясь во всю мощь. Она чувствовала мое состояние, словно насквозь просматривала и, похоже, точно знала, когда у меня сядут батарейки. Будь моя воля, я стал бы невидным и неслышным — дыхание выдавало, да и скорость начала падать.

Чуя мою усталость, Муза принялась гонять меня с удвоенной энергией. Живучести в этой твари было столько, что ей оставалось только искренне позавидовать. Мои удары

заставляли искрить бриллиантовую броню, иногда даже пробивали ее насквозь, но нанести смертельный удар я не мог, а вот Муза, похоже, могла!

Я не успел отскочить от скользнувшего под ноги щупа, и он моментально обвил мне голени, стянул, заставив рухнуть на пол, поднял к потолку и с размаху ударил о каменные плиты. Голову тут же пробил острой болью, за глазами болезненно дернуло, будто они сорвались с мышц и укатились глубже в глазницы, мозги тоже трянуло здорово, так здорово, что в горле узлом завязалась тошнота, а взгляд начал гаснуть, то уходя в черноту, то вырывая из подступающего мрака яркие пятна и круги....

Находясь за прочным стеклом капсулы, я ощущал себя рыбой в аквариуме. Это было обидно и глупо. Ну, зачем я послушал парней и поперся к этому сумасшедшему старикашке? Ведь сразу было видно — не бешеная у него собака, нормальная! Просто в суматохе меня куснула, по ошибке, так сказать.

Что меня, собаки что ли раньше не кусали? Кусали сто раз, и не бегал я ни разу по хозяевам за справками. Вообще не запаривался над подобной ерундой. И правильно делал, видать. Надо было и дальше также не запариваться...

Я со злости пнул ногой стекло. В груди росло перемешанное с досадой отчаяние, но досады было однозначно больше. Она даже не давала испугаться, тут же разменивая тревогу на злость.

Пока я проклинал себя за глупость, старик открыл в стене большой проем, где находился пульт управления, видимо, «моей» капсулой. Он копошился, возился, то и дело настраивал что-то, тревожно на меня оглядываясь.

Я обреченно уселся на пол и принялся разглядывать свою «тюрьму» в надежде углядеть хоть какой-то намек на спасение, но такового на глаза мне не попало.

Вскоре динамик вновь фыркнул и заговорил голосом «профессора»:

— Все готово для отправки. Все показатели в норме, так что удачный исход переноса могу гарантировать на 99 %.

— Да пошли вы! — буркнул я, целясь в находящийся рядом с динамиком микрофон отборной порцией мата, но старик опередил меня:

— Я понимаю ваше негодование, но прошу, выслушайте меня и возможно, мой рассказ позволит вам понять меня хоть немного, и хотя бы немного изменить свое отношение к происходящему.

— Валяйте, — прорычал я, — только сомневаюсь, что вам удастся меня убедить в своих светлых помыслах.

— Я все же попробую. Слушайте. Времени у нас мало. Итак, как вы уже поняли, я ученый. Всю свою жизнь я пытался доказать существование параллельных миров и не мог сделать этого. Изучение иной вселенной стало для меня навязчивой идеей, болезнью, одержимостью. Я не мог думать ни о чем, и однажды ночью, во сне ко мне явилось прекрасное существо — Муза. Она послала мне вдохновение, и я создал прибор, позволяющий заглянуть сквозь пространство и время в одну из параллельных вселенных.

Там я увидел чудесный мир, совсем юный, неокрепший, словно слабый росток посаженного в землю цветка. Его земли полнились магией, от которой в наших краях давно уже не осталось следов.

Когда Новый мир узрела Муза, она приложила все силы, чтоб я создал машину, позволяющую переноситься в него. Вдохновение вновь сыграло свою роль — я не спал несколько месяцев и в результате создал то, что вы видите — эту перемещающую капсулу.

Но творением своим я доволен не был. Меня терзал страх, потому что я начал понимать, что сверхъестественная сила, помощью которой я зарекся, вовсе не такое уж благо, как я сперва полагал.

День за днем я все больше убеждался, что Муза — ненасытное чудовище, а мир, в который она жаждет попасть — будет принесен ей в жертву. Самым ужасным было то, что Муза поработила меня, посадив на эйфорию вдохновения, как на наркотик. Я хотел бросить работу над капсулой, хотел разломать ее, но уже не мог — мое сознание было поглощено ей, а воля сломлена.

Когда перемещающая капсула была готова, Муза перебралась с помощью нее в Новый мир, а я остался здесь, с чувством глубочайшего разочарования и неизгладимой вины перед теми, в чью вселенную по моей халатности пробрался ненасытный монстр...

— Дурацкая сказочка, — буркнул я, сочтя услышанное полнейшим бредом, — а я-то здесь при чем?

— Дослушайте, — настоятельно попросил старик. — Осознав глубину своей ошибки, я решил исправить ее по мере возможности. Уже потеряв волю и силы бороться с одержимостью, я принялся внимательно наблюдать за Музой и понял, что тело ее защищает бриллиантовая броня, сокрушить которую нелегко.

— Не так уж сложно, если под рукой имеется мощный лазер, — съязвил я.

— В новом мире таких технологий нет, а значит, Муза там практически непобедима. Именно поэтому последние месяцы своей работы я посвятил созданию оружия, способного сокрушить чудовище.

— И где же оно?

— В вашем кармане.

— Чего? — не понял я, но на всякий случай сунул руку в карман джинсов. Единственное, что там лежало — подаренный мне Дмитрием Павловичем нож. — Это? Не похоже на меч джедая!

— Рассмотрите узор рукояти. Видите четыре черных камня на его краях и один в основании? Нажмите все пять, чтобы «утопились» до щелчка.

Я аккуратно нажал на камешки. После того, как щелкнул последний, нож в руке дрогнул, и я его выронил от неожиданности на дно капсулы. Лезвие само втянулось в рукоять, а та в свою очередь трансформировалась, будто автобот из фильма. Вскоре у моих ног оказалась какая-то вытянутая штука, похожая на большую лазерную указку. Я поднял ее и вопросительно уставился на «профессора».

— Что это?

— Переключите предохранитель и нажмите на кнопку.

Я последовал инструкции, и спустя мгновение из модифицированной рукояти вырвался алый луч, не превышающий длины ладони.

— Лазерный нож? — я с сомнением рассматривал странное оружие, — одного не могу понять, зачем вы дали его мне? Ведь если он действует — я смогу вскрыть капсулу и все ваши планы окончатся ничем. Ничем хорошим.

— Можете. Это ваше полное право. Но будьте осторожны — процесс перемещения уже запущен и если вы разгерметизируете капсулу — произойдет взрыв.

— Я так и думал, — хмуро кивнул я. — Так что вы все-таки хотите лично от меня?

— Я хочу, чтобы вы отправились в Новый мир и уничтожили Музу, — заявил старик на полном серьезе.

Судя по лицу — шутить он не собирался. Да какие уж тут могут быть шутки!

— Странный выбор борца с чудищами. Это что, метод научного тыка? Я ведь пришел к вам случайно, к межпространственным перемещениям специально не готовился и вообще...

— Вы стали жертвой форс-мажора, или выбора судьбы — назовите, как вам больше нравится. Я подготовил для путешествия своего напарника — ученика, но сегодня он попал в аварию и с тяжелой травмой оказался в больнице.

— Повезло ему, — я изобразил унылую улыбку и тут же поинтересовался с надеждой. — Может, стоило подождать, когда поправится ваш доброволец?

— Ждать нельзя. Капсула настроена на определенный день и час, в противном случае очередная возможность попасть в Новый мир может появиться только лет через пять.

— Может, подождем?

— Нет времени. Я и так возился слишком долго. Дело в том, что в параллельном мире время идет по-другому. Пока у нас тянется день, там может пройти год или даже десятилетие.

— Ладно, вы меня убедили. Запускайте свою машину...

Это не было воплем отчаяния, как не было и взвешенным решением. Просто в тот миг я понял, что стоит довериться судьбе и принять то, что она послала. Как ни странно, страха в тот миг я не испытывал, потому, что до конца не верил происходящему — уж слишком бредово оно выглядело.

В глубине души я даже желал, чтобы эта капсула, и это путешествие все же были реальностью, но где-то в мозгу мерзким опарышем копошилась мысль о том, что в каждую секунду я могу проснуться расчлененным в подвале ненормального старикашки, решившего поиграть в доктора Франкенштейна.

Если честно, такое развитие событий казалось куда более реальным, чем путешествие в иномирье. Уж лучше фантастическая сказка с героической погоней за чудищем, чем тупая мучительная смерть от рук маньяка-ученого. Эх... Верить в сказки хочется всегда...

— ...и еще... — голос Дмитрия Павловича прорвался через нарастающий со всех сторон гул, — ...самое важное! Я не хотел вам говорить, но должен! Я не знаю, как вернуть вас обратно, но я обещаю, что буду работать над этим, приложу все силы... И еще, тоже важное и главное: когда вы попадете в Новый мир, ваш мозг скорее всего включит защиту — чтобы вы не сошли с ума от нереальности произошедшего. Вы забудете все, что помнили о своем мире, возможно, вы даже забудете о вашей миссии в Новом... Вы должны будете все вспомнить! Обязательно....

Капсула наполнилась светом. Ярким, слепящим. Я закрыл глаза и будто растаял, растворился в этом свете, исчез...

... а потом вновь материализовался. Первое, что почувствовал — твердая земля под ногами. Второе — чуть заметный ветер открытого пространства.

Я открыл глаза, но тут же вновь зажмурился, чувствуя, как по ним будто ножом полоснули. Подождав немного, стал поднимать веки медленно, остановил на середине и попытался оглядеться. Когда взгляд постепенно привык к свету, я понял, что стою посреди леса.

Вокруг меня тянулись к небу высоченные сосны с густыми, чуть синеватыми кронами. Над ними в стороны расходилось небо, расчерченное белыми перьями облаков. Взглянув под ноги, я обнаружил, что стою на тропе, вымощенной черными камнями, по краям которой буйной порослью зеленеют папоротники в человеческий рост.

Тропа уходила круто направо. Я прислушался — из-за поворота отчетливо донеслось громкое топание и человеческие голоса.

Наверное, в тот миг мне следовало найти укрытие — ведь мало ли кто там мог ехать по незнакомой дороге, в незнакомом лесу совершенно незнакомого мира? Но я оцепенел. Мысли в голове застыли как желе, и мозг перестал функционировать. Меня стало клонить в сон, и картинка происходящего начала двоиться.

Я пытался заставить себя собраться и предпринять хоть какие-то действия, но мозг не слушался. Я тупо залип, глядя в одну точку и совершенно ничего не соображая. Наверное, со стороны выглядел, как рыба, оглушенная динамитом.

— Эй, ты, с дороги, — раздалось сверху.

Я лениво поднял голову и сонно взглянул в глаза жуткой зверюге, отдаленно напоминающей леопардовую лошадь на огромных гидравлических ходулях вместо ног.

— Оглух?! Ну-ка живо убирайся с дороги господина Великого Управителя! А не то тебя живо за обочину выбросим — шкварникам на корм! — вновь раздалось со спины странного животного, и я наконец углядел там всадника.

То был весьма странный тип, судя по одежде — тот еще ролевик. По крайней мере, раньше я людей одетых подобным образом не встречал. На хамоватом незнакомце были надеты кожаные доспехи и длинный плащ.

— Погоди, Фрам, дай мне взглянуть на этого человека.

Первого всадника отстранил второй. Он выглядел гораздо солиднее и одет был дороже — броню не носил, зато блестел золотыми цепями на шее и драгоценными камнями на пальцах и запястьях.

— Как ваш личный телохранитель, не могу допустить этого, господин Плего. Этот человек ведет себя странно, будто невозвращенец за обочиной. Возможно он сумасшедший, или притворяется. В любом случае я советую вам поостеречься.

— Кто ты? — не вняв совету своего охранника, поинтересовался этот, второй, который, как я догадался, был боссом первого.

— Я... — я замялся, не зная, что ответить. И не потому, что придумывал себе внятную легенду. Все обстояло гораздо хуже — моя голова стала дырявым ведром, из которого в один миг вытекло все, что я помнил о себе до сего момента. Что-то вертелось в памяти, мелькало, но я никак не мог это ухватить. Ощущение такое — будто проснулся после впечатляющего сна, но вспомнить его уже не можешь. Есть ощущение, что позабыл нечто важное, но ни одной детали, ни одного кадра, чтобы схватиться за него и вспомнить, память уже не отдает...

— Все ясно, Фрам. Это путник. Помнишь ту, последнюю группу, которой мой маг стер память, чтобы они могли отыскивать новые пути интуитивно, мысленно не сверяясь с привычными маршрутами. Похоже он из них.

— Те вроде соображали, а этот совсем какой-то отмороженный, — продолжал осторожничать Фрам, пытаясь втиснуть своего пятнистого коня между мной и боссом.

— Группа была пробной, и маг не распределил силу заклятия на всех равномерно. Этому парню похоже досталось больше остальных. Эй, ты, обратился он ко мне, ты что-нибудь соображаешь?

Я медленно кивнул, соврав. Слово «соображаешь» относилось ко мне в тот момент весьма отдаленно.

— Тогда иди за мной....

Я очнулся, и все встало на свои места. Вот он, последний кусок мозаики, растерянных паззлов памяти, утраченный казался бы навсегда...

Надо мной чудовищным спрутом вилась Муза. Ее смертоносные щупальца уже тянулись к моим ногам и рукам, готовясь схватить, чтобы без разговоров разорвать на куски.

Я откатился в сторону и укрылся за обломком рухнувшей статуи. Безголовое тело Великого Управителя стало для меня неплохим прикрытием — ослепленная Муза несколько раз хлестнула по нему, выбив искры, но меня не обнаружила.

Так сон или явь? Правда или бесплотная фантазия ищущего надежду на спасение ума? Выдохнув, я вынул из ботинка заветный нож. Пять черных камней на рукояти блеснули таинственно и грозно, и я не заставил себя ждать — утопил их все по очереди...

...Нож в моей руке дрогнул, будто живой. Я раскрыл ладони, не мешая оружию трансформироваться — все, как в видении. Дождавшись завершения процесса, я сжал рукоять, выпуская на свободу смертоносный лазерный луч, и словно почуяв неминуемую опасность, над моей головой отчаянно и грозно заревела Муза:

— Ты все-таки принес его сюда! — громогласный рев монстра отразился от высокого потолка и стен зала приемов. — Знай, он тебе не поможет! Ничто не поможет, потому что этот мир мой! Все миры мои, и все души живущие в них! Все...Все до одной! И твоя душа!

Брильянтовые щупальца устремились ко мне, желая скрутить в смертельных объятьях, но блестящую холодным драгоценным инеем броню тут же полоснул алый луч. И тут же последовал новый рев монстра, в этот раз он прозвучал болезненно и трусливо.

— Подожди, путник, подожди! — щупальца моментально втянулись в ошметки разворочанного тела Ольвиона, и измятая потрепанная кожа вновь собралась в человеческую фигуру, правда теперь она выглядела неестественно, помятой и покореженной, словно плохо сделанная кукла в человеческий рост. — Ты умыкнул кусок моей идеальной брони и знаешь, на что она годится. Я дам тебе еще брильянтов, если ты встанешь на мою сторону.

Я молчал, решительно глядя на спасовавшего монстра, говорить с ним мне совершенно не хотелось, но Муза расценила мое молчание, как внимание к собственным словам и продолжила:

— Кроме брильянтов, я отдам тебе место Великого Управителя и все пути этого мира лягут к твоим ногам. Только представь, кем станешь ты, имея несокрушимую броню и беспредельную власть....

— Заманчивое предложение, но я уже пообещал одному человеку разобраться с тобой, а кидать людей я не люблю, — равнодушно ответил я.

Хотелось добавить, что я не люблю общественную работу, и должность Великого Управителя меня интересует мало. Брильянтовая шкура — это конечно лучше, но кто знает, вдруг и у меня от переизбытка брильянтов в организме щупальца из всех мест полезут? Нет уж, спасибо, хватит мне и кулаков... Да и вообще, все это лирика, попадаться на обещания коварного чудища я не собирался — слишком очевидно, на понт берет ведь, падла, так сказать, на дурака, на жадность давит, даже не на жалость...

То ли все мои мысли были налицо, то ли Муза их прочитала, пробуравив злобным взглядом мой череп, только больше она торговаться не стала, с пронзительным свистом и злобным шипением рванула остатки измятого тела Ольвиона, выстреливая всеми своими щупальцами. Они сверкнули опасными бликами и, как кнуты, посекали воздух.

— Значит, нет?! Нет?! — разгневанный вопль чудовища эхом прокатился по залу.

— Нет, — кивнул я, крепче сжав нож в кулаке. — Мой ответ нет.

— Тогда ты умрешь, глупец!

Муза рванулась стремительно, растягивая щупальца и опутывая ими все пространство вокруг.

— Тебе не уйти, — шипело чудовище, заставляя меня вновь спрятаться за статую, — тебе деваться некуда, здесь ты как в ловушке. Здесь я паук, а ты — глупая муха...

... С этими словами Муза приблизилась вплотную, оказалась совсем рядом, и я не упустил момент — изловчился и прыгнул, минуя разведенные в стороны щупальца, и, достигнув блистающего, драгоценного тела вонзил в грудь врага лазерный клинок...

Чудовище взвыло страшным, невыносимо высоким, исходящим на ультразвук голосам, его тело содрогнулось, а потом взорвалось, разлетевшись по залу кусками. Меня отбросило к стене, засыпало кусками вонючего черного мяса, пахнущего болотной жижей, а потом засыпало сверкающей пылью рассыпавшейся бриллиантовой брони.

Взрыв оглушил, я некоторое время провалялся у стены, не в силах двинуться и зашевелился, лишь услышав, как по залу зазвучали шаги. Я задвигался, тщетно пытаюсь встать на ноги — ко мне навстречу уже спешили друзья. Первым подскочил Адька в зверином облике:

— Ты жив? — он подставил под руку лохматое плечо, помогая подняться на ноги. — Что это за вонючая дрянь тут раскидана?

— Муза, — прохрипел я, ощущая, как при каждом вздохе отдает болью в груди: сломанные ребра вещь не из приятных, но, по сути, ерунда, ведь битва с Музой могла закончиться и гораздо более серьезными повреждениями, если вообще закончиться... — Вы-то как?

— Лучше не придумаешь, — обрадовано выкрикнул в ответ Бри.

Его лицо сияло радостью, а куртка и доспех были сплошь усеяны пятнами крови — здорово ему похоже досталось. Не лучше выглядела и Азия — ее плечо пересекала рубленая рана от меча.

— Все кончилось, Жила, — сдержанно улыбаясь, сказала она. — Гвардейцы Ольвиона сложили оружие, когда по зову Плега явились новы, а с головорезами Гидры разобрался Кира. Жалко, что сам Гидра сбежал, но далеко ему не уйти — люди Великого Управителя уже выдвинулись по его следам...

— Я понимаю, что все давно не виделись и соскучились, — наострив уши подметил Адька, — но, может, двинем отсюда? Уж больно погано тут воняет.

Запах вокруг действительно стоял премерзкий. Я заметил, что плоть чудовища начала разлагаться почти на глазах. Над мясными кусками блистающим облаком витала брильянтовая пыльца, после взрыва она стала совсем невесомой и теперь чуть заметно сверкала в воздухе.

Среди вонючего месива валялся мой нож. Лазерный луч потух, и теперь футуристическая рукоять тускло поблескивала среди черного месива. Отпустив адькин загрибок, я дохромал до оружия и подобрал его. Застыв на секунду, еще раз оглядел разгромленный зал приемов и то, что осталось от грозного врага. Так вот ты какая, победа! Не горькая и не сладкая, какая-то оглушительная, нереальная... Вот стою я тут теперь и поверить не могу, что все кончилось, не могу осознать...

— Эй, Жила! Чего застрял? — нетерпеливо окликнул меня Умеющий, — Меня сейчас вывернет от этого запаха!

— Я Андрей...

— Чего? — Адька непонимающе склонил на бок голову и поднял одно ухо, остальные непонимающе переглянулись.

— Меня зовут Андрей. Андрей Жилин из Красноозерска, — уверенно повторил я потому что вспомнил...

Только друзья меня не услышали, голос растворился в гуле рогов, вое труб и грохоте барабанов, возвещающих жителям Изначального Дома и всего Нового Мира о возвращении Великого Управителя, о победе над врагом и о наступлении новой эпохи для всех, кто готов отправиться в очередное путешествие по бесконечным дорогам из черных камней.

Эпилог

Остров старого Механика остался за спиной. Шагоход дрогнул, скрипнул стальными суставами и медленно поплыл по брюхо в белом киселе.

Я откинулся в кресле, глядя, как растекаются за лобовым стеклом космы тумана. Кабина размеренно покачивалась на белых волнах туманного моря. Впереди у его края темной щеткой топорщился лес, а над ним блеклым плоским блином висела дневная луна. Над дальними деревьями небо было ясным, в то время как над туманом оно оставалось в непроглядной дымке.

Адька в зверином облике лежал на полу и жаловался, что его укачивает. В соседних креслах сидели Азия и Люта. Каждая занималась своим делом. Люта восторженно пялилась в окно и быстро делала пером какие-то пометки в маленьком блокноте. Азия отделила от стены панель откидного стола и, разложив на ней меч, аккуратно смазывала специальным маслом раздвижные колена своего оружия.

Просто идиллия какая-то! За окном длинной тенью проплыл октоход. Увидав монстра вблизи, Люта, для которой такое «заобочинное» путешествие было первым, сперва отпрянула от стекла, а потом прильнула к нему, пытаясь рассмотреть диковинного зверя во всех деталях, и снова быстро-быстро застрочила пером по бумаге...

Покидая остров Сириуса в первый раз я, говоря честно, не думал, что когда-нибудь к нему вернусь. Но судьба, как говорится все решает сама...

После победы на Музой произошло многое.

На пост Великого Управителя вернулся Плег, а освободившееся место в Совете занял Дрейк. С давней враждой между отцом и сыном наконец-то было покончено. Друзья-повстанцы, расставаясь с которыми младший Фосса не собирался ни под каким предлогом, получили официальные места в управительской гвардии. Об этом мне гордо поведал Бри, хвастая новой формой и именным оружием.

Базу по бесчеловечному производству черного камня обнаружили спустя несколько дней все в тех же катакомбах. Секретное помещение находилось на секретном ярусе, спрятанном под химерьими клетками. О том, как туда попасть, знали лишь несколько приближенных Ольвиона, которым пришлось расколотся, ведь хранить секрет было больше не для кого.

Слава небесам, не все похищенные демонами люди погибли в процессе жутких экспериментов. Половина пленников была еще жива и относительно невредима. Несчастных спасли, а отыскавшийся в подземелье запас изготовленных Музой дорожных камней решено было пустить на нужды людей. Великий Управитель лично приказал восстановить и расширить искусственный Дом своего отца, чтобы отдать его под заселение.

Всех принадлежавших Ольвиону серых скитальцев сперва хотели уничтожить, но потом, заручившись умением сильных магов, решили переквалифицировать в рабочих для строительства и прочих хозяйственных нужд.

Оставив Плего и Совет заниматься восстановлением порядка, я, Азия и Адька с Лютой отправились в Дурной Дом. Нужно было навестить старых знакомых. Всю дорогу я очень надеялся, что с бабкой Рябиной, Стефанией и остальными все в порядке. Чтобы не петлять по лабиринтам Тракта Изменений, я предложил воспользоваться шагоходом. Чего машине зря простаивать?

Добрались до Дури быстро, и с трудом узнали места былых сражений. За время нашего отсутствия родина Люты из сумрачной неприветливой глухомани превратилась в цветущее, полное жизни поселение. Темные окна засветились яркими огнями, а улицы наполнились народом. Рябина и Стефания гостей не ждали, и были очень удивлены неожиданным визитом. Я был очень рад увидеть их живыми и здоровыми. Мой конь тоже был в целости и сохранности, он даже узнал меня и при встрече стал громко фыркать и тыкаться в руки мордой.

Немного погостив, мы покинули Дурь и отправились в Пятый Дом, к адькиной родне. Старуха Рябина настояла, чтобы я забрал своего питомца — пришлось грузить коня в шагоход. Процесс этот получился забавным и трудоемким, но все же общими усилиями мы затащили упирающуюся скотину в стальное чрево равнодушной машины.

В Пятом Доме Адьку встретили как героя, слухи о его славных ратных подвигах передавались из уст в уста, правда дошли они до родной деревни Умеющего в несколько искаженном виде. Согласно одним из них Адька в одиночку сражался с сумасшедшим клоном Управителя Плего, согласно другим, он вплавь пересек болота, питаясь в пути змеехватами и шкварниками. Слушая эти бредни я старался помалкивать и не опровергать «очевидного» — пусть Адька насладится славой. Азия поддерживала мою стратегию, только Люта иногда не могла удержаться от сдержанного пофыркивания.

Провожая друзей восвояси, я был уверен, что они вернутся в свои Дома, и наша команда распадется, но не тут-то было. Погостив у родни, Адька и Люта изъявили желание продолжить путь вместе. Азия, которой идти было некуда, как и мне, эту мысль поддержала. Цель для нового путешествия нашлась быстро. В принципе, я определил ее для себя еще в лесу, на секретном острове старого Сириуса. Поиск машины Механиков, способной производить дорожные камни — вот что заботило меня тогда, и не переставало заботить теперь.

Итак, все той же дружной командой мы явились к последнему Механику и, получив от него благословение и несколько смутных ориентиров, двинули через туман...

Я смотрел, как за лобовым стеклом белесая мгла растекается превращается в густое молоко. Глядя в него, я раздумывал о своем прошлом и своей памяти. Прошлая жизнь, иная жизнь, теперь далекая и недостижимая, как полузабытый сон. Была ли она вообще? Или я опять что-то позабыл? А, впрочем, какая теперь разница? Ведь теперь у меня началась новая жизнь, новая история, полная приключений и тайн — разве плохо? А главное — я помню свое имя и знаю, кто я — Андрей Жилин, путник Нового мира. Так что вперед и только вперед!

Больше книг на сайте - Knigolub.net